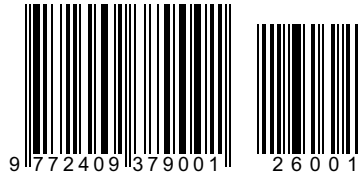


ISSN 2409-3793



9 772409 379001

2 6 0 0 1

В Е С Н І К

Магілёўскага дзяржаўнага
ўніверсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца са снежня 1998 года

Серыя D. ЭКАНОМІКА, САЦЫЯЛОГІЯ, ПРАВА

Выходзіць два разы ў год

1 (67)
2026

Галоўная рэдакцыйная калегія:

д-р гіст. навук прафесар Д. С. Лаўрыновіч (галоўны рэдактар)
д-р экан. навук прафесар Н. У. Макоўская (нам. галоўнага рэдактара,
старшыня рэдакцыйнага савета серыі D)
д-р гіст. навук прафесар Я. Р. Рыер (нам. галоўнага рэдактара)
канд. гіст. навук А. І. Галавач (адказны сакратар)

Эканоміка:

д-р экан. навук прафесар А. Р. Ефіменка (Магілёў)
д-р экан. навук прафесар Л. У. Пакуш (Горкі)
канд. экан. навук дацэнт Т. Ф. Балашова (Магілёў)
канд. экан. навук дацэнт Н. А. Асіпенка (Магілёў)

Сацыялогія:

д-р сацыял. навук прафесар С. В. Лапіна (Мінск)
д-р сацыял. навук прафесар Н. М. Беляковіч (Мінск)
д-р сацыял. навук дацэнт М. Я. Ліхачоў (Магілёў)
канд. сацыял. навук дацэнт С. М. Ліхачова (Магілёў)

Права:

д-р юрыд. навук прафесар В. Б. Шабанаў (Мінск)
д-р юрыд. навук прафесар В. М. Бібіла (Мінск)
д-р юрыд. навук прафесар А. Г. Цікавенка (Мінск)
канд. юрыд. навук дацэнт С. І. Доўгун (Магілёў)
канд. юрыд. навук дацэнт А. І. Пліско (Магілёў)
канд. юрыд. навук дацэнт Т. А. Корань (Магілёў)

*Навукова-метадычны часопіс “Веснік Магілёўскага дзяржаўнага
універсітэта імя А. А. Куляшова” ўключаны ў РІНЦ
(Расійскі індэкс навуковага цытавання),
ліцэнзійны дагавор № 811-12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫІ:
212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
vesnik_mdu@mail.ru

**MOGILEV STATE
A. KULESHOV UNIVERSITY
BULLETIN**

THEORETICAL-SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in December 1998

Series D. ECONOMICS, SOCIOLOGY, LAW

Published twice per year

**1 (67)
2026**

Editorial Board:

Lavrinovich D. S., Chief Editor, Doctor of Historical Sciences, Professor
Makovskaya N. V., Deputy Chief Editor, Chairman of the Editorial Committee (Series D),
Doctor of Economic Sciences, Professor
Riyer Y. G., Deputy Chief Editor, Doctor of Historical Sciences, Professor
Golovach E. I., Executive Secretary of the Editorial Board, Ph.D.

Economics:

Yefimenko A. G., Doctor of Economic Sciences, Professor (Mogilev)
Pakush L. V., Doctor of Economic Sciences, Professor (Gorky)
Balashova T. F., Ph. D., Associate Professor (Mogilev)
Asipenka N. A., Ph. D., Associate Professor (Mogilev)

Sociology:

Lapina S. V., Doctor of Sociological Sciences, Professor (Minsk)
Belyakovich N. N., Doctor of Sociological Sciences, Professor (Minsk)
Lihachev N. G., Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor (Mogilev)
Lihacheva S. N., Ph. D., Associate Professor (Mogilev)

Law:

Shabanov V. B., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Minsk)
Bibilo V. N., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Minsk)
Tikovenko A. G., Doctor of Juridical Sciences, Professor (Minsk)
Dovgun S. I., Ph. D., Associate Professor (Mogilev)
Plisko A. I., Ph. D., Associate Professor (Mogilev)
Koran T. A., Ph. D., Associate Professor (Mogilev)

Theoretical-scientific journal
“Mogilev State A. Kuleshov University Bulletin”
is included in the bibliographic database
“Russian Science Citation Index”,
License agreement № 811-12/2014

The editorial board address:
212022, Mogilev, Kosmonavtov Str., 1,
vesnik_mdu@mail.ru

З М Е С Т

<i>КАРПЕНКО Е. М., ХУАН СИНЬЮЭ</i> Экономические предпосылки развития медицинских услуг по уходу без сопровождения в Китае.....	7
<i>ЗАМАНА О. В.</i> Эффективность страховых услуг как фактор резилиентности международной торговли: подходы и индикаторы оценки.....	16
<i>БЕЛЬСКИЙ А. М., ШУРКО А. В.</i> Стратегии взаимоотношений партнеров в современной белорусской семье.....	25
<i>САКОВИЧ А. Ю.</i> Перспективы развития малых городов Беларуси (социологический аспект).....	34
<i>КУПЦОВА И. Г.</i> Социальное самочувствие и жизненные стратегии жителей малых городов Могилевской области.....	40
<i>КОРЕНЬ Т. А.</i> Урегулирование банкротных споров в контексте современных типов судопроизводства.....	46
<i>ЛЕАНОВИЧ Е. Б.</i> Императивные нормы в международном частном праве: от постановки проблемы до нормативной регламентации.....	53
<i>ПАНТЕЛЕЕВА Н. В.</i> Виды и способы осуществления инвестиций в промышленность как факторы достижения ее эффективности.....	60
<i>КУЗЬМЕНКОВА Т. Н.</i> Государственно-правовой механизм обеспечения информационной безопасности личности: состояние и направления совершенствования.....	67
<i>ХОВРАТОВА С. Н.</i> Правовое регулирование отношений супругов и бывших супругов по материальному содержанию в Беларуси и странах ближнего зарубежья.....	75
<i>МАСЛАКОВА А. А.</i> Зарубежный опыт применения партисипативной процедуры в гражданском процессе.....	81
<i>БАНЬ А. А.</i> О дифференциации составов административных правонарушений в области охраны окружающей среды.....	88

C O N T E N T S

KARPENKA E. M., HUANG XINYUE Economic preconditions for the development of unaccompanied medical care services in China	7
ZAMANA O. V. Efficiency of insurance services as a factor of international trade resilience: approaches and assessment indicators	16
BELSKI A. M., SHURKO A. V. Relationship strategies of partners in the contemporary belarusian family	25
SAKOVICH A. YU. Prospects for the development of small towns in Belarus (sociological aspect)	34
KUPTSOVA I.G. Social well-being and life strategies of small town residents in the Mogilev region.....	40
KOREN T. A. Settlement of bankruptcy disputes in the context of modern types of legal proceedings.....	46
LEANOVICH E. B. Mandatory norms in private international law: from statement of the problem to normative regulation	53
PANTELEEVA N. V. Types and methods of investment in industry as factors in achieving its effectiveness.....	60
KUZMENKOVA T. N. State-legal mechanism for ensuring personal information security: status and directions for improvement	67
KHOVRATOVA S. N. Legal regulation of spousal and former spousal maintenance relations in Belarus and neighboring countries.....	75
MASLAKOVA A. A. Foreign experience of applying participatory procedure in civil proceedings.....	81
BANA A. A. On the differentiation of elements of administrative offenses in the field of environmental protection.....	88

ЭКАНОМІКА, САЦЫЯЛОГІЯ, ПРАВА

УДК 378: 364

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ ПО УХОДУ БЕЗ СОПРОВОЖДЕНИЯ В КИТАЕ

Е. М. Карпенко

доктор экономических наук, доцент
Белорусский государственный университет

Хуан Синьюэ

аспирант
Белорусский государственный университет

Для решения социальных проблем ускоренного старения населения Китая и чрезмерного бремени стационарного ухода с сопровождающим при структуре семьи «421» исследованы модель реализации и эффективность «услуг по уходу без сопровождения» путем анализа практических примеров в провинциях Гуандун и Фуцзянь. Предлагается учесть международный опыт: модель PAS (США), трехуровневая аккредитация (Германия). Создана эмпирическая основа для построения системы медицинского обслуживания с китайской спецификой, и предлагается механизм его внедрения на национальном уровне (охват медицинским страхованием, подготовка персонала), что будет способствовать повышению качества медицинских услуг.

Ключевые слова: услуги по уходу без сопровождения, стареющее общество, медицинские работники, реформа служб по уходу, стационарный сопровождаемый уход, интеллектуальное управление здоровьем.

Введение

В настоящее время темпы старения населения в Китае ускоряются. К концу 2023 г. численность населения старше 60 лет достигла 31,27 млн чел. (21,1% от общей численности населения), а численность населения старше 65 лет соответственно 22,83 млн чел. и 15,4%. Кроме того, большинство семей страны относится к типу «421», когда в одной семье проживают три поколения: один ребенок – два родителя (мама и папа) – четыре прародителя (бабушки и дедушки) [1]. Эти факторы оказали существенное влияние на организацию ухода за пациентами в больнице и за ее пределами.

Еще в 2010 г. бывшее Министерство здравоохранения и Государственное управление традиционной китайской медицины сформулировали «Рабочие стандарты внедрения качественных сестринских услуг в больницах (пробное внедрение)», в которых предлагалось «не полагаться на членов семьи пациента или самостоятельно ухаживающих за ним лиц»; а в 2020 г. Главное управление Национальной комиссии по здравоохранению и охране здоровья выпустило «Циркуляр о дальнейшем укреплении сестринского ухода в медицинских учреждениях», выдвинув аналогичную точку зрения и руководящие принципы.

26 октября 2024 г. National Health Promotion Association (NHPA) выпустило уведомление о руководящих принципах создания пунктов сестринского ухода (для пробного применения) и оптимизации ценовой политики сестринского ухода, одним из основных пунктов которого является добавление новой «услуги по уходу без сопро-

вождения», которая подлежит ценообразованию, регулируемому правительством. Национальная комиссия по здравоохранению и охране здоровья разработала «Пилотную программу по предоставлению услуг по сопровождению в больницах», которая еще больше расширила содержание услуг по сопровождению, а сфера действия услуги была расширена с отдельных провинций до всех провинций страны (пилотный период: июнь 2025 – июнь 2027 гг.).

Основная часть

Сущность «ухода без сопровождения». «Уход без сопровождения» – новая медицинская услуга, появившаяся в последние годы. Уход без сопровождения не означает, что пациента никто не сопровождает, а означает, что профессиональные медицинские работники медицинских учреждений обеспечивают круглосуточный непрерывный уход за стационарными больными, больше не полагаясь на членов семьи пациента для личного сопровождения и не требуя от членов семьи нанимать собственных сиделок [2].

Традиционное «семейное сопровождение» в основном опирается на членов семьи или сиделок, не прошедших систематическую подготовку, и их профессионализм варьируется; в то время как служба «ухода без сопровождения» состоит из профессиональной команды сиделок и медсестер, прошедших стандартную подготовку (для приема на работу им необходимо пройти аттестацию по «Программе подготовки медицинских и сестринских работников»), и может обеспечить более стандартный уход за жизнью, базовый сестринский уход, а также реагирование на чрезвычайные ситуации, например, помощь в реабилитационном обучении и мониторинг жизненных показателей. Качество услуг более гарантировано. Сравнительный анализ «семейного сопровождения» и «ухода без сопровождения» представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Различия между традиционным «семейным сопровождением» и новой услугой «ухода без сопровождения»

«Семейное сопровождение»	«Уход без сопровождения»
1. Уровень профессионализма	
Члены семьи без соответствующей подготовки или сиделки, с разной степенью обученности	Профессиональные лицензированные сиделки и медицинские сестры
2. Уровень стандартизации услуг	
Стандартизация отсутствует	Стандартизированный процесс в системе ИСО
3. Уровень комплексности услуги	
Охватывают уход за жизнью	Охватывают уход за жизнью, психологическую поддержку и укрепление здоровья, обеспечивая индивидуальный целостный уход
4. Уровень нагрузки (затрат времени)	
Высокий уровень нагрузки на членов семьи, отвлечение их от основной работы, снижение производительности труда	Перенесение нагрузки на профессионалов, сохранение для народного хозяйства трудоспособных членов семьи
5. Уровень экономических затрат	
Высокий (при условии учета потерь в оплате труда в результате отвлечения от основной деятельности)	Регулируемое государством разумное ценообразование

Окончание таблицы 1

6. Уровень эффективности коммуникаций с лечащим врачом	
Требует дополнительных затрат времени и финансов	Медицинские команды создают прозрачный механизм обратной связи с помощью эффективного профессионального общения
7. Уровень технического оснащения сопровождения пациента	
Определяется условиями жизни в семье	Определяется технической оснащенностью больниц

Опыт отдельных провинций Китая. До выхода пилотной программы по предоставлению услуг по «уходу без сопровождения» в больницах Гуандун, Фуцзянь, Хубэй и других провинций выпустили соответствующие нормативные документы и внедрили их на экспериментальной основе, что позволило добиться значительных результатов.

В Гуандуне уже в 2022 г. начались соответствующие эксперименты по предоставлению стационарным больным круглосуточного ухода со стороны профессиональных медицинских работников, которые могут быть выбраны добровольно. Комиссия по здравоохранению провинции Гуандун считает, что продвижение пилотной схемы «ухода без сопровождения» имеет большое значение.

Дунгуань, один из первых пилотных городов провинции Гуандун по предоставлению услуг по «уходу без сопровождения», запустил пилотную программу в девяти отделениях четырех больниц, обслуживающих 2970 пациентов. Весь медицинский и сестринский персонал прошел обучение и получил соответствующую квалификацию. В отделениях, где предоставляются услуги по «уходу без сопровождения», пациенты экономят в среднем 97,5 юаня в день [3]. По словам директора Народной больницы Дунгуаня, в пилотных отделениях средняя ежемесячная стоимость услуг сопровождения для каждого пациента значительно снизилась – с 1125 долл. США в традиционном режиме «семейное сопровождение» с привлечением сиделки до 853 долл. США. Поскольку профессиональный сестринский уход более эффективен и способствует быстрому выздоровлению пациентов, средняя продолжительность пребывания пациентов также сократилась примерно на два дня – с 16,52 до 14,32 дня, что также облегчило финансовое бремя семей пациентов.

В апреле 2025 г. правительство провинции Гуандун выпустило документ о стандартах ценообразования на услуги по «уходу без сопровождения», чтобы предотвратить дифференциацию тарифов и сборов в государственных больницах, который будет внедрен во всех крупных государственных больницах. Основная статья «Услуги по уходу без сопровождения» относится к услугам «один к трем», то есть один медицинский работник обслуживает трех пациентов одновременно, и цена установлена в размере 140 юаней в день на одного пациента; услуги «один к двум» – 180 юаней; услуги «один к одному» – 280 юаней.

Правительство провинции Гуандун приняло во внимание некоторые особые обстоятельства при формировании цен. Например, если сиделка имеет медицинское образование, к вышеуказанным расценкам может быть добавлено еще 20%. В связи с особым географическим положением провинции Гуандун (ее близостью к Юго-Восточной Азии на юге и наличием в ней ряда этнических меньшинств) правительство провинции Гуандун ввело политику индивидуальной оплаты услуг, чтобы удовлетворить потребности различных групп пациентов и их семей в медицинском обслуживании. Эта политика направлена на поддержку медицинских учреждений в предоставлении пациентам и их семьям языковых услуг (иностранные языки, языки этнических меньшинств) и другие дополнительные услуги, которые отвечают индивидуальным потребностям и

повышают эффективность лечения. Цены на соответствующие услуги устанавливаются больницами самостоятельно в соответствии с фактическими затратами и конъюнктурой рынка.

В ряде экспериментальных больниц Гуандуна подготовке младшего медицинского персонала уделяется первостепенное внимание. В Шэньчжэне центральная больница Longgang, ставшая первым пилотным подразделением в регионе, с марта 2022 г. в пилотном режиме задействовала 13 палат. С марта 2022 г. по апрель 2025 г. палаты без сопровождения центральной больницы Лунган обслужило более 20 тыс. пациентов и внедрило организационное обучение более 200 сотрудников по уходу.

Отделение сестринского дела больницы Чжуцзян внедрило многоуровневую систему обучения «общее образование + специальные знания», в которой отделение сестринского дела выбирает старших медсестер в качестве преподавателей для обучения основным навыкам, таким как базовый уход и психологическая поддержка, а специализированное обучение для сиделок проводится после того, как они назначаются на работу в конкретное отделение в соответствии с особенностями отделения.

В провинции Гуандун ряд пилотных больниц прилагает большие усилия для совершенствования своих интеллектуальных систем управления. В частности, народная больница Дунгуань самостоятельно разработала полнофункциональную интеллектуальную систему управления информацией о медсестрах и успешно получила сертификат авторского права на программное обеспечение, подтверждающий ее инновационность и практичность. Система направлена на оптимизацию процесса ухода за больными и повышение прозрачности услуг, а также на создание замкнутого цикла информационного взаимодействия между членами семьи, обслуживающим персоналом и руководством.

Члены семьи могут общаться с сиделками по видеосвязи и по «единой кнопке» через эксклюзивное приложение APP, а с помощью доски объявлений и журналов ухода они могут узнать о ситуации с пациентом в режиме реального времени; сиделки интегрируют интеллектуальные функции планирования, напоминания о задачах и записи о сдаче смены, автоматически выполняют задания сиделок и поддерживают загрузку многообразных отчетов о сдаче смены для обеспечения непрерывности ухода; руководство больницы использует информационные технологии для отслеживания всего процесса обучения, планирования, обслуживания и оценки сиделок посредством анализа больших данных и составления качественных отчетов.

Применение этой системы управления информацией не только значительно повышает эффективность и качество услуг медсестер Народной больницы Дунгуаня, но и создает мост доверия между больницей, медперсоналом и семьей пациента с помощью цифровых средств, обеспечивая модель для продвижения услуг по «уходу без сопровождения» по всей стране.

Для того чтобы внедрить инновации в систему услуг по «уходу без сопровождения» больница Гонконгского университета в Шэньчжэне (далее «HKU-SZH») руководствовалась международным видением и опиралась на преимущества медицинского сотрудничества между Шэньчжэнем и Гонконгом.

В HKU-SZH врачи, медсестры и медицинские работники тесно сотрудничают друг с другом, образуя эффективную команду по уходу. Обладая профессиональными медицинскими знаниями, врачи и медсестры отвечают за основные задачи, такие как мониторинг состояния и реализация планов лечения, а медицинский персонал обеспечивает базовый уход за больными. Четкое разделение труда и синергия между тремя сторонами обеспечивают пациентам комплексный и профессиональный уход и улучшают результаты лечения [4].

Больница HKU-SZH рассматривает развитие информационных технологий как важный инструмент повышения качества сестринского ухода, внедряя интеллектуальные системы вызова медсестер, мобильные рабочие станции медсестер и другое оборудование для достижения полного мониторинга медсестер.

Провинция Фуцзянь, первой в Китае предложившая и изучившая идею «неприсоединяемых» палат, сделала ключевой шаг вперед в инновационной модели медицинского обслуживания, опередив провинцию Гуандун. Бюро медицинского страхования провинции Фуцзянь выступило с инициативой, которая объединяет расходы на сопровождение с расходами на медицинское обслуживание и медицинские препараты и объединяет их в рамках выплат по медицинскому страхованию. Согласно этой политике, пациенты должны оплачивать 30% расходов из собственных средств, а остальные 70% расходов будут оплачиваться в соответствии с положениями базового медицинского страхования [5]. По сравнению с системой оплаты в провинции Гуандун, данный полис медицинского страхования в провинции Фуцзянь значительно снижает финансовую нагрузку на семьи пациентов, особенно на семьи с низким уровнем дохода, открывая доступ к качественным медицинским услугам, гарантируя им эффективное лечение.

На основе опыта пилотных проектов можно извлечь следующие пять уроков.

Укрепление системы профессиональной подготовки. В ответ на недостаточный профессионализм традиционных сопровождающих (членов семьи и сторонних сиделок) больницы должны взять на себя ведущую роль в обучении, а также строго проверять и контролировать привлечение сторонних сиделок. Больница должна выстроить многоуровневое обучение по принципу «общее образование + специальные знания».

Создание замкнутого цикла стандартизированного управления медицинским уходом. Экспериментальным больницам необходимо: создать механизм управления всем процессом обучения, оценки и контроля, а также обновлять навыки путем регулярного переобучения; четко определить разделение труда между врачами и медсестрами, внедрить многоуровневую систему контроля качества, включающую проверки старших медсестер, контроль со стороны отдела сестринского ухода и оценку со стороны пациентов, а также включить в оценку качество услуг и квалификационный аудит, чтобы способствовать стандартизации и специализации сестринских услуг.

Устойчивая защита прав и интересов медицинского персонала и система их карьерного роста. Пилотным медицинским учреждениям необходимо сделать защиту прав и интересов сиделок приоритетной задачей, уделяя внимание их физическому и психическому здоровью, оптимизируя условия труда и улучшая материально-техническую поддержку. В ответ на такие проблемы, как нерегулярные трудовые договоры, низкая заработная плата, чрезмерно продолжительный рабочий день и отсутствие социального обеспечения, необходимо содействовать заключению официальных трудовых договоров между сиделками и сторонними учреждениями, а также изучить возможность совместного приобретения страхования профессиональных рисков, чтобы добиться двусторонней защиты прав и интересов сиделок и пациентов. В то же время необходимо создать научную систему повышения заработной платы, в которой разряды будут зависеть от профессионального уровня, и повысить привлекательность профессии [6].

4. Поощрение комплексности и цифровизации услуги. Пилотные больницы могут разрабатывать интеллектуальные системы ухода, создавать трехсторонние платформы информационного взаимодействия для членов семьи, сиделок и руководства, реализовывать дистанционную связь для членов семьи, интеллектуальное планирование для сиделок и контроль всего процесса обслуживания. Внедряются интеллектуальные системы вызова для обеспечения немедленного реагирования на потребности пациентов.

Кроме того, особое внимание уделяется совершенствованию способностей сиделок к гуманистическому уходу за больными, с помощью нарративного ухода, психологического консультирования, что позволяет удовлетворить эмоциональные потребности пациентов.

5. Создание научной и прозрачной системы тарифов и услуг. Национальное бюро медицинского страхования выпустило руководящие принципы, регулирующие порядок рыночного ценообразования. С учетом региональных экономических различий необходимо установить дифференцированную плату за «услуги без сопровождения», следуя принципу «польза для народа и выгода для отрасли», принимая во внимание доступность для населения и устойчивость отрасли, и устанавливать цены на основе сочетания таких факторов, как интенсивность ухода и техническая сложность услуги. Что касается моделей обслуживания, то пилотные больницы внедрили различные программы ухода: «командные услуги», в рамках которых бригады медсестер составляют научно обоснованное расписание для обеспечения круглосуточного ухода; «индивидуальные эксклюзивные услуги», в рамках которых предоставляется индивидуальное сопровождение; и «базовые услуги «один ко многим», применяются к людям, способным к самообслуживанию. Различные режимы соответствуют ступенчатой оплате, в то время как традиционные палаты для «семейного сопровождения» сохраняются для выбора. Кроме того, больницы могут самостоятельно устанавливать цены на персонализированные дополнительные услуги (например, перевод на иностранный язык, адаптация к особым потребностям), чтобы оптимизировать медицинское обслуживание с помощью клиентоориентированных услуг.

Основные недостатки китайских услуг по уходу с сопровождением. Несмотря на то, что в некоторых провинциях, таких как Гуандун, Фуцзянь и Хубэй, завершено пилотное внедрение услуг по уходу без сопровождения, а удовлетворенность пациентов этими услугами достигает 95% и более, в Китае существуют очевидные недостатки в механизме оплаты, подготовке специалистов, объеме услуг и регулировании по сравнению с развитыми зарубежными системами.

Таблица 2 – Сравнение Китая и других стран по различным аспектам

Услуги по уходу в сопровождении в Китае	Система долгосрочного ухода в США	Немецкий сертификат медсестры
Механизм оплаты		
В основном самофинансирование (140-280 юаней/день), пока не включено в медицинскую страховку	Medicare покрывает краткосрочный уход, а Medicaid покрывает долгосрочный уход для людей с низким доходом	Страхование по долгосрочному уходу возмещается на разных уровнях, а доля самостоятельной оплаты варьируется в зависимости от дохода
Подготовка специалистов		
Уровень сертификации сестринского персонала низок, отсутствует единая профессиональная сертификация	Создать систему PAS (услуги персональной помощи), в рамках которой семьи могут нанимать обученных и квалифицированных сиделок	Трехуровневая система сертификации (помощник - профессионал - специалист), заработная плата привязана к уровню

Окончание таблицы 2

Сценарий медицинского обслуживания		
Только стационарное лечение (специальная помощь / уровень I)	Охватывает учреждения, сообщества и дома (такие как дневные центры для взрослых и агентства по уходу на дому)	Уход на дому составляет более 70%, и мы тесно сотрудничаем с медицинскими учреждениями
Система контроля и сертификации		
Зависимость от самоконтроля в больнице, отсутствие внешнего надзора	Обязательный рейтинг федеральной CMS + сторонний аудит, данные общедоступны	Регулярные внезапные проверки, проводимые Ассоциацией по контролю качества сестринского ухода (MDK)

Единый механизм оплаты и ограниченная доступность. По сравнению с США, Китаю еще предстоит расширить сферу возмещения расходов на медицинское обслуживание. Американская программа Medicaid поддерживает около 1,6 млн пожилых людей с низкими доходами, которые несут расходы на стационарное лечение [7–8]. В отличие от этого, в Китае на данном этапе пациенты, как правило, сами несут ответственность за свой уход.

Существует большой дефицит кадров и недостаточная специализация. В настоящее время существует значительный разрыв между уровнем профессионализма китайских специалистов по уходу за больными и потребностями развития отрасли. Данные показывают, что большинство сиделок в медицинских учреждениях имеют среднее образование или ниже, и, как правило, не имеют систематического и стандартизированного профессионального обучения. Сиделки, нанимаемые сторонними компаниями, имеют разный уровень квалификации, в их возрастной структуре преобладают люди «40–50 лет» [9], а некоторые специалисты страдают от недостатка коммуникативных навыков, что затрудняет обеспечение качества услуг, а текучесть кадров в отрасли остается высокой.

Узкие сценарии обслуживания и неспособность увязать их с потребностями дома. В настоящее время услуги по уходу без сопровождения в Китае в основном ориентированы на уход за пациентами во время госпитализации, а полная цепочка услуг, охватывающая этап реабилитации после выписки, еще не сформирована, что приводит к «пробелу» в предоставлении услуг по реабилитации на дому пожилых пациентов с хроническими заболеваниями (например, пациентов с последствиями инсульта) после выписки. Эти пациенты остро нуждаются в профессиональном уходе и реабилитации на дому, но существующая система обслуживания с трудом справляется с этой задачей. В отличие от этого, в США создана развитая сеть услуг по уходу на дому, в которой услуги по уходу на дому составляют более 50% от общего объема, а дневные центры для взрослых обеспечивают переходную поддержку пациентов из больницы в дом [10].

Влияние опыта в других странах на Китай.

Создание многоуровневой системы оплаты для снижения нагрузки на семьи. Страховые компании могут включить услуги по уходу без сопровождения в существующее медицинское страхование или разработать новый вид страхования по уходу за больными, чтобы покрыть расходы, связанные с услугами по уходу без сопровождения, и тем самым снизить расходы семей пациентов. Ожидается, что в будущем часть расходов на уход за сопровождаемыми будет включена в объем медицинского страхования, что позволит эффективно снизить нагрузку на семьи пациентов [11]. Предлагается гибко формулировать конкретные

методы возмещения и коэффициенты медицинского страхования в соответствии с фактической ситуацией в каждом регионе, чтобы более точно удовлетворять реальные потребности большинства пациентов.

Внедрение системы подготовки специалистов «теоретическое обучение + клиническая подготовка». Чтобы решить существующую в отрасли дилемму несоответствия квалификационных стандартов для медицинских работников, мы можем перенять опыт Германии, где существует развитая трехуровневая система сертификации, и создать единый национальный профессиональный квалификационный стандарт для медицинских работников [12]. Стандарт будет разрабатываться и издаваться совместно департаментами кадров и социального обеспечения, а также органами здравоохранения, чтобы обеспечить авторитет и профессионализм квалификации специалистов путем унификации процесса оценки и стандартизации требований к квалификации. Что касается механизмов подготовки специалистов, то профессионально-технические училища, колледжи и университеты с высшим образованием поощряют создание дополнительных специализаций, связанных со здравоохранением, и углубляют режим сотрудничества между училищами и колледжами. Учебные заведения могут совместно с медицинскими учреждениями разрабатывать системы учебных программ, включать клиническую практику в учебные планы, организовывать прохождение студентами практики в больницах за год до окончания учебы и, используя двухканальную систему «теоретическое обучение + клиническая подготовка», обеспечивать медицинские учреждения и учреждения здравоохранения всех уровней целевым выпуском медицинских работников с прочными профессиональными знаниями и профессиональными навыками, чтобы повысить общее качество и профессионализм команды медсестер из первоисточника.

Расширение сценариев оказания услуг и объединение всего цикла «внутрибольничного и внебольничного» ухода:

- оказание услуг на дому: в соответствии с американской моделью PAS сиделкам разрешено распространять свои услуги на дом к пациентам для оказания переходных услуг (например, 2-недельной помощи в послеоперационной реабилитации) [13];

- активизация ресурсов сообществ: создание «станций ухода» совместно с общественными медицинскими центрами для обеспечения дневного ухода и обучения навыкам;

- расширение возможностей интеллектуальных технологий: поддержка крупных государственных больниц в самостоятельной разработке систем управления информацией, позволяющих в режиме реального времени просматривать записи об обслуживании и получать экстренные звонки от членов семьи.

Заключение

Проведенное исследование, проведенное в статье, показывает, что «услуги по уходу без сопровождения» значительно сокращают продолжительность пребывания пациентов в больнице, снижают финансовое бремя семей и повышают уровень удовлетворенности более чем на 95% благодаря специализированному разделению труда (квалифицированный уход медсестрами + уход за больными лицензированными сиделками) и интеллектуальному управлению. Сформулированы рекомендации на практическом уровне: поиск решений проблемы ухода «больница – дом», содействие трансформации медицинских ресурсов от потребления рабочей силы к оптимизации эффективности, например, модель оплаты пакетов медицинского страхования в провинции Фуцзянь, которая служит образцом для использования на национальном уровне. Сформулированы рекомендации на академическом уровне: восполнение теоретических пробелов в разработке институциональных услуг в области интеграции здравоохранения и ухода за пожилыми людьми, предложение «многоуровневого обучения – лицензированного ухода за пожилыми людьми – интеллектуального управления» (система отслеживания информации больницы Дунгуань). Она выдвигает триединую модель «страгифицированное обучение – динамический контроль – инновации в оплате», которая предоставляет эмпирические доказательства для внедрения

системы страхования долгосрочного ухода. В будущем необходимо преодолеть узкие места, связанные с устойчивостью платежей (включение связи медицинского страхования и коммерческого страхования) и профессионализацией специалистов (создание национальной системы сертификации), а также распространить услуги на домашние сценарии, чтобы реализовать скачок от стационарного замещающего сопровождения к управлению здоровьем полного цикла.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Уведомление Национального управления по стандартизации, Министерства гражданских дел и Министерства торговли о выпуске «Специального плана действий по стандартизации ухода за пожилыми людьми и бытовых услуг» // Информация об отрасли [Электронный ресурс] – 2023. – URL: http://www.cagg.org.cn/portal/child_policy/article.html (дата обращения: 10.06.2025).
2. Статистический бюллетень развития социальных услуг в 2015 году // Министерство гражданских дел [Электронный ресурс] – 2016. – URL: <http://www.mca.gov.cn/article/sj/tjgb/201607/20160700001136.shtml> (дата обращения: 10.06.2025).
3. **Линь, Цинцин** Средняя ежедневная экономия 97,5 юаней! Среднее количество дней госпитализации сократилось на 2 дня! / Линь Цинцин, Чжу Цзялэ // Вечерние новости Янчэна. – 2025. – № 4. – С. 1–2.
4. **Чжао, Хунфэй** Один человек госпитализирован, нет необходимости бегать всей семьей / Чжао Хунфэй // Новости бизнеса Шэньчжэня. – 2025. – № 4. – С. 1–2.
5. **Хуан, Цзиньхуэй** Сколько препятствий нам нужно преодолеть, чтобы продвигать услуги по уходу без сопровождения? / Хуан Цзиньхуэй, Ву Яньнань, Ма Янь [и др.] // Южная ежедневная газета. – 2025. – № 5. – С. 2–4.
6. **Ву, Смин** Как усовершенствовать и оптимизировать цены на услуги по уходу без сопровождения, продвигаемые больницами во многих местах / Ву Смин // Первая финансовая газета. – 2025. – № 6. – С. 6.
7. **Leblanc, A. J.** State Medicaid programs offering personal care services / A. J. Leblanc, M. C. Tonner // Health Care Financing Review. – 2001. – Т. 22, № 4. – P. 155–173.
8. **Frank, R. G.** Long-term care financing in the United States: Sources and institutions / R. G. Frank // Applied Economic Perspectives and Policy. – 2012. – Т. 34, № 2. – P. 333–345.
9. **Ян, Янь** «Профессиональный» вход для решения проблемы «один человек в больнице, а вся семья занята» / Ян Янь, Ань Ин // Синьхуа Дейли. – 2025. – № 10. – С. 2–3.
10. **Цай, И.** Распространение американской системы долгосрочного ухода в Китае / И Цай, Дань Цуй, Цзунфу Мао // Исследования политики здравоохранения Китая. – 2017. – Т. 10, № 1. – С. 58–63.
11. Чтобы облегчить проблему «за одним пациентом в больницу должна ехать вся семья», Китай ввел новый проект «услуги по уходу без сопровождения» // Новости CCTV [Электронный ресурс] – 2024. – URL: <https://www.xhby.net/content/s673c10a0e4b09f022e595c48.html> (дата обращения: 08.06.2025).
12. U.S. DHHS National Long-Term Care Clearinghouse, The Basis: Where can you receive care? [Электронный ресурс] – 2016. – URL: <http://longtermcare.gov/the-basics/where-can-you-receive-care> (дата обращения: 08.06.2025).
13. **Хуан, Цзинь** Практика европейской пенсионной реформы и ее последствия для Китая / Цзинь Хуан, Шуфань Цзя // Новый запад. – 2016. – № 12. – С. 178–179.

Поступила в редакцию 21.07.2025 г.

Контакты: emkarpenko@mail.ru (Карпенко Елена Михайловна, Хуан Синьюэ)

Karpenka E. M., Huang Xinyue. ECONOMIC PRECONDITIONS FOR THE DEVELOPMENT OF UNACCOMPANIED MEDICAL CARE SERVICES IN CHINA

In order to address the social problems of the accelerating aging of the population in China and the excessive burden of inpatient care with an accompanying attendant under the “421” family structure, the implementation model and effectiveness of “unaccompanied care services” are analyzed through case studies in Guangdong and Fujian provinces. It is proposed to take into account international experience: the PAS model (USA) and three-level accreditation (Germany). An empirical basis for building a medical service system with Chinese characteristics is created, and a mechanism for its implementation at the national level (health insurance coverage, personnel training) is proposed, which will contribute to improving the quality of medical services.

Keywords: unaccompanied care services, ageing society, health workers, care service reform, inpatient accompanied care, intelligent health management.

УДК 368:339.5

ЭФФЕКТИВНОСТЬ СТРАХОВЫХ УСЛУГ КАК ФАКТОР РЕЗИЛИЕНТНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ: ПОДХОДЫ И ИНДИКАТОРЫ ОЦЕНКИ

О. В. Замана

магистр экономических наук, старший преподаватель кафедры международного бизнеса и маркетинга факультета экономики и управления Гродненский государственный университет им. Я. Купалы
аспирант кафедры международного бизнеса факультета международных экономических отношений
Белорусский государственный экономический университет

Современная международная торговля, эволюционируя в сложную нелинейную сеть с каскадным распространением рисков, требует принципиально новых подходов к риск-менеджменту. В этом контексте страховые услуги приобретают ключевое значение. В статье предлагается и обосновывается система индикаторов, предназначенная для оценки эффективности этих услуг в условиях глобальной турбулентности. Методологическая рамка исследования интегрирует пять подходов, комплексно раскрывающих функционирование страховых услуг и их влияние на устойчивость экспортно-импортного комплекса.

Ключевые слова: международная торговля, страховые услуги, риски, риск-менеджмент, оценка эффективности, экосистема страхования.

Введение

Международная торговля занимает ключевую позицию в системе глобальной экономики, выступая важнейшим двигателем экономического развития и сотрудничества между странами. Она охватывает широкий спектр процессов, что делает ее не только экономическим, но и социальным и институциональным феноменом [1, с. 16].

Современный этап развития международной торговли характеризуется ее трансформацией в сложную сетевую систему с нелинейной динамикой и каскадными эффектами, что становится особенно актуальным на фоне последних кризисов. Пандемия COVID-19 и усиление геополитической напряженности наглядно продемонстрировали уязвимость глобальных цепочек добавленной стоимости, в которых шок в одной точке способен вызывать масштабные сбои по всему миру. В таких условиях риски перестают быть изолированными инцидентами и приобретают системный и эмерджентный характер.

Это закономерно обусловило эволюцию стратегий управления рисками: от использования традиционных инструментов страхования и хеджирования к интегрированным страховым услугам нового поколения, включающим предиктивную аналитику, цифровой мониторинг страховых событий и адаптивное планирование в реальном времени.

Подобное смещение акцента с индивидуальных инструментов на системные механизмы управления рисками требует соответствующей переоценки подходов к анализу и оценке эффективности страховых услуг в международной торговле.

Таким образом, возникает научная проблема: существующие методики оценки сфокусированы на отдельных страховщиках или продуктах и не позволяют адекватно оценить способность экономики страны противостоять многоуровневым системным угрозам при выходе на мировые рынки. Возрастает необходимость оценивать способность национальной экосистемы страховых услуг (рис. 1) как единого института управлять комплексными рисками и обеспечивать устойчивость и адаптивность экспортно-импортного комплекса государства.



Рисунок 1 – Национальная экосистема страховых услуг.
 Источник: собственная разработка автора.

В данном случае в центре внимания оказываются:

- полнота охвата торговых потоков страховой защитой;
- адекватность совокупного капитала к системным шокам;
- эффективность распределения рисков между государственным и частным сегментами;
- скорость и качество сервисных процессов;
- фактическое влияние страховой поддержки на устойчивость и поведение экономических агентов.

Соответственно, система индикаторов должна быть построена так, чтобы отражать эти характеристики на макро-, мезо- и микроуровне, быть верифицируемой обоими партнерами и агрегируемой в интегральную оценку.

Основная часть

По результатам анализа научных источников [2–6] представляется возможным выделить совокупность подходов, формирующих методологическую рамку разработки системы индикаторов оценки эффективности страховых услуг в международной торговле:

1. Системно-сетевой подход.
2. Партнерско-институциональный подход.
3. Риск-ориентированный регуляторный подход.
4. Процессно-сервисный подход.
5. Клиентоцентричный и резилентностный подход.

Выделяемые подходы отражают различные аспекты функционирования страхового рынка – институциональный, эконометрический, поведенческий и функциональный, – что позволяет рассматривать страховые услуги не только как инструмент перераспределения рисков, но и как элемент обеспечения устойчивости внешнеэкономической деятельности государства.

Далее приводится характеристика каждого подхода, построенная на выделенных ключевых индикаторах.

Системно-сетевой подход. Данный подход опирается на представление мировой торговли как сложной графовой системы, в которой узлами выступают предприятия, порты, банки и иные участники, а ребрами – логистические и платежные каналы, объединенные в кластеры отраслей и регионов. Соответственно, индикаторы эффективности страховых услуг должны быть релевантны элементам этой структуры. Ключевые показатели данного подхода определены следующие: ECR (структура охвата), GDI (географическая диверсификация), EILAR (способность поглощения системных шоков). Особенностью системно-сетевого подхода является ориентация на измерение «мыслящей» функции страховой услуги, т. е. ее вклада в устойчивость всей цепочки поставок, что отличает его от традиционных KPI.

Партнерско-институциональный подход основан на необходимости поддержания баланса распределения рисков, ответственности и ресурсов между государственными и частными структурами в рамках государственно-частного партнерства. Оценка строится на принципе верифицируемости данных обеими сторонами. В числе индикаторов: PPPLM (мультипликатор привлечения частного капитала), RSI (индекс распределения рисков), CSR_publ (скорость катастрофической поддержки), ICR (совместные инновационные вложения). Реализация подхода минимизирует перекалывание ответственности между секторами и укрепляет доверие в страховой экосистеме.

Риск-ориентированный регуляторный подход предполагает унификацию оценки капитала и катастрофических убытков с международными стандартами (Solvency II, IAIS ICP, формы QRT S.23.01, S.05.01). Ключевым индикатором выступает SCAR (отношение совокупного капитала к стресс-убытку «1-in-200») [7]. Использование риск-ориентированных норм обеспечивает сопоставимость национальной системы оценки с глобальными требованиями и повышает доверие иностранных инвесторов и контрагентов к страховым институтам страны.

Процессно-сервисный подход. Фокус данного подхода направлен на измерение скорости, качества и непрерывности предоставления страховых услуг, рассматриваемых как поток добавленной стоимости в сетевой торговле. Индикаторы включают STP (прямая сквозная обработка), APIT (время выпуска полиса), ACST (время урегулирования убытков), EPP (удельные издержки). Реализация данного подхода обеспечивает связь страховых метрик с оборотом капитала участников внешней торговли и с распространением операционных сбоях по цепочке поставок.

Клиентоцентричный и резилентностный подход. Цель подхода – оценить влияние страховых услуг на устойчивость денежных потоков реальных компаний и их соответствие ESG-требованиям (экологическим, социальным и управленческим стандартам устойчивости). Среди индикаторов можно выделить ERG (сокращение волатильности выручки), NPS и CSI (сервисные метрики), EACI (ESG-направленность покрытий) [8]. Таким образом, эффективность страховой экосистемы оценивается через ее фактический вклад в повышение устойчивости бизнеса, а не только по финансовым результатам страховщика.

Все перечисленные индикаторы из каждого подхода являются универсальными по форме и логике расчета, однако для национального рынка Республики Беларусь потребуются замена международных баз данных на локальные аналоги (таможенная статистика, Белстат, отчетность НБРБ в формате XBRL или аналогичных регуляторных XML-отчетов); использование действующих национальных нормативов страховой solventности (методика НБРБ) вместо или наряду с Solvency II и IAIS ICP; привлечение данных из национальных реестров государственных гарантий, перестраховочных пулов и страховых ассоциаций.

Использование перечисленных подходов позволит выстроить целостную методологическую архитектуру оценки эффективности страховых услуг, в которой экономическая, институциональная и цифровая составляющие объединены в единую систему измерения. Такая рамка не только обеспечивает объективность анализа, но и формирует основу для выработки государственной политики в области страхового сопровождения международной торговли, направленной на повышение резилентности национальной экономики.

Таким образом, методологическая рамка исследования опирается на пять взаимодополняющих подходов. Их согласованное применение формирует интегративную систему оценки, позволяющую количественно измерить резилентность страхового сектора в контексте международной торговли.

Исходя из перечисленных подходов, систему индикаторов можно структурировать в четыре кластера: экосистемно-структурные, партнерско-финансовые, операционно-процессные и клиентско-резилентные, каждый из которых формализует отдельный аспект эффективности страховых услуг в сетевой среде международной торговли.

Первый кластер – экосистемно-структурные индикаторы – призван охватить макроуровневые свойства страхового покрытия:

- показатель охвата торговых потоков (ECR) демонстрирует долю экспортного оборота, защищенного полисами;
- коэффициент географической диверсификации (GDI) оценивает распределение премий по регионам;
- отношение совокупного капитала к критическому стресс-убытку «1-in-200» (SCAR) показывает устойчивость платежеспособности, а индекс поглощения макроэкономических потерь (EILAR) измеряет долю ВВП-ущерба, компенсируемую выплатами по прерыванию экспорта.

Данные для расчета берутся из таможенной статистики, надзорных отчетов страховых организаций и национальных межотраслевых моделей.

Второй кластер – партнерско-финансовые индикаторы – фокусируется на балансе рисков и ресурсов между публичным и частным сегментами. Мультипликатор привлечения частного капитала (PPPLM) отражает соотношение выписанных премий частных страховщиков к объему выданных госгарантий, индекс распределения рисков (RSI) оценивает долю сохраненного в национальной системе риска, коэффициент оперативности катастрофической поддержки (CSR_publ) измеряет скорость доведения средств до бенефициаров, а отношение публичных грантов к частным инвестициям в InsurTech (ICR) служит индикатором совместных инновационных вложений.

Источниками служат бюджеты гарантийных программ, перестраховочные бордеро и сведения о субсидиях.

Третий кластер – операционно-процессные метрики – предназначен для оценки качества и скорости основных страховых операций как «потока ценности». Доля полностью автоматизированных транзакций (STP), среднее время выпуска полиса (APIT), среднее время урегулирования убытков (ACST) и удельные издержки на полис (EPP) непосредственно влияют на оперативность сделок и распространение сетевых сбоев.

Логи ACORD-совместимых систем, управленческая отчетность и данные урегулирования лежат в основе расчетов.

Четвертый кластер – клиентско-резилентные показатели – фиксирует реальное воздействие страховой защиты на поведение компаний-экспортеров и соответствие новым устойчивым стандартам. Индекс прироста устойчивости экспортера (ERG) вычисляет снижение волатильности выручки после страховой поддержки, NPS и CSI отражают лояльность и удовлетворенность клиентов, а ESG-адаптированный индекс

покрытия (EACI) показывает долю премий, направленных на риски в области экологии, климата и социальных стандартов.

Источниками являются международные стандарты финансовой отчетности (МСФО), клиентские опросы и реестры продуктовых предложений.

Для интеграции разнородных метрик применяется многокритериальный метод анализа иерархий (АНР), в результате чего формируется комплексный индекс эффективности экосистемы (СІЕЕ).

Нормализация значений осуществляется по правилу min-max (формула 1.1) с учетом инверсии «ухудшающих» индикаторов [9], а веса подиндексов определяются консенсусом представителей Минфина, регуляторов и отраслевых ассоциаций. По результатам анализа научных источников [2–6], представляется возможным выделить совокупность подходов, формирующих методологическую рамку разработки системы индикаторов оценки эффективности страховых услуг в международной торговле:

1. Системно-сетевой подход.
2. Партнерско-институциональный подход.
3. Риск-ориентированный регуляторный подход.
4. Процессно-сервисный подход.
5. Клиентоцентричный и резилиентностный подход.

Выделяемые подходы отражают различные аспекты функционирования страхового рынка – институциональный, эконометрический, поведенческий и функциональный, – что позволяет рассматривать страховые услуги не только как инструмент перераспределения рисков, но и как элемент обеспечения устойчивости внешнеэкономической деятельности государства.

Далее приводится характеристика каждого подхода, построенная на выделенных ключевых индикаторах.

Системно-сетевой подход. Данный подход опирается на представление мировой торговли как сложной графовой системы, в которой узлами выступают предприятия, порты, банки и иные участники, а ребрами – логистические и платежные каналы, объединенные в кластеры отраслей и регионов. Соответственно, индикаторы эффективности страховых услуг должны быть релевантны элементам этой структуры. Ключевые показатели данного подхода определены следующие: ECR (структура охвата), GDI (географическая диверсификация), EILAR (способность поглощения системных шоков). Особенностью системно-сетевого подхода является ориентация на измерение «мыслящей» функции страховой услуги, т. е. ее вклада в устойчивость всей цепочки поставок, что отличает его от традиционных KPI.

Партнерско-институциональный подход основан на необходимости поддержания баланса распределения рисков, ответственности и ресурсов между государственными и частными структурами в рамках государственно-частного партнерства. Оценка строится на принципе верифицируемости данных обеими сторонами. В числе индикаторов: PPPLM (мультипликатор привлечения частного капитала), RSI (индекс распределения рисков), CSR_{publ} (скорость катастрофической поддержки), ICR (совместные инновационные вложения). Реализация подхода минимизирует перекладывание ответственности между секторами и укрепляет доверие в страховой экосистеме.

Риск-ориентированный регуляторный подход предполагает унификацию оценки капитала и катастрофических убытков с международными стандартами (Solvency II, ЦАИС ICP, формы QRT S.23.01, S.05.01). Ключевым индикатором выступает SCAR (отношение совокупного капитала к стресс-убытку «1-in-200») [7]. Использование риск-ориентированных норм обеспечивает сопоставимость национальной системы оценки с глобальными требованиями и повышает доверие иностранных инвесторов и контрагентов к страховым институтам страны.

Процессно-сервисный подход. Фокус данного подхода направлен на измерение скорости, качества и непрерывности предоставления страховых услуг, рассматриваемых как поток добавленной стоимости в сетевой торговле. Индикаторы включают STP (прямая сквозная обработка), APIT (время выпуска полиса), ACST (время урегулирования убытков), EPP (удельные издержки). Реализация данного подхода обеспечивает связь страховых метрик с оборотом капитала участников внешней торговли и с распространением операционных сбоев по цепочке поставок.

Клиентоцентричный и резилентностный подход. Цель подхода – оценить влияние страховых услуг на устойчивость денежных потоков реальных компаний и их соответствие ESG-требованиям (экологическим, социальным и управленческим стандартам устойчивости). Среди индикаторов можно выделить ERG (сокращение волатильности выручки), NPS и CSI (сервисные метрики), EACI (ESG-направленность покрытий) [8]. Таким образом, эффективность страховой экосистемы оценивается через ее фактический вклад в повышение устойчивости бизнеса, а не только по финансовым результатам страховщика.

Все перечисленные индикаторы из каждого подхода являются универсальными по форме и логике расчета, однако для национального рынка Республики Беларусь потребуются замена международных баз данных на локальные аналоги (таможенная статистика, Белстат, отчетность НБРБ в формате XBRL или аналогичных регуляторных XML-отчетов); использование действующих национальных нормативов страховой solventности (методика НБРБ) вместо или наряду с Solvency II и IAIS ICP; привлечение данных из национальных реестров государственных гарантий, перестраховочных пулов и страховых ассоциаций.

Использование перечисленных подходов позволит выстроить целостную методологическую архитектуру оценки эффективности страховых услуг, в которой экономическая, институциональная и цифровая составляющие объединены в единую систему измерения. Такая рамка не только обеспечивает объективность анализа, но и формирует основу для выработки государственной политики в области страхового сопровождения международной торговли, направленной на повышение резилентности национальной экономики.

Таким образом, методологическая рамка исследования опирается на пять взаимодополняющих подходов. Их согласованное применение формирует интегративную систему оценки, позволяющую количественно измерить резилентность страхового сектора в контексте международной торговли.

Исходя из перечисленных подходов, систему индикаторов можно структурировать в четыре кластера: экосистемно-структурные, партнерско-финансовые, операционно-процессные и клиентско-резилентные, каждый из которых формализует отдельный аспект эффективности страховых услуг в сетевой среде международной торговли.

Первый кластер – экосистемно-структурные индикаторы – призван охватить макроуровневые свойства страхового покрытия:

- показатель охвата торговых потоков (ECR) демонстрирует долю экспортного оборота, защищенного полисами;
- коэффициент географической диверсификации (GDI) оценивает распределение премий по регионам;
- отношение совокупного капитала к критическому стресс-убытку «1-in-200» (SCAR) показывает устойчивость платежеспособности, а индекс поглощения макроэкономических потерь (EILAR) измеряет долю ВВП-ущерба, компенсируемую выплатами по прерыванию экспорта.

Данные для расчета берутся из таможенной статистики, надзорных отчетов страховых организаций и национальных межотраслевых моделей.

Второй кластер – партнерско-финансовые индикаторы – фокусируется на балансе рисков и ресурсов между публичным и частным сегментами. Мультипликатор привлечения частного капитала (PPPLM) отражает соотношение выписанных премий частных страховщиков к объему выданных госгарантий, индекс распределения рисков (RSI) оценивает долю сохраненного в национальной системе риска, коэффициент оперативности катастрофической поддержки (CSR_publ) измеряет скорость доведения средств до бенефициаров, а отношение публичных грантов к частным инвестициям в InsurTech (ICR) служит индикатором совместных инновационных вложений.

Источниками служат бюджеты гарантийных программ, перестраховочные бордеро и сведения о субсидиях.

Третий кластер – операционно-процессные метрики – предназначен для оценки качества и скорости основных страховых операций как «потока ценности». Доля полностью автоматизированных транзакций (STP), среднее время выпуска полиса (APIT), среднее время урегулирования убытков (ACST) и удельные издержки на полис (EPP) непосредственно влияют на оперативность сделок и распространение сетевых сбоев.

Логи ACORD-совместимых систем, управленческая отчетность и данные урегулирования лежат в основе расчетов.

Четвертый кластер – клиентско-резиллиентные показатели – фиксирует реальное воздействие страховой защиты на поведение компаний-экспортеров и соответствие новым устойчивым стандартам. Индекс прироста устойчивости экспортера (ERG) вычисляет снижение волатильности выручки после страховой поддержки, NPS и CSI отражают лояльность и удовлетворенность клиентов, а ESG-адаптированный индекс покрытия (EACI) показывает долю премий, направленных на риски в области экологии, климата и социальных стандартов.

Источниками являются международные стандарты финансовой отчетности (МСФО), клиентские опросы и реестры продуктовых предложений.

Для интеграции разнородных метрик применяется многокритериальный метод анализа иерархий (АНР), в результате чего формируется комплексный индекс эффективности экосистемы (СІЕЕ).

Нормализация значений осуществляется по правилу min-max (формула 1.1) с учетом инверсии «ухудшающих» индикаторов [9], а веса подиндексов определяются консенсусом представителей Минфина, регуляторов и отраслевых ассоциаций.

$$X_{norm} = (X_i - X_{min}) / (X_{max} - X_{min}), \quad (1.1)$$

где

X_i – исходное значение показателя (например, значение индикатора для конкретной страны, региона, года и т. д.).

X_{min} – минимальное значение этого показателя среди всех наблюдаемых объектов (т. е. «наихудший» результат по данному показателю).

X_{max} – максимальное значение показателя среди всех объектов (т. е. «наилучший» результат).

X_{norm} – нормализованное значение, которое после расчета всегда лежит в диапазоне от 0 до 1 (0 соответствует наихудшему (минимальному) значению; 1 – наилучшему (максимальному)).

Качество и достоверность данных обеспечивается созданием распределенного Data Lake [10], где объединяются сегменты государственных реестров, страховых и пе-

рестраховочных баз, а также телеметрия логистических провайдеров. Национальный Data Lake формируется по принципам совместимости с форматом XBRL и поддерживает API-доступ для регуляторов и исследователей. В целом, предложенная методологическая конструкция обеспечивает комплексную оценку эффективности страховых услуг в международной торговле как сетевой системы. Такая методология способна прогнозировать, предотвращать и нейтрализовать системные угрозы, сохраняя при этом высокие стандарты качества обслуживания и прозрачности распределения рисков.

Заклучение

Проведенное исследование подтвердило, что развитие международной торговли в условиях нарастающих глобальных рисков невозможно без переосмысления роли страховых услуг как системного института устойчивости. Современные кризисы выявили ограниченность традиционных моделей страховой защиты, ориентированных на изолированные риски, и продемонстрировали необходимость перехода к экосистемному управлению на основе цифровизации, предиктивной аналитики и межсекторного взаимодействия. Предлагаемая методологическая рамка, включающая пять взаимодополняющих подходов – системно-сетевой, партнерско-институциональный, риск-ориентированный, процессно-сервисный и клиентоцентричный, – формирует целостное представление о способности национальной страховой экосистемы противостоять системным шокам при участии в условиях международной торговли. Применение предложенного подхода в национальной практике Республики Беларусь позволит повысить прозрачность страхового рынка, укрепить доверие международных контрагентов и повысить резилентность экономики в целом. Таким образом, страховые услуги следует рассматривать не только как инструмент перераспределения рисков, но и как активный фактор поддержания устойчивого развития и конкурентоспособности страны на мировых рынках.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Замана, О. В.** Особенности формирования страховых услуг в международной торговле / О. В. Замана // *Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта*. – 2025. – № 3. – С. 16–22.
2. **Pettit, T.** Supply Chain Resilience: Development of a Conceptual Framework, an Assessment Tool and an Implementation Process: Doctoral dissertation / T. Pettit. – Ohio State University, Columbus, USA, 2008. – 420 p.
3. **Tang, C. S.** Robust Strategies for Mitigating Supply Chain Disruptions / C. S. Tang // *International Journal of Logistics: Research and Applications*. – 2006. – Т. 9. – № 1. – P. 33–45. – DOI: 10.1080/13675560500405584.
4. **Hirschman, A. O.** National Power and the Structure of Foreign Trade / A. O. Hirschman. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 2024. – 234 p.
5. **Ludwig, A.** Solvency II / В кн.: Radtke M., Schmidt K.D., Schnaus A. (ред.) *Handbook on Loss Reserving*. – Cham : Springer, 2016. – 322 p. (EAA Series). – DOI: 10.1007/978-3-319-30056-6_36.
6. International Association of Insurance Supervisors (IAIS). *Insurance Core Principles. Guidance Paper on Internal Models*. – Geneva, 2019. – URL: <https://www.iais.org/uploads/2022/01/191114-IAIS-ICPs-and-ComFrame.pdf> (date of access: 08.10.2025).
7. World Bank. *Global Economic Prospects. January 2024*. – Washington, D.C., 2024. – URL: https://intosaissia.org/images/reports/WB_GEP-Jan-2024_compressed.pdf (date of access: 08.10.2025).
8. McKinsey & Company. *Global InsurTech Report 2021*. – New York, 2021. – 85 p.
9. *Min-Max Algorithm in Artificial Intelligence // Scaler Topics in AI*. – URL: <https://www.scaler.com/topics/artificial-intelligence-tutorial/min-max-algorithm/> (date of access: 08.10.2025).
10. **Dixon, B.** *Building Enterprise Data Lakes: Governance, Integration, and Standards* / B. Dixon. – London : Elsevier, 2016. – 178 p.

Поступила в редакцию 14.10.2025 г.

Контакты: isachenko-ov@mail.ru (Замана Оксана Владимировна)

Zamana O. V. EFFICIENCY OF INSURANCE SERVICES AS A FACTOR OF INTERNATIONAL TRADE RESILIENCE: APPROACHES AND ASSESSMENT INDICATORS

Modern international trade, evolving into a complex nonlinear network with cascading risks, requires fundamentally new approaches to risk management. In this context, insurance services are of paramount importance. The article proposes and substantiates a system of indicators designed to assess the effectiveness of these services amid global turbulence. The methodological framework of the study integrates five approaches that comprehensively reveal the functioning of insurance services and their impact on the resilience of the export-import complex.

Keywords: international trade, insurance services, risks, risk management, performance assessment, insurance ecosystem.

УДК 316.362.1-058.833:303.425.2(476)

СТРАТЕГИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПАРТНЕРОВ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ СЕМЬЕ ¹

А. М. Бельский

кандидат социологических наук, доцент,
руководитель Центра оперативных исследований
Институт социологии НАН Беларуси

А. В. Шурко

магистр социологических наук,
младший научный сотрудник Центра оперативных исследований
Институт социологии НАН Беларуси

В статье представлен анализ данных, полученных в результате двух волн (2017 г. и 2023 г.) лонгитюдного исследования по методологии «Поколения и гендер», затрагивающих взаимоотношения партнеров в семьях. Дана характеристика типичных интеракций в семейной сфере, рассмотрены причины разногласий в современных белорусских семьях, а также паттерны разделения домашних обязанностей.

Ключевые слова: семья, отношения, интеракция, брак.

Введение

Специфика взаимоотношений в семье может быть фактором, провоцирующим возникновение проблем как минимум в трех взаимосвязанных областях: 1) рождаемости [1]; 2) воспитании и социализации детей [2, 3]; 3) устойчивости брачного союза [4]. Так, на рождаемость, помимо иных факторов (материальных, личностных, биологических и т. д.), могут влиять особенности взаимодействия между партнерами непосредственно [5]. Наличие или отсутствие доверительных отношений в союзе, удовлетворенность партнеров друг другом и существующей связью могут быть основой принятия решения о рождении ребенка, а удовлетворенность распределением обязанностей по уходу за ребенком способна стать аргументом в пользу или против рождения последующих детей и т. д.

Цель статьи – выявить и определить специфику стратегий взаимоотношений партнеров в современной белорусской семье по результатам лонгитюдного исследования «Поколения и гендер». В материале используются данные первой (2017 г.) и второй (2023 г.) волн национального обследования «Формирование семьи, стабильных семейных отношений и рождаемость в меняющихся социально-экономических условиях жизни белорусов» с использованием методологии международной программы «Поколения и гендер». Обследование проводилось в рамках проекта международной технической помощи «Укрепление научного и образовательного потенциала Республики Беларусь в области сбора, анализа и использования демографических данных для достижения Целей устойчивого развития». Выборочная совокупность исследования

¹ Статья подготовлена на основании научно-исследовательской работы, выполненной в рамках проекта международной технической помощи «Укрепление научного и образовательного потенциала Республики Беларусь в области сбора, анализа и использования демографических данных для достижения Целей устойчивого развития», одобренного Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 12 марта 2021 г. № 141 «Об одобрении проектов международной технической помощи» и зарегистрированного в базе данных проектов и программ международной технической помощи Министерства экономики Республики Беларусь 15 марта 2021 г. за № 2/21/001130.

в 2023 г. составила 2700 респондентов (ошибка выборки $\pm 1,9\%$ при доверительной вероятности 95%), в 2017 г. – 9944 (ошибка выборки $\pm 1,0\%$ при доверительной вероятности 95%).

Основная часть

По данным лонгитюдного исследования «Поколения и гендер», в 2017 году в отношениях (зарегистрированных или нет) состояло 72,4% респондентов, в 2023 году – 63,6%. Можно заметить, что в 2023 году одиноких белорусов стало больше (на 8,8%).

Дальнейшие результаты представлены по совокупности респондентов, находящихся на момент исследования в отношениях (в 2017 году $N=7234$, из них 3591 мужчина и 3643 женщины; в 2023 году $N=1716$ человек, из них 853 мужчины и 863 женщины).

Составляющей любых отношений выступают конфликтные ситуации, способные как улучшить качество взаимодействия партнеров при их оптимальном разрешении, так и полностью разрушить их. Среди причин, по которым чаще всего респондентами отмечается наличие разногласий, можно выделить работу по дому (разногласия по этому поводу случаются у 50,3%²), распределение денежных средств (42,3%), проведение досуга (41,1%). Стоит отметить, что в целом ситуация с разногласиями, по словам участников опроса, имеет умеренный характер (более половины опрошенных респондентов отмечают, что в их отношениях никогда не возникало разногласий из-за вопроса о рождении ребенка (87,1%)², отношений с родителями (78,0%), с друзьями (70,9%), вопросов воспитания детей (66,1%)). Чаще всего разногласия отсутствуют в сфере межличностных отношений с другими людьми (родственниками, друзьями), которые зачастую не являются для респондента каждодневными, однако, в области партнерских отношений ситуация меняется. При этом наличие разногласий чаще отмечают женщины (рисунок 1), где исключение составляет только вопрос о рождении ребенка (наличие разногласий указали на 1,7% мужчин больше, чем женщин). Однако стоит отметить, что разница находится на уровне статистической погрешности.

Данные различия могут быть обусловлены разницей интерпретаций происходящих в семье событий и вербальных символов партнерами. Принимая во внимание то, что в исследовании опрашивались не супруги из одного домохозяйства, нельзя сделать однозначный вывод о конкретных семьях в целом, однако разница в восприятии различных коммуникативных сигналов может послужить причиной возникновения фрустрации одного из партнеров по поводу неразрешения конфликта, о котором второй участник отношений может и не знать. Среди стратегий преодоления разногласий большинство респондентов выбирает спокойное обсуждение вопроса, ставшего их причиной (95,4%), что выступает зрелым позитивным маркером.

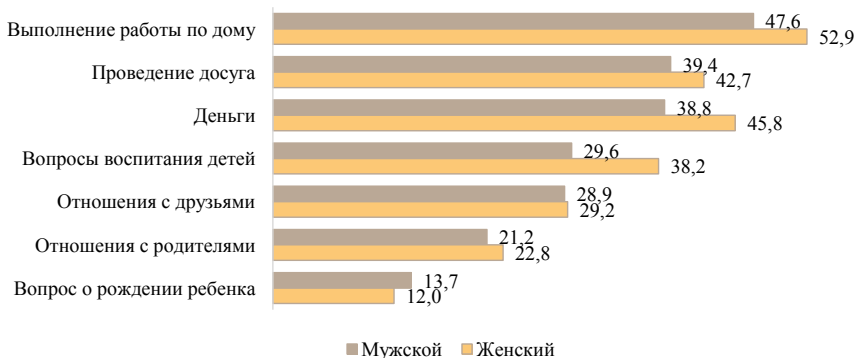


Рисунок 1 – Доля респондентов, отметивших наличие разногласий из-за различных причин, по полу, в % (2023 год)

²Здесь и далее в данном вопросе – сумма ответов от «редко» до «очень часто».

Распределение домашних обязанностей между партнерами в белорусских семьях в целом имеет неравный характер. Стиркой, ежедневным приготовлением еды, уборкой дома пылесосом в основном занимаются женщины (79,5%, 69,3%, 51,1% соответственно)³. За мелкий ремонт по дому в основном несут ответственность мужчины (83,1%). Организацией совместного досуга большинство респондентов занимаются совместно с партнером (об этом сообщили 72,6% мужчин и 72,7% женщин). Что же касается оплаты счетов и ведения финансовой отчетности, то данная деятельность не имеет привычной ярко выраженной гендерной окраски, т. е. решением данной проблемы занимаются как мужчины, так и женщины, в зависимости от сложившегося в семье порядка (рисунки 2.1, 2.2).

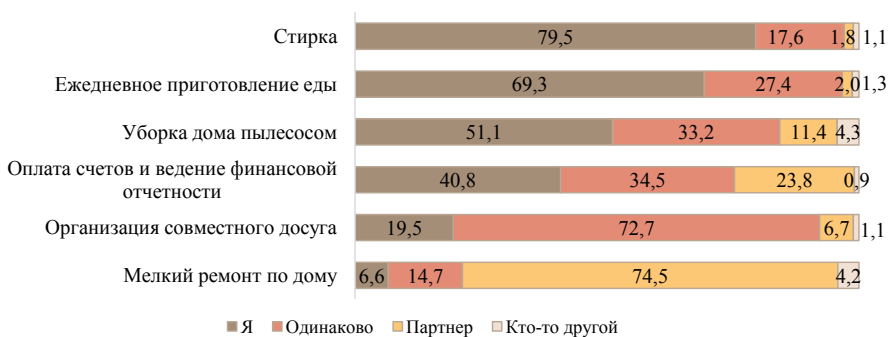


Рисунок 2.1 – Распределение обязанностей по дому (женщины), в % (2023 год)

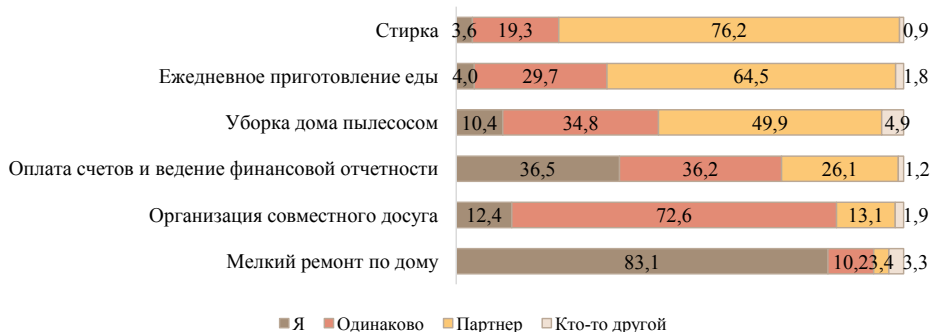


Рисунок 2.2 – Распределение обязанностей по дому (мужчины), в % (2023 год)

Всю работу по дому всегда или обычно без помощи партнера выполняют 2,1% респондентов (из ответивших так 0,3% мужчин, 4,0% женщин), совместное решение всех домашних задач отметили только 3,0% опрошенных. Это может свидетельствовать о «традиционном» восприятии семейных ролей в большинстве белорусских семей с четким разделением обязанностей по дому на основании гендерной принадлежности. О жизнеспособности такой стратегии говорит в среднем высокая оценка удовлетворенности распределением домашних обязанностей (8,5 из 10,0). Однако имеет значение уровень занятости домашней работой. Чем больше видов домашней работы

³ Здесь и далее в данном вопросе – сумма ответов «Всегда Я» и «Обычно Я».

партнер выполняет преимущественно самостоятельно, тем менее он удовлетворен распределением обязанностей⁴ (рисунок 3).



Рисунок 3 – Средняя оценка удовлетворенности распределения обязанностей по дому по количеству выполняемых работ, в % (2023 год)

Распределение обязанностей по уходу за ребенком также носит неравномерный характер и соответствует их традиционному восприятию: остаются дома с детьми, когда они болеют, одевают их или присматривают за тем, чтобы они были одеты, в основном женщины (68,9% и 58,6% соответственно)⁵. При этом по некоторым из видов деятельности мужчины чаще отмечают, что выполняют их вместе с партнером, чем женщины: помощь детям с домашними заданиями (57,1% против 43,4%) и укладывание детей спать (46,1% против 38,6%). Игры с детьми и (или) проведение досуга вместе с ними как совместное занятие отметили 69,7% мужчин и 65,6% женщин. В то же время указывают, что все виды деятельности по уходу за ребенком преимущественно совершаются ими 13,8% женщин и 0,5% мужчин. Как видно из данных, в большинстве случаев ответственность по уходу за детьми лежит все же на женщинах. В среднем респонденты высоко оценивают удовлетворенность распределением обязанностей по уходу за детьми (8,6 из 10,0). Как и в случае с занятостью домашними делами, опрошенные выше оценивают свою удовлетворенность распределением обязанностей по уходу за детьми в случае, если отвечают за меньшее количество видов деятельности⁶ (рисунок 4).

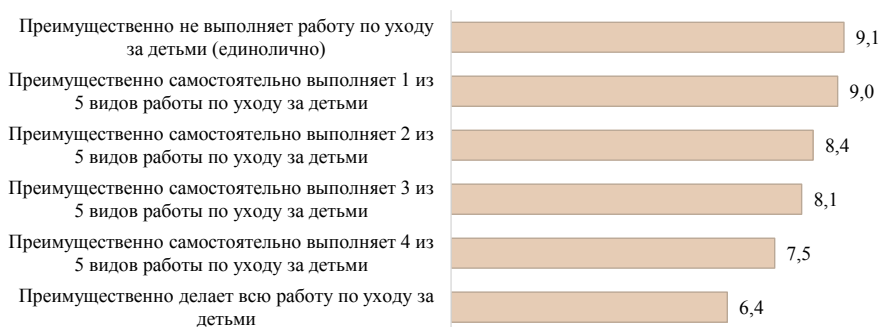


Рисунок 4 – Оценка удовлетворенности распределением обязанностей по уходу за ребенком по количеству видов выполняемых работ, в % (2023 год)

⁴ Коэффициент корреляции Тау-Кендалла= -0,239 при уровне значимости <0,001.

⁵ Здесь и далее в данном вопросе – сумма ответов «Всегда Я» и «Обычно Я».

⁶ Коэффициент корреляции Тау-Кендалла= -0,258 при уровне значимости <0,001.

Принятие решений о материальной сфере жизни в основном, по словам опрошенных, происходит совместно с партнером (за исключением вопроса о времени, затрачиваемом на оплачиваемую работу, где высока доля самостоятельных решений) – рисунок 5.

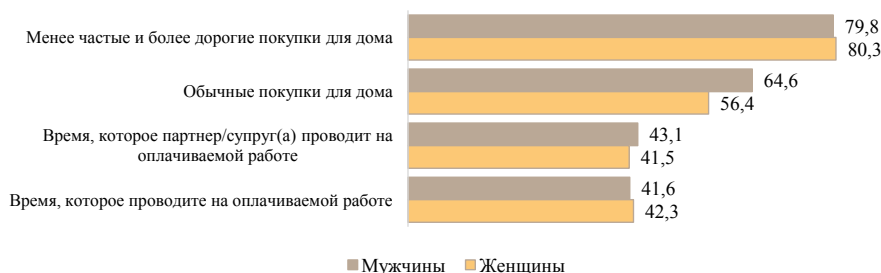


Рисунок 5 – Доля респондентов, принимающих решения об отдельных аспектах жизнедеятельности домохозяйства (ответы «Я и партнер примерно одинаково») по полу, в % (2023 год)

Немногим более половины респондентов (56,8%) отмечают, что имеют со своим партнером общий бюджет. Объединяют часть дохода для общего пользования, а остальное хранят отдельно 22,6% участников исследования. Каждый десятый (10,5%) сообщает о том, что члены домохозяйства распоряжаются своими деньгами отдельно и только 5,8% – о том, что кто-то из партнеров самостоятельно решает, как поступать со всеми доходами (4,2% отметили, что этим занимается другой партнер). При этом средний доход со всех оплачиваемых работ, по словам респондентов, у мужчин выше (1638,1 бел. руб. против 1190,2 бел. руб.).

Партнер является основным человеком, с которым респонденты в отношениях обсуждают важные личные вопросы (так ответили 82,5% респондентов, что является самым высоким показателем среди представленных вариантов – рисунок 6). Это может свидетельствовать о том, что партнерские отношения в белорусских семьях обладают довольно высоким уровнем близости и личностного доверия. Стоит отметить, что мужчины чаще, чем женщины, обозначали, что обсуждают личные вопросы с партнером (85,7% против 79,2%), в то же время женщины обычно указывают большее количество собеседников, с которыми готовы разделить какие-либо переживания (мужчины в среднем выбирают 1,7 вариантов, женщины – 2,1, при этом доля мужчин, ни с кем не обсуждающих личные вопросы, чуть выше (4,8% против 3,6%)). С одной стороны, такое положение дел может быть связано с традиционной мужской гендерной социализацией, регламентирующей мужчинам быть сдержанными в проявлении чувств. С другой – подобное распределение может свидетельствовать о разном понимании партнерами категории «важные личные вопросы» и ее наполнения.

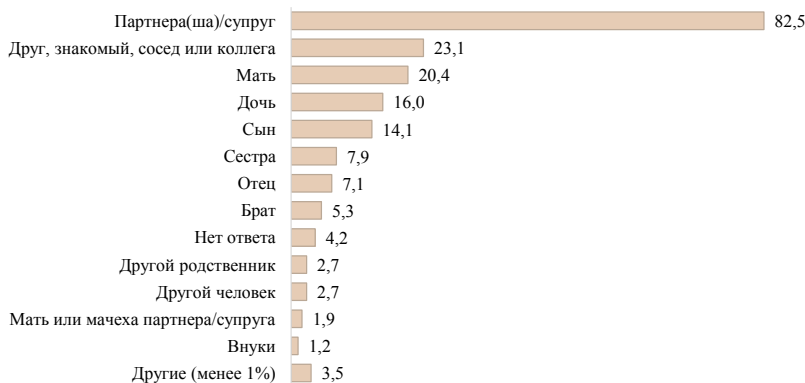


Рисунок 6 – Распределение ответов на вопрос «С кем Вы обычно обсуждаете важные личные вопросы», в % (2023 год)

Выделяя определенные стратегии взаимоотношений среди партнеров в белорусских семьях, необходимо отметить, что некоторые из них функциональные, то есть характеризуются высокой удовлетворенностью отношениями в целом и их отдельными компонентами, отсутствием разногласий или при их наличии продуктивными способами разрешения, а некоторые дисфункциональные, то есть характеризующиеся разногласиями и неконструктивными способами их преодоления. С помощью факторного анализа⁷ были выделены некоторые категории, позволяющие сгруппировать отдельные компоненты для более качественной иллюстрации этих двух стратегий.

В функциональную стратегию входят семьи (отношения) партнеров с высокой удовлетворенностью распределением обязанностей по дому, уходу за детьми, в целом отношениями, а также отсутствием разногласий в вопросах воспитания детей. В дисфункциональную стратегию попали семьи (отношения) партнеров с наличием разногласий из-за отношений с родителями, друзьями, из-за проведения досуга и вопроса о рождении ребенка, из-за выполнения работы по дому, денег, члены которых задумываются о разрыве отношений, где способы разрешения проблем включают в себя оживленный спор и крик, отказ от обсуждения разногласий, уступки и избегание обсуждений, и не включают в себя спокойное обсуждение вопросов.

Анализ компонентов двух стратегий взаимоотношений позволяет говорить о том, что ключевой является продуктивность выстроенной коммуникации, которая дает возможность разрешить конфликт через корректное обсуждение его сути с партнером, минимизировать вероятность их возникновения в будущем через изначальные функциональные интеракции. Выстраивание доверительных и откровенных взаимоотношений будет способствовать укреплению союза, принимая во внимание то, что решение самых важных жизненных вопросов происходит у респондентов именно внутри пары. При этом у второй группы есть положительная связь со стажем отношений. Обозначенное актуализирует работу с парами с большим стажем отношений с целью преодоления их кризиса, определения его триггеров.

Слабую прямую статистически-обоснованную корреляцию с удовлетворенностью отношениями с партнером имеет позитивное восприятие распределения обязанностей по дому⁸ и по уходу за ребенком⁹. Партнеры, которые в большей степени удовлетворены своими отношениями, в том числе имеют большую удовлетворенность тем, как делится домашняя работа и занятия с детьми. Так как с помощью коэффициентов корреляции нельзя установить, что из данных событий является причиной, а что следствием, нет возможности, опираясь на статистику, с полной уверенностью сказать, что именно домашние обязанности являются одним из факторов удовлетворенности, однако, полагаясь на наличие связи и предыдущий анализ, можно предположить, что быт является важной составляющей отношений. Чем меньше опрошенные выполняют различных видов домашних работ, тем больше им нравится такое распределение. Между удовлетворенностью отношениями и степенью вовлеченности в домашние дела и уход за ребенком также есть связь¹⁰ (очень слабая и обратная).

Наблюдается слабая и очень слабая отрицательные связи между удовлетворенностью отношениями с партнером и наличием разногласий по разным вопросам. Некоторые связи сильнее: из-за денег (Тау-Кендалла=-0,320 при уровне значимости <0,001), из-за проведения досуга (Тау-Кендалла=-0,307 при уровне значимости <0,001), из-за

⁷ КМО=0,792, Значимость критерия сферичности Бартлетта<0,001, общая объясненная дисперсия 63,7%.

⁸ Коэффициент корреляции Тау-Кендалла= 0,418 при уровне значимости <0,001.

⁹ Коэффициент корреляции Тау-Кендалла= 0,439 при уровне значимости <0,001.

¹⁰ Коэффициент корреляции Тау-Кендалла= -0,130 при уровне значимости <0,001 и Тау-Кендалла= -0,168 при уровне значимости <0,001 (соответственно).

выполнения работы по дому (Тау-Кенделла=-0,306 при уровне значимости <0,001); некоторые слабее: из-за отношений с друзьями (Тау-Кенделла=-0,238 при уровне значимости <0,001), из-за отношений с родителями (Тау-Кенделла=-0,217 при уровне значимости <0,001), из-за вопросов воспитания детей (Тау-Кенделла=-0,206 при уровне значимости <0,001), из-за вопроса о рождении ребенка (Тау-Кенделла=-0,124 при уровне значимости <0,001).

На основании корреляционного анализа можно выдвинуть два предположения: 1) наличие разногласий в отношениях отрицательно влияет на удовлетворенность отношениями; 2) неудовлетворенность отношениями провоцирует возникновение разногласий по разным вопросам. Данный вопрос требует дальнейшего количественного (при изменении типа шкалы) или качественного (с помощью глубинных интервью) детального исследования.

Можно отметить существование корреляции между удовлетворенностью отношениями и способом разрешения разногласий. Спокойное обсуждение вопроса, ставшего причиной разногласий, слабо положительно коррелирует с удовлетворенностью (коэффициент корреляции Тау-Кендалла = 0,221 при уровне значимости <0,001), а оживленный спор, крик (коэффициент корреляции Тау-Кендалла = -0,246 при уровне значимости <0,001) и отказ от разговора (коэффициент корреляции Тау-Кендалла = -0,154 при уровне значимости <0,001) – слабо отрицательно. Таким образом, в отношениях с высоким уровнем удовлетворенности ими чаще встречается положительный способ разрешения конфликтных ситуаций через функциональную коммуникацию.

Несмотря на то, что 68,5% респондентов считают, что рождение ребенка делает отношения родителей крепче, статистический анализ показывает, что, по крайней мере, удовлетворенность отношениями с партнером не имеет связи с наличием и количеством детей. При этом дети есть у 85,7% респондентов, состоящих в отношениях.

Необходимо обратить внимание на то, что статистическая связь отсутствует между удовлетворенностью отношениями и такими материальными показателями, как уровень заработной платы, совокупный уровень дохода и косвенные показатели материального благополучия домохозяйства. Однако статистически значимая очень слабая положительная связь все-таки наблюдается с удовлетворенностью жилищными условиями (Коэффициент корреляции Тау-Кендалла= 0,240 при уровне значимости <0,001). Таким образом, можно предположить, что удовлетворенность отношениями в большей степени детерминирована какими-либо социальными факторами, тогда как жилищные условия воспринимаются, скорее, как пространство, которого должно быть достаточно паре, в том числе для уединения.

Касательно установок на брак, можно отметить, что степень согласия с утверждениями «Брак – это устаревшее явление» (Коэффициент корреляции Тау-Кендалла= -0,130 при уровне значимости <0,001) и «Мужчина и женщина могут жить вместе без официального оформления своих отношений/без вступления в брак» (коэффициент корреляции Тау-Кендалла = 0,221 при уровне значимости <0,001) очень слабо отрицательно связана с удовлетворенностью отношениями. Таким образом, респонденты, которые чаще отмечают более высокую удовлетворенность отношениями, также чаще отвечают, что не согласны с ослабеванием института брака. Можно предположить, что, говоря про «устаревание брака», многие имеют в виду его дисфункциональный образ, сформированный в ходе наблюдения за неудачными союзами.

Заклучение

Отношения в современной белорусской семье характеризуются ростом эгалитарности (наиболее ярко проявляется в отношении женщин по линии распределения обязанностей по дому и уходу за ребенком, паритетного участия в принятии решений,

возможности профессиональной самореализации и распределения доходов и пр.) и закрытости (ключевые потребности и проблемы семьи зачастую обсуждаются исключительно с партнером).

Партнеры сталкиваются с разногласиями в отношениях по поводу распределения домашней работы, при этом, чем меньше у партнера обязанностей, тем больше он удовлетворен этим распределением (то же касается и ухода за детьми). Разделение обязанностей и паритетное участие выступают выходом из сложившейся ситуации.

Ключевая неудовлетворенность во взаимоотношениях партнеров кроется именно в распределении ролей внутри семьи. Наиболее крепкие союзы представляют собой паритет их распределения, который возможен при понимании его важности партнерами и наличии условий договориться об этом. Формирование понимания этого должно происходить на ранних этапах взросления, что актуализирует внедрение школьного курса по внутрисемейным взаимоотношениям. Начиная со старших классов, на доступном для школьников языке необходимо доносить информацию о том, что наличие конфликтов в семье не говорит о кризисе, если они правильно разрешаются, что распределение обязанностей в семье не должно упираться в гендерные стереотипы, что сексуальная жизнь должна быть безопасной и обсуждение вопросов вступления в сексуальные отношения, использования контрацептивов и планов на деторождение являются обыденными, нетабуированными темами для каждого. Грамотная реализация курсов сформирует пространство безопасного, доверительного психологического климата и станет действенным шагом к раннему выстраиванию гармоничных взаимоотношений партнеров.

Отсутствие внимания к данному аспекту на уровне общего среднего образования, перекладывание ответственности за его реализацию на психолога, классного руководителя, родительскую семью формирует несистемность в донесении такой важной и базовой информации, создает в сознании подростков постыдность ряда тем, высмеивание актуальных вопросов, что сказывается на формировании выстраиваемых взаимоотношений в будущем, долгом поиске оптимальных стратегий, и в итоге еще большему росту возраста вступления в первый брак, росту количества распадов брака, отсутствию деторождений в них из-за неуверенности в партнере, проблемах социализации детей в неполных семьях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Гасанова, Б. М.* Влияние гендера на брачно-семейный конфликт / Б. М. Гасанова, А. М. Муталимова, Д. М. Даудова // International Journal of Medicine and Psychology. – 2019. – Т. 2, № 4. – С. 207–212.

2. *Гольцова, Н. В.* Удовлетворенность браком супругов в современной белорусской семье / Н. В. Гольцова // Современные тенденции конструирования персоногенетического нарратива на основе элементов социогенетического феномена : материалы Междунар. науч. конф., Витебск, 24–25 дек. 2009 г. / под общей редакцией С. Л. Богомаза. – Витебск : Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2009. – С. 132–139.

3. *Евграфова, Ю. А.* Влияние социально-экономических условий на формирование супружеских конфликтов / Ю. А. Евграфова // Омский научный вестник. – 2007. – № 6 (62). – С. 123–126.

4. *Лагойда, Н. Г.* Проблема стабильности брака и роста числа разводов в современном обществе / Н. Г. Лагойда // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. – 2017. – № 2. – С. 86–96.

5. *Pathan, Z. A.* Adversities of marital conflict: A sociological analysis / Z. A. Pathan // Journal of Humanities and Social Science. – 2015. – Т. 20, № 2. – P. 19–25.

Поступила в редакцию 31.10.2025 г.

Контакты: alexanderbelski@ya.ru (Бельский Александр Михайлович, Шурко Анна Викторовна)

***Belski A. M., Shurko A. V.* RELATIONSHIP STRATEGIES OF PARTNERS IN THE CONTEMPORARY BELARUSIAN FAMILY**

The article presents an analysis of data obtained from two waves (2017 and 2023) of a longitudinal study based on the “Generations and Gender” methodology, covering relationships between partners in families. It characterizes typical interactions in the family sphere, examines the causes of disagreements in contemporary Belarusian families, and discusses patterns of the division of household responsibilities.

Keywords: family, relationships, interaction, marriage.

УДК 316.334.55/.56(476)

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ГОРОДОВ БЕЛАРУСИ (СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

А. Ю. Сакович

кандидат социологических наук, доцент
Белорусский государственный университет

В статье представлены перспективы развития малых городов Республики Беларусь. Важнейшими показателями уровня развития поселений является: 1) социальная инфраструктура; 2) возможности трудоустройства. Установлено, что перспективным направлением развития малых городов является реализация в них проекта «Умный город». Потенциал имеет туристическая профилизация поселений, обладающих рекреационными ресурсами. Расширить возможности для трудоустройства способны крупные модернизированные сельхозпредприятия. Перспективным является дистанционный формат занятости. Развитие бизнеса способно создать новые рабочие места и улучшить инфраструктуру малых городов.

Ключевые слова: малый город, социальная инфраструктура, рынок труда, модернизированное сельхозпредприятие, дистанционная занятость.

Введение

Малые провинциальные города имеют важное значение в структуре расселения Республики Беларусь. Занимая промежуточное положение между сельскими поселениями и крупными городами, они выполняют функцию ретрансляции норм, ценностей, установок, образцов поведения для окружающих деревень и агрогородков. По отношению к селу малые провинциальные города выступают административными, управленческими, хозяйственными, экономическими и социокультурными центрами. По этой причине они являются местом притяжения сельского населения. На протяжении многих лет численность населения малых провинциальных городов была стабильна за счет миграционного притока сельчан. Однако в настоящее время наблюдается процесс депопуляции села. В период с 2021 г. по 2025 г. численность сельского населения уменьшилась на 142735 чел. и составила 1926590 чел. [1, с. 4; 2, с. 4]. Это приводит к сокращению числа жителей малых провинциальных городов, находящихся на удаленном расстоянии от столицы и областных центров, не относящихся к категории городов-спутников. Типичным примером такого поселения является Мядель. Его численность в 2025 г. составила 6887 чел., что на 259 чел. меньше по сравнению с 2021 г. [1 с. 20; 2 с. 14]. Тенденция сокращения числа населения в малых городах характерна для провинции в целом.

Важнейшими показателями уровня развития поселений являются: 1) возможности трудоустройства в них; 2) состояние их социальной инфраструктуры. Города, в которых есть возможность устроиться на интересную работу с достойной оплатой труда, имеют перспективу роста и развития. Увеличение численности населения обуславливает потребность в строительстве жилья и инфраструктурных объектов. Наряду с новыми домами появляются детские сады, школы, поликлиники, кафе и др. Поселения, демонстрирующие рост населения, являются привлекательными для финансовых инвестиций. Они выступают благоприятной средой для реализации различных бизнес-идей. Поэтому для изучения возможностей развития малых провинциальных городов необходим анализ состояния их социальной инфраструктуры и рынка труда.

Городское население белорусской провинции редко выступает объектом самостоятельных социологических исследований. Чаще всего оно изучается в рамках масштабных республиканских опросов. Однако в 2023 г. Белорусским институтом стратегических исследований (БИСИ) был проведен онлайн-опрос жителей малых городов, в рамках которого изучалась удовлетворенность горожан состоянием социальной инфраструктуры, возможностями трудоустройства в поселениях, а также перспективы их развития в ближайшие 10–20 лет. Объективную информацию о численности населения, размере заработной платы, структуре занятости и др. предоставляют данные статистики. Кроме того, в июле–августе 2024 г. нами был проведен экспертный опрос руководителей и специалистов сельхозпредприятий Мядельского района на тему «Кадровое обеспечение и модернизация агропромышленного комплекса Республики Беларусь», в ходе которого затрагивался вопрос благоустроенности районного центра. Опираясь на результаты социологических исследований и данные статистики, рассмотрим перспективы развития малых провинциальных городов Беларуси.

Основная часть

Социальная инфраструктура. Согласно данным опроса, проведенного БИСИ в 2023 г., большинство населения малых городов было удовлетворено работой объектов культуры (83,0%), спорта (79,1%), бытового обслуживания (69,3%). Качество телефонной связи и интернета положительно оценивали 70% горожан. По мнению опрошенных, в малых провинциальных городах на высоком уровне была организована социальная защита нуждающихся граждан (78,0%). Работу общественного транспорта положительно оценивало 59,0% населения. В меньшей степени горожане были удовлетворены организацией досуга (53,2%) и состоянием автомобильных дорог (48,6%). В целом же большинство респондентов (73,3%) давало положительную оценку степени благоустройства своего населенного пункта [3]. Исходя из данных исследования, можно сказать, что жители малых городов белорусской провинции считали городскую среду удобной и комфортной.

Современное белорусское общество переживает процесс цифровой трансформации. Одним из перспективных направлений развития малых провинциальных городов является реализация в них проекта «Умный город». Данное направление цифрового развития городской среды позволит сократить межрегиональную дифференциацию и создать равные возможности в достижении высокого уровня жизни населения [4]. В рамках исследования БИСИ изучалось мнение жителей малых городов о возможностях реализации в их населенном пункте проекта «Умный город». Результаты опроса показали, что только 10% респондентов позитивно оценивали перспективу внедрения цифровых технологий в городскую среду [3]. По нашему мнению, невысокий уровень ожиданий у жителей малых городов связан с тем, что различного рода инновации чаще всего внедряются в столице и областных центрах. В малые поселения они приходят позже. Однако в настоящее время технологии активно развиваются. В различные сферы жизни городов внедряется искусственный интеллект. Поэтому считаем, что на современном этапе общественного развития реализация проекта «Умный город» в белорусской провинции является перспективным для развития ее городской среды.

Оценивая будущее состояние малых городов, половина опрошенных (50%) считала, что в ближайшие 10–20 лет в них будет наблюдаться улучшение социальной инфраструктуры и рост качества жизни населения [3]. Государственная политика Республики Беларусь направлена на развитие всех регионов страны. Малым городам уделяется особое внимание, т. к. они находятся в наиболее уязвимом положении. Значительные улучшения в их социальной инфраструктуре показали результаты экспертного опроса, проведенного нами в июле–августе 2024 г. среди руководителей и специалистов сель-

хозпредприятий Мядельского района. В частности, эксперты отмечали, что в последние годы в г. Мядель был построен современный физкультурно-оздоровительный центр. На пляже была благоустроена территория. Появились беседки, шезлонги, пирсы. Также в городе открылись новые кафе и пункты выдачи товара «Wildberries». Несмотря на существенные улучшения социальной инфраструктуры города, эксперты указывали на проблемные места, которые необходимо развивать. В частности, отмечалось, что в районном центре недостаточно мест, позволяющих удовлетворить досуговые предпочтения молодежи. По мнению некоторых опрошенных, в райцентре не хватало кино. Это следует учитывать при дальнейшем развитии социальной инфраструктуры города.

Согласно проекту концепции государственной политики регионального развития Республики Беларусь, к различным типам территорий применим дифференцированный подход. В отдельную группу выделены регионы, обладающие природным и туристско-рекреационным потенциалом [5]. Культурными, административными, экономическими центрами этих территорий являются малые провинциальные города, которые также являются местом притяжения для многих туристов. Несмотря на развитую социальную инфраструктуру, они характеризуются провинциальным спокойствием и красотой природы. Примерами таких поселений являются Мядель, Браслав, Глубокое и др. По нашему мнению, усиление туристической профилизации следует рассматривать как перспективное направление развития малых провинциальных городов, обладающих рекреационным потенциалом.

Городская инфраструктура белорусской провинции изменяется посредством реализации различных бизнес-идей. В частности, появляются новые торговые объекты, частные медицинские и образовательные услуги, развлекательные центры, салоны красоты и др. Однако, по данным исследования БИСИ, только 15% опрошенных считали, что в ближайшие 10–20 лет в малых городах будет активно развиваться бизнес [3]. Это указывает на то, что в небольших провинциальных поселениях необходимо создавать благоприятный инвестиционный климат, способствующий расширению в них частной сферы.

На развитие городской социальной инфраструктуры особое влияние оказывает социально-демографическая ситуация. По данным опроса, 50% жителей малых городов считало, что в их поселениях будет наблюдаться процесс сокращения численности и старения населения [3]. Результаты исследования сопоставимы с социально-демографическими процессами в стране. В период с 2021 по 2025 г. численность населения Беларуси сократилась на 300979 чел. и составила 9 109 280 чел. Уменьшается число не только сельского, но и городского населения. В 2025 г. в стране насчитывалось 7 182 690 горожан, что на 97630 чел. меньше, чем в 2021 г. [6, с. 73]. Связано это, прежде всего, с невысоким уровнем рождаемости. Большинство семей в стране воспитывают одного ребенка, реже двух. Родителями троих и более детей являются около 9% супружеских пар. Однако их количество возрастает. Если в 2020 г. в стране насчитывалось 104 тыс. многодетных семей, то в 2025 г. их число увеличилось до 123 тыс. [7]. Одним из барьеров для рождения большего количества детей является высокая стоимость строительства (покупки) дома или квартиры. Для решения этой проблемы в малых провинциальных городах 19 июня 2025 г. был принят Указ Президента Республики Беларусь №235, позволяющий приобретать в собственность арендное жилье в населенных пунктах с численностью населения до 20 тыс. чел. [8]. По нашему мнению, данные меры следует рассматривать как фактор, стимулирующий рождаемость и сокращение миграции населения из провинции в столицу и областные центры. В целом расширение социально-правовых гарантий в жилищной сфере способно существенно улучшить социально-демографическую ситуацию в малых провинциальных городах.

Возможности трудоустройства. Важнейшим условием развития небольших поселений белорусской провинции является разнообразие в них сфер занятости. Вместе с тем, согласно результатам исследования БИСИ, возможностями трудоустройства в малых городах были полностью удовлетворены 17,8%, скорее удовлетворены 30,2% населения [3]. Данные опроса указывают на сложности в поиске работы в небольших провинциальных поселениях. Зачастую это становится причиной переезда в столицу и областные центры, а иногда и за рубеж. Существующие в малых провинциальных городах сложности трудоустройства обуславливают необходимость поиска новых способов расширения в них рынка труда.

Исторически сложилось, что сельское население занято в аграрной отрасли, а городское – преимущественно в промышленности. Интенсивное развитие заводов, фабрик привели к быстрому росту городов. На современном этапе общественного развития доля городского населения страны составляет 78,8%. Сокращение численности жителей села привело к проблеме воспроизводства работников агросферы. Так, число занятых в сельском хозяйстве в 2024 г. составило 236,7 тыс. чел., что на 30,7 тыс. чел. меньше по сравнению с 2020 г. [9, с. 8]. Поэтому в условиях депопуляции села кадровое обеспечение хозяйств становится задачей не только деревень, агрогородков, поселков городского типа, но также малых провинциальных городов [10, с. 45–50]. С одной стороны, это позволит привлечь рабочую силу в аграрную отрасль, с другой стороны – расширить возможности трудоустройства для городского населения белорусской провинции.

Согласно результатам многолетних социологических исследований, одной из причин нежелания сельчан работать в сельском хозяйстве является невысокий уровень дохода. В 2024 г. номинальная начисляемая заработная плата аграриев составила 1797,1 руб., что ниже среднереспубликанского уровня [9, с. 8]. Следует отметить, что размер доходов работников агросферы дифференцирован. Результаты исследования «Кадровое обеспечение и модернизация агропромышленного комплекса Республики Беларусь» показали, что в Мядельском районе уровень заработной платы аграриев в разных хозяйствах был различен. На модернизированном сельхозпредприятии «Прудники-агро» в сезон рабочие могли заработать до 10 тыс. руб. В среднем уровень заработной платы по хозяйству составлял около 2600 руб. Модернизация сельхозпредприятия и достойная оплата труда сотрудников позволили улучшить ситуацию с его кадровым обеспечением. В хозяйстве трудились люди не только из окружающих деревень, но и из г. Мядель, расположенного в 40 км. от него. Данная категория работников была занята в аграрной отрасли и при этом пользовалась развитой социальной инфраструктурой районного центра. Таким образом, результаты исследования показали, что крупное модернизированное сельскохозяйственное предприятие способно расширить возможности для трудоустройства населения малых провинциальных городов.

На современном этапе общественного развития активно развивается удаленная занятость. Это существенно расширяет возможности трудоустройства для жителей малых провинциальных городов. Перечень профессий, предоставляющих возможность работать онлайн, достаточно широкий. Специалисты в сфере IT-технологий, менеджмента, маркетинга, логистики и др. сегодня имеют возможность работать удаленно. Согласно данным статистики, в 2025 г. удаленно трудилось около 28,8 тыс. белорусов. Среди них большинство проживало в городах (94%), работало в сфере услуг (95%) и имело высшее образование (82%) [11]. По нашему мнению, активное развитие технологий искусственного интеллекта уже в ближайшие годы приведет к увеличению доли занятых онлайн.

Удаленный формат работы следует рассматривать как фактор закрепления населения в малых провинциальных городах. Занятым онлайн нет необходимости переезжать в дру-

гой регион или страну с целью трудоустройства. Их проживание в небольших поселениях белорусской провинции в большей степени зависит от наличия качественного интернета и удовлетворенности уровнем развития социальной инфраструктуры. Результаты исследования, проведенного БИСИ, показали, что население малых городов в целом было довольно состоянием городской среды. Свой населенный пункт чаще всего они характеризовали как «тихий», «спокойный», «уютный» [3]. Многим людям нравится провинциальный уклад жизни. Возможность работать удаленно в сочетании с развитой социальной инфраструктурой способна сформировать привлекательные условия проживания в малых городах.

Городское население белорусской провинции, занятое онлайн, вносит вклад в укрепление ее демографического потенциала. В таких семьях рождаются дети, которые посещают детские сады, школы, развивающие кружки, участвуют в конкурсах, соревнованиях и др. Взаимодействуя со сверстниками, они образуют дружеское окружение, подрастая, иногда становятся брачными партнерами. Их родители также для кого-то являются друзьями, соседями, знакомыми. В целом такие семьи участвуют в формировании местного сообщества со своими традициями, ценностями и образом жизни.

Растущие города являются благоприятной средой для развития бизнеса, который, в свою очередь, создает новые рабочие места. Несмотря на то что люди, работающие удаленно, непосредственно не заняты в экономике малых провинциальных городов, они и их семьи являются клиентами частных заведений, посетителями развлекательных мероприятий и др. Рост спроса на потребление различных товаров и услуг создает условия для развития бизнеса и тем самым расширяет сферу занятости в небольших поселениях белорусской провинции.

Заключение

Таким образом, результаты исследований показали, что население малых городов в целом было удовлетворено состоянием их социальной инфраструктуры. Перспективным направлением развития небольших поселений белорусской провинции является реализация в них проекта «Умный город». Потенциал имеет туристическая профилизация городов, обладающих рекреационными ресурсами. Предоставление возможности выкупа арендного жилья в поселениях с численностью населения до 20 тыс. чел. выступает значимым фактором закрепления в них местного населения. Укрупнение и модернизация сельхозпредприятий позволит расширить сферу занятости малых провинциальных городов. Созданию новых рабочих мест и укреплению демографического потенциала в небольших поселениях белорусской провинции поспособствует дистанционный формат работы. Обеспечение благоприятных условий для развития бизнеса позволит оказать позитивное воздействие не только на рынок труда, но также на улучшение социальной инфраструктуры малых провинциальных городов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Численность населения на 1 января 2021 г. и среднегодовая численность населения за 2020 год по Республике Беларусь в разрезе областей, районов, городов, поселков городского типа : стат. бюлл. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь; редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. – Мн. : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2021. – 25 с.
2. Численность населения на 1 января 2025 г. и среднегодовая численность населения за 2024 год по Республике Беларусь в разрезе областей, районов, городов, поселков городского типа : стат. бюлл. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь; редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. – Мн. : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2025. – 30 с.
3. Малые города Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Путь общества. Аналитика БИСИ. – URL: <https://socio.bisr.by/malye-goroda-belarusi/>. (дата обращения: 10.10.2025).
4. О проекте «Умные города Беларуси» [Электронный ресурс] / Министерство связи и информации Республики Беларусь. – URL: <https://www.mpt.gov.by/ru/o-proekte-umnye-goroda-belarusi> (дата обращения: 20.10.2025).

5. Эксперт о проекте концепции государственной политики регионального развития Беларуси [Электронный ресурс] / SB.BY Беларусь сегодня – URL: https://www.sb.by/articles/privlech-investorav-regiony.html?fbclid=IwAR3VBOvZz8K7E9A1JL_Bj16e4BcCxr8A8le-EPHXIEnxynio4UsEwYfG5A (дата обращения: 22.10.2025).

6. Регионы Республики Беларусь, 2025 = Regions of the Republic of Belarus, 2025 : стат. сб. : в 2 т. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. – Мн. : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2025. – Т. 1 : Социально-экономические показатели = Socio-economic indicators. – 709 с.

7. Павлюченко: в Беларуси 123 тысячи многодетных семей – это гордость Беларуси [Электронный ресурс] / SB.BY Беларусь сегодня – URL: <https://www.sb.by/articles/pavlyuchenko-v-belarusi-123-tusyachi-mnogodetnykh-semeu-eto-gordost-belarusi.html> (дата обращения: 20.10.2025).

8. Об изменении указов Президента Республики Беларусь (корректируются Указ № 38 от 27 янв. 2025 г. и Указ № 121 от 7 апр. 2020 г.) [Электронный ресурс] : Указ Президента Республики Беларусь №235 от 19 июн. 2025 г. – URL: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-235-ot-19-iuna-2025-g> (дата обращения: 20.10.2025).

9. Сельское хозяйство Республики Беларусь : стат. букл. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь ; редкол.: И. В. Медведева (пред.) [и др.]. – Мн. : Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2025. – 35 с.

10. **Сакович, А. Ю.** Социология провинции как новое исследовательское направление / А. Ю. Сакович // Журнал Белорус. гос. ун-та. Социология. – 2024. – № 1. – С. 45–50.

11. Белстат: около 27 тысяч белорусов работают удаленно [Электронный ресурс] / SRUT-НИК Беларусь – URL: <https://sputnik.by/20250823/belstat-okolo-27-tusyach-belorusov-rabotayut-udaleno-1099158166.html> (дата обращения: 27.10.2025).

Поступила в редакцию 06.11.2025 г.

Контакты: anzhela_sakovich87@mail.ru (Сакович Анжела Юрьевна)

Sakovich A. Yu. PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF SMALL TOWNS IN BELARUS (SOCIOLOGICAL ASPECT)

The article presents the development prospects of small towns in the Republic of Belarus. The most important indicators of the level of settlement development are: 1) social infrastructure; 2) employment opportunities. It has been established that a promising area for the development of small towns is the implementation of the “Smart City” project. The tourism profiling of settlements with recreational resources has potential. Large modernized agricultural enterprises can expand employment opportunities. The remote employment format is promising. Business development can create new jobs and improve the infrastructure of small towns.

Keywords: small town, social infrastructure, labor market, modernized agricultural enterprise, remote employment.

УДК 316.334.55

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ И ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ЖИТЕЛЕЙ МАЛЫХ ГОРОДОВ МОГИЛЕВСКОЙ ОБЛАСТИ

И. Г. Купцова

старший преподаватель кафедры теории права и социально-политических дисциплин

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

ORCID 0000-0002-4130-8189

В статье на основе материалов социологического исследования анализируется социальное самочувствие и жизненные стратегии жителей малых городов Могилевской области. Выявлена структура самочувствия через когнитивный (оценка условий) и аффективный (удовлетворенность жизнью) компоненты. Научная проблема раскрывается через парадокс «удовлетворенности при отложенной миграции».

Ключевые слова: социальное самочувствие, жизненные стратегии, малые города, миграционные установки, человеческий потенциал.

Введение

Процессы урбанизации, с одной стороны, и депопуляции малых поселений – с другой, обостряют проблему устойчивости малых городов. Их развитие определяется не только экономическими показателями, но и субъективным восприятием существующих условий жизни и долгосрочных жизненных стратегий местного населения. Сельские поселения и малые города как взаимосвязанные элементы периферийной социально-территориальной структуры страны выступают особыми социальными мирами. Повседневность их жителей, а также имеющаяся инфраструктура, специфика трудовой сферы и в целом сформировавшиеся жизненные стратегии образуют сложный комплекс факторов, влияющих на человеческий потенциал регионов.

Основная часть

Важным индикатором устойчивости локальных сообществ является социальное самочувствие, которое складывается под влиянием ряда внешних по отношению к индивиду факторов (социальное положение, уровень социальной справедливости, жизненные перспективы и удовлетворенность жизнью), субъективно воспринимаемых им и отражающим перспективы собственной жизни, а также жизненные стратегии.

Социальное самочувствие обнаруживается в качестве единицы социального и психосоциального освоения мира, функция которой проявляется в выборе индивидуальных жизненных стратегий [1]. Исходя из своих жизненных ценностей, убеждений и целей, человек определяет, как строить социальные отношения и поведение, как выстраивать жизненные стратегии. Все это оказывает влияние как на индивидуальную жизнь самого человека, так и на жизнь социальных групп, к которым он принадлежит.

Э. Динер предложил выделять три компонента субъективного социального благополучия:

- когнитивный (на основе имеющихся у индивида представлений о благополучии и удовлетворенности своей жизнью в целом),
- эмоциональный (состояние индивида, связанное с испытываемыми индивидом эмоциями),
- поведенческий (активность индивида) [2].

В контексте устойчивого развития и территориального равенства изучение социального самочувствия и жизненных стратегий жителей сельских поселений и малых городов приобретает особую общественную и научную актуальность. Проблемная ситуация заключается в противоречии между фиксируемой в ходе социологических исследований относительно стабильной оценкой текущей жизни значительной частью населения малых городов и сел и ориентацией на миграцию молодого поколения. Установка молодежи на миграцию вызывает риск потерять наиболее активную и образованную часть населения, что ведет к росту демографической нагрузки в регионах, дефициту кадров, сокращению человеческого капитала периферийной территории как основного ресурса развития [3]. Научное познание данной проблемы сопряжено с выявлением индикаторов и детерминант социального самочувствия населения для установления взаимосвязей между оценкой объективных условий и субъективными оценками благополучия в долгосрочных жизненных стратегиях.

Теоретический аспект изучаемой проблемы укоренен в классических и современных дискуссиях социологии, регионоведения и социальной географии. Он затрагивает вопросы о природе регионального неравенства. М. Кастельс полагал, что малые города и села, как классические «места» с укорененной идентичностью и повседневными практиками, существуют в глобальном «пространстве потоков» (капитала, информации и образовательных возможностей). Установка жителей малых населенных пунктов на образовательную миграцию детей является рациональной адаптацией к этому пространству, но вместе с тем подрывает демографическую основу самого «места». Это ставит под вопрос применимость теорий, рассматривающих локальную привязанность как ключевой фактор развития.

В теории социального капитала (П. Бурдье) подчеркивается важность локальных сетей для благополучия сообщества. С другой стороны, экономическая теория миграции (С. Старк) свидетельствует о том, что мобильность – ключевая стратегия максимизации жизненных шансов и минимизации рисков. Таким образом, жители периферии оказываются в ситуации, когда их социальный капитал интегрирован в локальный контекст, а стратегии восходящей мобильности требуют выхода за его пределы. Теория социального сравнения (Л. Фестингер) позволяет понять, что сравнение происходит не только с прошлым, но и с субъективным представлением о справедливом, с возможностями в крупных городах.

Результаты социологического опроса населения малых городов Могилевской области, проведенного в 2024 году (выборочная совокупность – 642 человека, простой случайный (вероятностный) отбор из генеральной совокупности) свидетельствуют о том, что имеет место доминирование условно-позитивного самочувствия жителей малых поселений. Довольны жизнью в своем населенном пункте 79,1% респондентов. При этом «ядро» безусловно довольных (41,2%) практически сопоставимо по размеру с группой сдержанно-критичных (37,9%). Это указывает на амбивалентность и неустойчивость социального самочувствия (оно позитивно, но может сместиться в сторону неудовлетворенности при ухудшении ключевых условий). Это подтверждается и тем фактом, что 20,0% жителей затруднились дать однозначный ответ на данный вопрос. Гендерный аспект проявляется в том, что женщины чаще выражают как полную удовлетворенность (42,0% женщин и 39,4% мужчин), так и сдержанно-критичную позицию (40,3% и 32,3% соответственно). Мужчины реже выбирают промежуточные оценки. Это может отражать гендерные различия в оценке перспектив (мужчины могут быть более критичны к экономическим и карьерным возможностям) или в стиле ответа.

Ответы представителей разных поколений на вопрос об удовлетворенности жизнью в своем населенном пункте представлены в таблице (таблица 1).

Таблица 1 – Распределение ответов респондентов разных возрастных групп на вопрос: «Довольны ли Вы жизнью в своем населенном пункте? В какой мере», в %

Варианты ответов	Весь массив	Молодое поколение	Среднее поколение	Старшее поколение
да, вполне	41,2	39,3	41,9	40,8
не совсем	37,9	41,1	40,2	32,3
нет, абсолютно не доволен(-а)	1,0	1,8	0,9	0,8
затруднились ответить	20,0	17,9	17,1	26,2

Как следует из представленных в таблице данных, в поколенческом аспекте среди молодежи зафиксирована наименьшая доля безусловно довольных (39,3%) и высочайшая доля сдержанно-критичных (41,1%), что подтверждает тезис о наибольшей проблематизации жизни в малом городе среди молодого поколения. Старшее поколение демонстрирует наиболее поляризованные и устоявшиеся позиции. У них самая высокая среди всех возрастных групп доля безусловно довольных (40,8%) и самая низкая доля сдержанно-критичных (32,3%). Личный жизненный опыт и адаптация данного поколения перевешивают объективные оценки условий. Среднее поколение занимает промежуточную позицию.

Данный вопрос является прямым индикатором аффективного (эмоционально-чувственного) компонента социального самочувствия. Однако его распределение нельзя понять изолированно, необходимо соотнести с когнитивным компонентом (оценкой конкретных условий). Для 41,2% «безусловно довольных» высокий аффективный компонент, вероятно, сочетается с относительно позитивной или приемлемой когнитивной оценкой инфраструктуры, услуг и перспектив. Среди 37,9% не в полной мере довольных жителей проявляется диссонанс между компонентами: аффективное состояние (удовлетворенность жизнью) носит условный, оговоренный характер, поскольку когнитивная оценка ключевых условий (медицина, работа, досуг) низкая. Эта часть населения наиболее подвержена возможным изменениям миграционных установок.

Аффективное самочувствие жителей малых городов в целом положительно, что объясняет высокий процент тех, кто лично не планирует уезжать (86,9%). В то же время значительный слой условно-критичных оценок, особенно среди экономически активного населения (молодежь и среднее поколение), указывает на системную неустойчивость этого благополучия. Именно из этой среды, где удовлетворенность жизнью неглубока и обусловлена внешними факторами, с высокой вероятностью формируются установки на миграцию последующего поколения как на стратегию обеспечения будущего благополучия.

Итоги соцопроса позволяют получить также комплексную картину когнитивного компонента социального самочувствия на основе оценок жителями условий жизни в их населенном пункте. Высоко оценена стабильность, природа и базовые социальные гарантии (это «фундамент» приемлемой жизни). Инфраструктура повседневности (банковское, бытовое, социокультурное и пр. обслуживание) оценивается умеренно, здесь сосредоточен значительный ресурс для улучшения качества жизни. Имеются и ключевые дефициты, напрямую влияющие на миграционные настроения населения, особенно молодежи. Так молодежь наиболее требовательна и критична в оценке качества услуг (медицина, досуг), но при этом дает позитивные оценки некоторым инфраструктурным возможностям (бытовое обслуживание, связь, банковское обслуживание). Старшее поколение наиболее лояльно в оценке работы социальных институтов (медицина, культура, соцзащита), но пессимистично в оценке динамики жизни.

В целом среди опрошенных 64,5% видят улучшение жизни в своем населенном пункте. При этом молодежь, несмотря на максимальный оптимизм (76,8% отмечают улучшение жизни), не связывает свое будущее с развитием малого города, их жизненные стратегии направлены в более крупные центры. Это очевидное проявление теории поколений К. Мангейма: молодежь формирует собственный «поколенческий стиль», который основан на ценности мобильности и возможностей, а не на лояльности месту. Тем самым, критические оценки возможностей для трудоустройства и организации досуга напрямую коррелируют с желанием молодежи переехать в крупный город. Малый город не предоставляет ресурсов для профессиональной и личной самореализации.

Высокие оценки отдельных сфер жизни в малых городах формируют аффективную привязанность («здесь хорошо жить»). Низкие оценки возможностей карьерного роста, медицины, развлечений формируют когнитивный вывод («здесь нет будущего для детей»). Этот разрыв и порождает стратегию «отложенной миграции». Неудовлетворенность проживанием на периферии не тотальна, а селективна и обусловлена возрастом. Политика развития малых городов, нацеленная на закрепление населения, должна быть адресной, предусматривающей для молодежи – создание современных рабочих мест и досуговой инфраструктуры, для семей – кардинальное улучшение доступности и качества медицины, для всех – решение хронических проблем с дорогами и бытовыми услугами.

Именно несоответствие между позитивной общей динамикой и неудовлетворенностью ключевых социальных сфер является главным объяснением, почему текущее социальное самочувствие остается условно-позитивным, но имеет риск утраты в долгосрочной жизненной стратегии последующих поколений.

Результаты проведенного исследования также демонстрируют фундаментальный раскол между краткосрочными личными планами и долгосрочными жизненными стратегиями жителей малых городов Могилевщины. В ответах на вопрос: «Каковы Ваши планы на ближайший год?» подавляющее большинство участников исследования (90,7%) указали, что планируют остаться в своем населенном пункте. Это подтверждает вывод о высоком аффективном компоненте самочувствия (удовлетворенность текущей жизнью) и сильной привязанности к месту. Это эмпирическое ядро феномена «отложенной миграции». Критическое меньшинство (6,4%) сказали, что в планах переезд в другой город. Однако среди молодежи доля лиц, которые собираются осуществить переезд в другой город, составляет 16,1%. Это указывает на то, что каждый шестой из числа жителей малых городов в молодом возрасте уже готов к миграции.

Картина радикально меняется, когда жители малых городов дают ответ на вопрос о том, каким они видят будущее своих детей с точки зрения получения образования и места проживания. Наблюдается крах локальной проекции: только 13,8% участников исследования хотят, чтобы их дети остались проживать в данном населенном пункте. Даже с учетом респондентов, выбравших вариант ответа «хочу, чтобы дети получили образование в другом населенном пункте и вернулись в свой город» (14,0%), суммарная доля ориентированных на локальное будущее своих детей не превышает трети (27,8%). Это и формирует проблемную ситуацию. Анализ ответов на данный вопрос свидетельствует о том, что имеет место доминирование установок населения малых городов на образовательную миграцию: 43,3% выбирают стратегию «получить образование и переехать в другой город». Важно подчеркнуть, что это не просто миграция, а инвестиция в человеческий капитал с последующей его реализацией вовне. Для молодежи эта установка дополняется высокой готовностью к эмиграции. Ответы представителей разных поколений показаны в таблице (таблица 2).

Таблица 2 – Распределение ответов респондентов разных возрастных групп на вопрос о предпочтениях относительно места проживания их детей, в %

Варианты ответов	Весь массив	Молодое поколение	Среднее поколение	Старшее поколение
остались проживать в данном населенном пункте	13,8	8,9	10,3	22,3
получили образование в другом населенном пункте и вернулись в данный	14,0	14,3	16,2	10,0
получили образование и переехали в другой населенный пункт	43,3	33,9	50,4	34,6
переехали в другую страну на постоянное место жительства	2,9	12,5	1,7	0,8
затруднились ответить	26,0	30,4	21,4	32,3

Как следует из представленных данных, респонденты старшего поколения демонстрируют наибольшую личную стабильность (95,4% остаются сами, согласно ответам о намерениях на ближайший год) и самую высокую долю желающих, чтобы дети остались (22,3%). Однако стратегия образовательной миграции детей популярна (34,6%) и среди них. Среднее поколение наиболее последовательно выбирает для детей стратегию «получение образования и переезд в другую страну» (50,4% максимальный показатель среди всех возрастных групп). Это поколение, которое, оставаясь само, не видит перспектив для следующего поколения на малой Родине. Лица, относящиеся к когорте молодежи, чаще других говорят о планах на переезд, но при этом значительная часть (30,4%) затрудняется с ответом о предпочтениях в отношении будущего поколения, что говорит о стратегической неопределенности. Установкой на образовательную миграцию детей выступает рациональная семейная стратегия максимизации отдачи от вложений в образование в условиях, когда локальный рынок труда не может обеспечить достойную занятость.

Таким образом, эмпирические данные выявляют глубинный социальный механизм, воспроизводящий депопуляцию малых городов. Он основан не на немедленном массовом оттоке, а на восприятии стратегии миграции как этапа успешной биографии молодого поколения.

Заключение

Изучение социального самочувствия и жизненных стратегий жителей малых городов Могилевщины позволило выявить ряд тенденций, определяющих ключевой вызов в развитии периферийных территорий – вызов демографической и кадровой устойчивости.

Социальное самочувствие населения носит амбивалентный характер, имеющих межпоколенческие различия. Общий позитивный фон, основанный на вере в поступательную динамику (64,5% видят улучшение) и на удовлетворенности базовыми условиями жизни, может стать более неустойчивым. Он существует в состоянии постоянного напряжения с неудовлетворенностью отдельными сферами жизни (медицинским обслуживанием, возможностями трудоустройства и развития карьеры, организацией досуга и пр.). Эта неудовлетворенность наиболее остро выражена у экономически ак-

тивного населения, особенно у молодежи, что свидетельствует о системном дефиците ресурсов для самореализации в малом городе.

Центральным выводом является выявление «удовлетворенности при отложенной миграции». Высокий уровень текущей лояльности и личных планов остаться сочетается с доминирующей установкой на образовательную миграцию детей (хотя, чтобы их дети переехали в другой город после получения образования). Это означает, что малый город имеет риск утраты роли пространства для передачи социального и культурного капитала следующему поколению. Локальная идентичность теряет проективную силу, уступая место прагматичной стратегии инвестирования в будущее детей за пределами своей территории.

Обнаруженный межпоколенческий разрыв носит не столько количественный, сколько качественный характер. Если для старшего поколения малый город остается местом глубокой личной и социальной укорененности, то для молодежи он зачастую становится «стартовой площадкой» в глобальное «пространство потоков» (М. Кастельс). Этот разрыв воспроизводится через механизмы социального сравнения (Л. Фестингер) и рационального расчета в рамках теории человеческого капитала.

Таким образом, главной проблемой периферийных территорий являются не столько объективные отличия местной инфраструктуры от городской, сколько утрата привлекательности и смыслового горизонта будущего. Представители старшего поколения склонны к стратегиям выживания в рамках имеющихся ресурсов, а молодежь все чаще выбирает миграцию как возможную стратегию социального продвижения. Политика развития, направленная лишь на постепенное улучшение инфраструктуры, без одновременного создания нового образа города как центра профессиональных возможностей, инноваций и качественной современной жизни, имеет высокую вероятность проигрыша в конкуренции за молодежь.

Перспективы дальнейших исследований видятся в углубленном качественном изучении мотивационных структур молодежи, а также в сравнительном анализе успешных кейсов малых городов, которым удалось создать привлекательный проект будущего и переломить миграционные тренды.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Аргунова, В. Н.* Методика изучения социального самочувствия населения малого города / В. Н. Аргунова, И. Н. Кодина [Электронный ресурс]. – 2013. – URL: Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19527009&ysclid=mji2a56t55730212053>. (дата обращения: 09.11.2025).

2. *Алексеев, С. А.* Методологические подходы к изучению социального самочувствия молодежи / С. А. Алексеев [Электронный ресурс]. – 2025. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskie-podhody-k-izucheniyu-sotsialnogo-samochuvstviya-molodezhi?ysclid=mji21igbva748375570> (дата обращения: 10.11.2025).

3. *Лихачев, Н. Е.* Социальная сфера белорусского села: социологический анализ состояния и перспектив развития : моногр. / Н. Е. Лихачев, С. Н. Лихачева. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – 176 с.

Поступила в редакцию 23.12.2025 г.

Контакты: kuptsova@m.msu.by (Купцова Ирина Григорьевна)

KUPTSOVA I. G. SOCIAL WELL-BEING AND LIFE STRATEGIES OF SMALL TOWN RESIDENTS IN THE MOGILEV REGION

Based on the results of a sociological study, the article analyzes the social well-being and life strategies of residents of small towns in the Mogilev region. The structure of well-being is revealed through its cognitive (assessment of conditions) and affective (life satisfaction) components. The scientific problem is revealed through the paradox of “satisfaction amid delayed migration”.

Keywords: social well-being, life strategies, small towns, migration attitudes, human potential.

УДК 347

УРЕГУЛИРОВАНИЕ БАНКРОТНЫХ СПОРОВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТИПОВ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Т. А. Корень

кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана факультета экономики и права

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

В статье представлены результаты исследования отечественного и зарубежного опыта организации урегулирования споров о банкротстве в контексте социального и постсоциального типов судопроизводства. Настоящая статья является продолжением исследования, опубликованного в предыдущем номере настоящего журнала.

Ключевые слова: банкротство, судебное дело, организация урегулирования банкротных споров.

Введение

В настоящее время продолжает быть актуальным интерес к проблеме банкротства в различных отраслях научного знания. Так, проводятся исследования в области философских подходов к пониманию банкротства, происходит переосмысление банкротства как социального феномена, изменяется традиционная парадигма банкротства граждан по совокупности разнообразных причин [1–4].

В области процессуальной науки осуществляется поиск путей совершенствования разрешения правовых конфликтов, связанных с невозможностью субъекта исполнять свои долговые обязательства перед государством, бизнес-партнерами, работниками и иными кредиторами. Целью настоящей статьи является изучение изменений судопроизводства по делам о банкротстве при социальном и постсоциальном типе судебного процесса в продолжение исследования организации судопроизводства по делам о банкротстве, носящей исторический характер и зависящей от типа судопроизводства.

Основная часть

Социальный тип процесса складывается под влиянием новой идеологии социального государства. В связи с обоснованием социальной функции правосудия гражданское судопроизводство получает новую интерпретацию как деятельность суда, имеющая целью не только разрешение конкретного частноправового спора, а служение общему благу, обеспечение экономического и социального развития общества [5].

Обобщение значительного мирового опыта показало, что в настоящее время общими концептуальными тенденциями законодательства развитых стран – ФРГ, США, Великобритании, Франции, Швеции, Канады – являются следующие: существенное упрощение условий начала разбирательства по делу о несостоятельности [6]; упрощение процедур для граждан, индивидуальных предпринимателей, малых предприятий; развитие альтернативных методов разрешения споров; дифференциация процедур банкротства для отдельных категорий должников, например, финансовых организаций; унификация законодательства о банкротстве в рамках регионального сотрудничества; использование достижений технологического прогресса, элементов электронного правосудия и др. При этом многие страны сталкиваются с проблемами недостаточной эффективности процедур, высокой стоимостью судебных разбирательств, ростом дел о банкротстве. Отмечается рост количества дел о банкротстве, связанных с криптова-

лютами и другими цифровыми активами, что требует от судов разработки новых подходов к их оценке и распределению, и рост дел, в которых должники пытаются скрыть свои активы, переводя их в криптовалюты.

В частности, в Великобритании существуют новые законодательные акты и практики, направленные на борьбу с мошенничеством в сфере банкротства, включая случаи преднамеренного вывода активов для избежания уплаты долгов, внедряется электронный документооборот и онлайн-платформа для подачи заявлений и обмена информацией между участниками процесса банкротства. Это позволяет ускорить процедуры и снизить затраты.

В конце XX в. в связи с недостаточностью государственных ресурсов социально-го государства выдвинут концепт постсоциального государства, приоритетом которого является защита интересов конкретного индивидуума, ориентация на повышение уровня качества жизни каждого субъекта, обеспечение существования известных публичных институтов. При этом отрицается социальное иждивенчество и повышается социальная активность. Под воздействием концепции постсоциального государства в западноевропейской доктрине получает развитие теория пропорционального правосудия, суть которой состоит в обеспечении всеобщего доступа к правосудию в пределах ограниченных ресурсов. В основу данной теории положен тезис о том, что если суды продолжают осуществлять судопроизводство в обычном режиме, то судебные разбирательства станут несоразмерны по стоимости для частных лиц и государства, что не позволит обеспечить эффективное справедливое правосудие и в конечном счете подорвет доверие общественности к суду. В качестве альтернативы предлагается вариант организации правосудия, при котором заинтересованное лицо лишается возможности самостоятельно выбирать порядок судебной защиты [7]. Постсоциальный тип судопроизводства характеризуется адаптацией традиционного правосудия к новым социальным условиям: интеграция технологий, использование цифровых инструментов для упрощения доступа к правосудию, формирование открытых баз данных и онлайн-платформ, электронное правосудие, использование искусственного интеллекта, гармонизация и унификация законодательства для тесного взаимодействия между судебными системами разных стран и др.

Отчасти сложностью судебных процедур обусловлена имеющая место неспособность обеспечения своевременного урегулирования банкротств даже в странах с развитой экономикой и эффективно функционирующими правовыми институтами. По данным Всемирного банка, судебное производство по делу о корпоративном банкротстве в среднестатистической стране продолжается более двух лет [8].

Оперативным и менее затратным по сравнению с судебной системой является урегулирование неплатежеспособности с использованием механизмов альтернативного урегулирования споров. Ряд их процедур предусматривает участие суда в той или иной степени. Такие гибридные процедуры проходят под определенным судебным надзором либо требуют лишь судебного утверждения договоренностей, достигнутых во внесудебном порядке. Таким образом, в контексте банкротства можно говорить о развитии альтернативного урегулирования вне юрисдикционной системы и внутри юрисдикционной системы. Автор соглашается с выводом профессора О. Н. Здрок, сформулированным при исследовании медиации, что выбор той или иной концепции зависит от целей ее внедрения в национальное правовое пространство, в частности, осуществляется оно в интересах судебной системы или же в интересах участников процесса [9, с. 64].

Показательным является опыт Великобритании, как государства с эффективной системой альтернативного разрешения споров, на основе Лондонского подхода – комплекса традиционных норм и принципов, продвигаемого Резервным банком, не имеющего силы закона и предусматривающего высокий уровень сотрудничества креди-

торов в решении проблем несостоятельности при наличии достоверной информации о финансовом положении должника и равном распределении ими между собой издержек от уступок и компромиссов. Положительным примером при невысоком уровне согласия среди кредиторов видится утверждение судом внесудебной договоренности с ее обязательным исполнением, применяемое во Франции. Для стран со слабыми или малоэффективными судебными системами, по мнению Всемирного банка, применимо использование договора о правилах проведения реструктуризации, заключенного между кредиторами по примеру Рамочного соглашения о финансовой реструктуризации, действующего в Турции, – модели совместного управления под надзором регуляторного органа, предполагающей более ограниченную роль суда [8].

Следующей тенденцией в XXI в. является разработка судебных и внесудебных процедур банкротства, доступных для микро-, малых и средних предприятий, в наибольшей степени подвергнутых рискам в периоды экономических кризисов. Преимущества специальных процедур в их отношении подтверждает опыт Юго-Восточной Азии в период масштабных долговых кризисов в 1980-е и 1990-е гг. XX в. Так, Республика Корея, Малайзия и Таиланд провели реформы, предусматривавшие применение разных процедур для крупных и малых предприятий. В Корее к 2003 г. соглашения о реструктуризации были заключены в отношении 80% дел, долг по которым составлял 95% от общей суммы корпоративной задолженности [8].

Примером упрощенной судебной процедуры банкротства в Казахстане является ликвидация должника без возбуждения процедуры банкротства, применяемая к отсутствующим должникам по заявлению кредитора по налогам и таможенным платежам либо при добровольном банкротстве по заявлению должника, фактически не осуществляющему деятельность в течение 3 лет до подачи заявления при непревышении установленной законом суммы долга (гл. 7 закона от 07.03.2014 №176-V «О реабилитации и банкротстве» (далее – Закон №176-V)). Упрощение состоит в рассмотрении дела судом без назначения администратора-управляющего; проведении процедуры ликвидации указанным в судебном решении уполномоченным органом (подп. 22 ст. 1 Закона №176-V); установлении минимальных сроков рассмотрения дела: суд выносит решение в срок, не превышающий 5 рабочих дней со дня вынесения определения о возбуждении дела (ст. 118 Закона №176-V) [10].

Упрощенные процедуры банкротства для ликвидируемых и отсутствующих должников предусмотрены в Беларуси (гл. 24, 25 закона «О урегулировании неплатежеспособности»), Армении, в том числе по отсутствующим должникам – физическим лицам (ст.ст. 102–103 закона «О банкротстве») [11, 12].

В Кыргызской Республике законом «О банкротстве (несостоятельности)» предусмотрена процедура специального администрирования во внесудебном порядке (гл. 2), которая считается начатой после назначения государственным органом по делам о банкротстве, собранием кредиторов специального администратора (п. 1 ст. 27³⁴) [13].

Следующим направлением развития механизма банкротства является упрощение процедур потребительского (персонального) банкротства. Традиционный, применяемый для субъектов предпринимательства, механизм банкротства граждан, отвечающий потребностям государства на протяжении XX в., по причине колоссальных объемов кредитования и появления перекредитования граждан перестал быть «эффективным». По данным на 2020 г., количество должников постоянно растет: в США порядка 70 млн граждан несут бремя просроченной задолженности, которую можно взыскать принудительным путем. В РФ эта цифра колеблется от 7 до 12 млн, в ФРГ – до 7 млн. Неэффективность обычных процедур банкротства подтверждается тем, что, например, у 50% должников в Швеции, 65% должников в РФ и 80% должников в ФРГ отсутствует

имущество и стабильный доход для погашения задолженности перед кредиторами [2]. Таким образом, востребованность упрощения судебных процедур банкротства граждан обусловлена непродуктивностью расходования ресурсов в силу их неэффективности.

Упрощение имеет место, как при сохранении судебного порядка, как в США, где преобладает теоретическая точка зрения, что отказ от судебного порядка явится нарушением прав кредиторов, так и при введении внесудебного порядка. Примером последнего является установление по закону 2006 г. о несостоятельности в Новой Зеландии внесудебной процедуры банкротства граждан через Службу доверительного управления с дальнейшим размещением на публичном сайте указанной Службы соответствующей информации и с возможностью в течение 6 мес. после ее начала перехода в обычную судебную процедуру при обоснованной позиции кредиторов о возможности погашения долгов; общий срок процедуры составляет 12 мес. [14]. Аналогичный внесудебный порядок для граждан ввела Великобритания в 2016 г.

В Израиле с 15.09.2019 согласно закону №5778-2018 «О неплатежеспособности и экономической реабилитации» внесудебный порядок для граждан с долгом до определенной суммы установлен путем подачи заявления в систему судебных исполнителей, Управление правоприменения и взыскания, при превышении установленной суммы долга – уполномоченному по вопросам неплатежеспособности в Министерстве юстиции. Кредитором заявление о несостоятельности гражданина подается в суд, окружные суды рассматривают только дела о корпоративных банкротствах [15].

Нормативное закрепление и развитие получает внесудебный порядок банкротства граждан и в ряде стран СНГ. Так, в РФ согласно Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 №127-ФЗ с 01.09.2020 для граждан действует внесудебный, упрощенный, через многофункциональный центр, бесплатный, ускоренный (в течение 6 мес.) порядок банкротства [16]. В Казахстане согласно закону «О восстановлении платежеспособности и банкротстве граждан Республики Казахстан» с 03.03.2023 граждане через портал «Государственные услуги и информация онлайн» (www.eGov.kz) вправе воспользоваться порядком внесудебного банкротства со сроком проведения 6 мес. со дня размещения на портале сведений о должнике.

В Узбекистане с 01.01.2023 согласно закону «О неплатежеспособности» введено банкротство граждан (гл. 14) [17]. В определенной доле стран вообще не регламентирован режим признания гражданина банкротом. Особенно негативно это сказывается на владельцах малого бизнеса, закредитованных под личные гарантии. До настоящего момента в Кыргызии, Беларуси банкротство граждан не предусмотрено.

В ряде стран, например, Португалии, нерешенной является проблема неэффективности защиты прав граждан, не имеющих постоянного дохода, несмотря на наличие некоторых правовых положений, направленных на содействие доступу к правосудию и судам независимо от финансового положения [18].

Подтверждением проблемы потребительского банкротства являются исследования в ЮАР, где в период экономического спада в судах накопилось огромное количество дел, с середины 2007 г. количество потребителей с «хорошей репутацией» продолжало сокращаться и на 2011 г. достигло только 53,3%. Проблемы снижения нагрузки на судей, реальной защиты прав неплатежеспособных граждан, «непрозрачности» и высокой стоимости процедур банкротства в ЮАР являются насущными [19].

В настоящий период точкой пересечения правового и технологического направлений в научных исследованиях банкротства выступают вопросы оптимизации судебных процессов и цифровизации процедур банкротства. Необходимость внедрения цифровых технологий в процесс по делам о банкротстве, их положительные и отрицательные стороны, прогнозы применения описаны в работах российских ученых Е. А. Аксеновой,

А. П. Божко, А. В. Калинина, А. В. Лошкаревой, Т. П. Шишмаревой и др. [20–23]. Совершенно справедливо учеными-юристами указывается на то, что внедрение и использование указанных технологий требует четкой правовой регламентации (Е. А. Аксенова, В. И. Маляр, К. С. Мокренко) [20, 24].

Положительным результатом внедрения информационных технологий в Беларуси стало создание и функционирование с июня 2014 г. электронного Единого государственного реестра сведений о банкротстве (www.bankrot.gov.by). Аналогичные реестры функционируют во многих странах.

Пути расширения использования цифровых технологий в сфере банкротства предлагаются профессором В. С. Каменковым: подготовка судов к работе с электронными документами, дистанционное обучение и аттестация антикризисных управляющих в электронной форме, электронный мониторинг за деятельностью управляющего и др. [25].

Общность проблем использования современных технологий и процессуальной науки проявляется также в частном вопросе электронных доказательств в делах о банкротстве и связанных с ними спорах (Т. Т. Алиев, И. Н. Балашова, А. Н. Балашов, М. И. Воронин, Е. С. Никонорова и др.) [26–28].

Учеными прогнозируется, что в совокупности реализация мер по цифровизации процессов приведет к сокращению судебных дел о банкротстве, снижению судебных расходов, повышению качества правосудия по основным делам и спорам, связанными с банкротством, и др.

Заключение

Обобщение мирового опыта по организации урегулирования споров о банкротстве в судебном порядке показало, что при внешнем консерватизме судопроизводства имеет место развитие судебных процедур и их дифференциация.

В ряде стран преодолена монополия судебного способа разрешения дел о банкротстве и введены внесудебные (административные) механизмы. В связи с чем имеются основания утверждать, что организация разрешения споров о банкротстве происходит в настоящее время в двух основных направлениях: судебном и внесудебном.

В контексте социального типа судопроизводства наиболее ярко по сравнению с механизмом разрешения иных категорий дел демонстрируется факт понимания того, что восстановление нарушенных прав кредиторов и должника является задачей не отдельных субъектов, а всего общества. Информирование общества о всех этапах рассмотрения дел о банкротстве и результатах посредством размещения сведений на специальных официальных интернет-ресурсах свидетельствует о факте расширения содержания принципа гласности.

Ключевой идеей организации урегулирования банкротства при социальном типе судопроизводства и формировании нового постсоциального типа является оптимизация судебной нагрузки, процессуальная экономия за счет упрощения, ускорения и дифференциации судебных процедур, использования современных информационных технологий, введения внесудебных (административных) процедур, участия суда в организации примирительной процедуры по делу, расширения применения альтернативных способов урегулирования споров.

Современная концепция урегулирования банкротства в цивилистическом процессе в мировом масштабе, на уровне отдельно взятых регионов и государств характеризуется комбинацией правовых моделей, соответствующих разным типам судопроизводства по причине незавершенности перехода от либерального к социальному типу судопроизводства, формирования нового постсоциального типа судопроизводства.

Все выявленные тенденции и рассмотренные механизмы организации разрешения споров о банкротстве в целом соответствуют понятию прогресса системы судопроизводства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Осипов, Е. М.** Правовые аспекты интерпретации понятия «банкротство» как социально-экономического явления / Е. М. Осипов, А. С. Шульженко // *Matters of Russian and International Law*. – 2023. – Vol. 13, Is. 1A-2A. – С. 299–308. – URL: <http://publishing-vak.ru/file/archive-law-2023-1/c17-osipov-shulzhenko.pdf> (дата обращения: 21.03.2025).
2. **Смирных, А.** Смена парадигмы: международный опыт упрощенной процедуры банкротства / А. Смирных. – URL: <https://legalacademy.ru/sphere/post/smena-paradigmy-mezhdunarodnyi-opyt-uproschennoi-procedury-bankrotstva> (дата обращения: 21.03.2025).
3. **Погребняк, Е. С.** Банкротство как социальный феномен / Е. С. Погребняк // *Практическая философия: состояние и перспективы* : сб. материалов II науч. конф. Ч. 2. / гл. ред. О. А. Габриелян. – Симферополь : Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2019. – С. 101–107.
4. **Философско-правовые аспекты банкротства.** – URL: https://zakon.ru/blog/2023/4/26/filosofskopravovyye_aspekty_bankrotstva (дата обращения: 21.03.2025).
5. **Лебедев, В. М.** Правосудие в современном мире / В. М. Лебедев, Т. Я. Хабриева, А. С. Автономов. – М. : Норма, 2018. – 720 с.
6. **Филатов, А. М.** Французская модель несостоятельности / А. М. Филатов, Е. А. Шибанова-Роненко // *Успехи современного естествознания*. – 2012. – № 4. – С. 127–129.
7. **Стрельцова, Е. Г.** Приватизация правосудия : моногр. / Е. Г. Стрельцова. – М. : Проспект, 2019. – 238 с. – URL: <https://gucont.ru/efd/711557> (дата обращения: 28.07.2025).
8. Доклад Всемирного банка о мировом развитии 2022. Глава 3. Реструктуризация задолженности компаний и домохозяйств. – URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/wdr2022/brief/chapter-3-restructuring-firm-and-household-debt> (дата обращения: 28.07.2025)
9. **Здрок, О. Н.** Примирительные процедуры в цивилистическом процессе: современная теоретическая концепция / О. Н. Здрок. – Мн. : «Бизнесофсет», 2013. – 108 с.
10. О реабилитации и банкротстве: Закон Респ. Казахстан, 7 марта 2014 г., №176 – V. – URL: <https://www.zakon.kz> (дата обращения: 28.07.2025).
11. Об урегулировании неплатежеспособности: Закон Респ. Беларусь, 13 дек. 2022 г., № 227-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200227&p1=1&p5=0>. (дата обращения: 28.07.2025).
12. О банкротстве: Закон Респ. Армения, 25 дек. 2006 г., HO – 225-N. – URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/173450> (дата обращения: 28.07.2025).
13. О банкротстве (несостоятельности): Закон Кыргызской Республики, 15 октября 1997 г., №74 // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. – URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/ru> (дата обращения: 28.07.2025).
14. О несостоятельности: Закон Новой Зеландии, 7 ноября 2006 года, №55/. – URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/2006/0055/latest/whole.html#whole> (дата обращения: 28.07.2025).
15. Неплатежеспособность и экономическая реабилитация. Информационный буклет // Официальный сайт правительства Израиля. – URL: https://www.gov.il/BlobFolder/generalpage/forms-eca-new-format-3/he/Forms_insolvency-guide-gu.pdf (дата обращения: 28.07.2025).
16. О несостоятельности (банкротстве): Закон Российской Федерации, 26 октября 2002 г., №127-ФЗ. – URL: www.consultant.ru (дата обращения: 28.07.2025).
17. О неплатежеспособности: Закон Респ. Узбекистан, 12 апреля 2022 г., №3PV – 763. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/5957616?ONDATE=16.01.2024> (дата обращения: 28.07.2025).
18. **Фраде, К.** Должники NINA/LILA в соответствии с Законом о банкротстве Португалии: скрытая проблема на виду? / К. Фраде, Р. Хесус // *Обзор международной несостоятельности*. Т. 1, вып. S 1. – URL: <https://doi.org/10.1002/iir.1360> (дата обращения: 28.07.2025).
19. **Ростофф, М.** Облегчение потребительского долга в Южной Африке: уроки Америки и Англии и предложения по дальнейшим действиям / М. Ростофф, Х. Кутзее // *Журнал торгового права*, вып. SA, 2012. – URL: <https://journals.co.za/doi/abs/10.10520/EJC126799> (дата обращения: 28.07.2025).
20. **Аксенова, Е. А.** Воздействие цифровых технологий на процесс автоматизации по делам о несостоятельности (банкротства) / Е. А. Аксенова, В. И. Маляр // *Стратегии бизнеса*. – 2022. – Т. 10, № 3. – С. 65–69.
21. **Лошкарев, А. В.** Влияние цифровых технологий на оптимизацию производств по делам о несостоятельности (банкротстве) / А. В. Лошкарев, А. П. Божко // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. Сер. Юридические науки. – 2020. – Vol. 10-3(49). – С. 120–123.
22. **Калинин, А. В.** Применение цифровых (электронных) технологий в процедурах несостоятельности (банкротства) в России и Республике Беларусь / А. В. Калинин // *Эл. библиотека БГЭУ*. – URL: www.edoc.bseu.by. С. 222–236 (дата обращения: 28.07.2025).

23. **Шишмарева, Т. П.** Цифровые технологии в производстве по делу о несостоятельности (банкротстве) / Т. П. Шишмарева // Предпринимательское право. – 2019. – № 3. – С. 50–55.

24. **Мокренко, К. С.** Тренды банкротства: оптимизация и цифровизация / К. С. Мокренко // Эл. библиотека Полоцкого гос. университета. – URL: www.edoc.psu.by (дата обращения: 28.07.2025).

25. **Каменков, В. С.** Использование цифровых и медиативных технологий в законодательстве о банкротстве / В. С. Каменков. – URL: www.iLex.by (дата обращения: 28.07.2025).

26. **Алиев, Т. Т.** Электронные доказательства как самостоятельная категория доказательств в цивилистическом судопроизводстве Российской Федерации / Т. Т. Алиев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 5. – С. 28–32.

27. **Воронин, М. И.** Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 8. – С. 118–129.

28. **Никонорова, Е. С.** Цифровой след в процедуре банкротства / Е. С. Никонорова // IP: теория и практика. – 2024. – № 4(8). – URL: <https://iptr.rgiis.ru/index.php/IPTR>. (дата обращения: 28.07.2025).

Поступила в редакцию 17.08.2025 г.

Контакты: koren@m.msu.by (Корень Татьяна Анатольевна)

Koren T. A. SETTLEMENT OF BANKRUPTCY DISPUTES IN THE CONTEXT OF MODERN TYPES OF LEGAL PROCEEDINGS

The article presents the results of a study of domestic and foreign experience in the organization of bankruptcy dispute resolution in the context of social and post-social types of legal proceedings. This article is a continuation of the research published in the previous issue of this journal.

Keywords: bankruptcy, court case, organization of bankruptcy dispute settlement.

УДК 341.9

ИМПЕРАТИВНЫЕ НОРМЫ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ: ОТ ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМЫ ДО НОРМАТИВНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Е. Б. Леанович

кандидат юридических наук, доцент, ведущий сотрудник кафедры международного права

Белорусский государственный университет

В статье проанализирован один из наиболее дискуссионных механизмов международного частного права, который ограничивает отсылку к применимому праву по коллизионной норме или автономии воли сторон. Показан современный уровень доктрины и состояние нормативной регламентации в источниках правового регулирования международного и национального уровня. Сформулированы выводы о назначении, терминологии и оптимальном варианте положений о механизме «императивные нормы в международном частном праве» для использования в процессе совершенствования законодательства Республики Беларусь, регулирующего международные частноправовые отношения.

Ключевые слова: международное частное право, императивные нормы, коллизионные нормы, автономия воли, кодификация международного частного права, проект Кодекса международного частного права Республики Беларусь.

Введение

Механизм «императивные нормы в международном частном праве» является дискуссионной проблемой в терминологическом и сущностном аспектах. Несмотря на то, что данный механизм закреплен в источниках международного частного права, например в ст. 1100 Гражданского кодекса Республики Беларусь [1], в доктрине отсутствует системный и комплексный анализ его генезиса, целеполагания и развития в современных условиях.

В российской литературе распространены обобщающие утверждения о том, что «в любой правовой системе есть особый круг *норм прямого действия и непосредственного применения*, которые не являются частью публичного порядка, но должны применяться всегда, даже если национальное коллизионное право отсылает к иностранной правовой системе» [2, с. 294].

В России для такого подхода есть нормативные основы, поскольку согласно в п. 1 ст. 1192 Гражданского кодекса Российской Федерации есть упоминание о нормах непосредственного применения [3]. Под значительным влиянием европейской доктрины и правоприменительной практики в Российской Федерации используется термин «сверхимперативные нормы» для описания специфики действия механизма ст. 1192 Гражданского кодекса Российской Федерации [4, с. 195–199]. При таком подходе основной посыл состоит в выделении неких особых характеристик некоторых императивных норм. В результате механизмы «императивные нормы» и «оговорка о публичном порядке» очень похожи, а различия в характеристике норм, что довольно сложно, поскольку предполагает поиск указаний в самой норме (например в случае установления санкций за несоблюдение) либо определяется субъективными оценками судьи, автора научного исследования и другого лица, обосновывающего особый характер императивной нормы [4, с. 194]. Неопределенность в составе императивных норм является очевидной проблемой. В доктрине недостаточно изучено назначение

механизма «императивные нормы в международном частном праве. Анализ проблемы и рекомендации по совершенствованию белорусского законодательства должны исходить не из сравнительного метода и безусловного заимствования чужих моделей, а полагаться на выяснение причин появления и ожидаемых результатов механизма «императивные нормы в международном частном праве».

В белорусской доктрине отмечается схожее отношение к механизму «императивные нормы в международном частном праве», как и в широко распространенном подходе в трудах российских ученых, включая и используемую терминологию: «сверхимперативные нормы», «нормы непосредственного применения» [5]. Между тем, в законодательстве Республики Беларусь нормативная регламентация отличается от российского подхода. Соответственно, анализ действующих норм и разработка возможных изменений должны учитывать специфику белорусской правовой системы.

Цель настоящей статьи состоит в изучении проблемы императивных норм в международном частном праве на основе методов абстрагирования, дедукции, синтеза и моделирования для того, чтобы выделить задачи, которые он решает, и предложить оптимальный вариант нормативной регламентации.

Основная часть

Основу гипотезы исследования составляет предположение о рисках неэффективного регулирования механизмов «императивные нормы в международном частном праве», которые связаны с неудобством использования, обременением суда сложными задачами без должного обоснования цели применения и учета интересов сторон международных частнопровых отношений.

Как отмечено выше, все комментаторы неизбежно вынуждены начать с критериев выделения отдельных императивных норм. Причем недостатки связаны не только с тем, что суд или другой орган, рассматривающий дело, не имеет достаточно четких ориентиров для отнесения императивных норм к тем, которые заставят пересмотреть коллизионную отсылку. Нередко их просто нет.

Тщательный анализ текста ст. 1100 Гражданского кодекса Республики Беларусь показывает, что критерии «назначение и характер» могут быть использованы только для оценки императивных норм права страны, с которой рассматриваемые отношения имеют тесную связь. Формулировка содержится в п.2 и к п.1 не относится. Соответственно, для оценки императивных норм права Республики Беларусь не предложены критерии. Буквальное следование тексту п.1 ст.1100 Гражданского кодекса Республики Беларусь может привести к тому, что только диспозитивные нормы могут коллизировать.

Однако, на наш взгляд, недостатки механизма «императивные нормы в международном частном праве» и причины его несовершенной регламентации гораздо глубже. Без достаточного обоснования законодателем цели и задач правового регулирования международных частнопровых отношений суд и стороны оказываются в сложных условиях неопределенности результата разрешения дела. При обобщении ситуации, складывающейся при применении статьи 1100 Гражданского кодекса Республики Беларусь, становится очевидным, что суд сталкивается с необходимостью сопоставления правовых систем как минимум трех государств. Во-первых, это непосредственно право Республики Беларусь, как право страны, в которой осуществляется правосудие. Во-вторых, это иностранное право, к которому отсылает коллизионная норма, выбранная для регулирования данного правоотношения. И, в-третьих, это право (третьей) страны, имеющей наиболее тесную связь с рассматриваемым отношением, что актуально при применении оговорки о публичном порядке или при установлении императивных норм.

Таким образом, процесс применения ст. 1100 ГК РБ представляет собой сложную коллизионную «триангуляцию», требующую от суда высокой квалификации и глубокого знания не только содержания национального и иностранного частного права. Суд должен разбираться в фундаментальных основах правовой природы норм в разных правовых системах. Вероятно, потребуется значительное время и процесс затянется, учитывая порядок, правила, процедуры, документы и т. п., которые предусмотрены по установлению содержания иностранного права (ст. 1095 Гражданского кодекса Республики Беларусь).

Стороны не могут повлиять на оптимизацию процесса. Суд ограничен, но имеет такую возможность. Если по п. 1 ст. 1100 Гражданского кодекса Республики Беларусь суд должен применить императивные нормы отечественного правопорядка, то согласно п. 2 ст. 1100 Гражданского кодекса Республики Беларусь слово «может» указывает на некоторую свободу судебного усмотрения.

В том виде, в котором в настоящее время сформулирована ст. 1100 Гражданского кодекса Республики Беларусь, механизм «императивные нормы в международном частном праве» не является достаточно гибким, удобным и необходимым. Допустим суд учитывает особые императивные предписания, без соблюдения которых реализация международного частнопровового отношения в условиях мультиюрисдикционной среды окажется затруднительной. Однако тогда возникает вопрос, почему суд не ограничивается соображениями публичного порядка и не слишком ли контролируется свобода сторон международного частнопровового отношения.

В Гражданском кодексе Республики Беларусь сейчас содержатся три основных механизма, которые способны ограничить применимое право: обход закона (ст. 1097); оговорка о публичном порядке (ст. 1099) и императивные нормы (ст. 1100). Целеполагание первых двух механизмов достаточно прозрачно и, несмотря на некоторые недостатки формулировок, они не угрожают нормальному ходу постановки и решения коллизионного вопроса. Оговорка о публичном порядке и обход закона используются в исключительных случаях, когда необходимо отступить от общего порядка экстерриториального действия иностранных законов для защиты фундаментальных принципов национального правопорядка и обеспечения добросовестности участников правоотношений, предотвращая злоупотребления и недопустимые ситуации при явном конфликте отечественного и иностранного правопорядков. Механизм императивных норм открывает простор для спорадических и непредсказуемых вторжений в международные частнопрововые отношения со стороны суда.

Для объяснения механизма императивных норм и описания их круга нередко используется обобщенный подход с отсылками в историю. В этом ключе наиболее часто упоминается теория середины XX в. в трудах французского ученого Ф. Франсескакисом (F. Francescakis), который писал о наличии «особых материально-правовых норм, выпадающих из общей коллизионной схемы определения применимого права в отношениях с иностранным элементом» [6, с. 137]. Однако необходимо принимать во внимание особые условия нормативного регулирования международных частнопрововых отношений в определенной стране и в конкретный период. Ф. Франсескакис сделал обобщения и вывел закономерности путем изучения судебной практики Франции и Италии. Даже сейчас в этих странах нет достаточно подробных норм о соотношении ограничительных механизмов международного частного права. Во Франции с марта 2022 г. обсуждается новый проект Кодекса международного частного права [7]. В него вошли довольно сдержанные и не слишком подробные положения об императивных нормах: «Императивная норма права – это норма, применение которой в международной ситуации необходимо для защиты политической, экономической и социальной организации государства, которое ее принимает. Должны применяться императивные

нормы государства, где рассматривается дело. Иностранные императивные нормы могут применяться, если рассматриваемое правоотношение имеет с ними тесную связь ввиду преследуемых ими целей или вызываемых ими последствий» (ст. 7 проекта) [7]. Проект Франции содержит также положения, посвященные оговорке о публичном порядке, обходу закона. Примечательно, что уточнение действия механизма императивных норм касается международной ситуации, в которой необходимо применить норму, поскольку отсылка в тексте проекта усматривается к нормам, применение которых требуется в виду особых обстоятельств (*«dont l'application dans une situation internationale est necessaire»*).

Анализ текста проекта Кодекса Франции не столь интересен, как констатация явных отличий формулировки статьи об императивных нормах в предполагаемом законодательстве Франции от источников европейского коллизионного права: Римской конвенции 1980 г. о праве, применимом к договорным обязательствам [8], Регламента ЕС о праве, применимом к договорным обязательствам, (Рим I) [9], Регламента ЕС о праве, применимом к внедоговорным обязательствам, (Рим II) [10], которые и привели к широкому вовлечению в доктринальный оборот в русскоязычной литературе по международному частному праву «сверхимперативных норм», «норм непосредственного применения» и идеализации представлений о том, что для вынесения взвешенного и гармоничного решения суд должен заниматься вопросом об императивных нормах разных правопорядков. Каждое государство решает, зачем, каким образом, в каких пределах за рамками коллизионной отсылки и автономии воли обеспечивать соблюдение императивных предписаний, которые не составляют публичный порядок, но необходимы в целях обеспечения защиты политической, экономической и социальной организации государства.

На наш взгляд, не исключен вопрос о том, стоит ли суду вообще уделять проблеме императивных норм значительное внимание и, если нередко интересы слабой стороны в отношениях, например защита прав потребителей, приводятся в качестве обоснования благих целей механизма «императивные нормы в международном частном праве» [11, с. 58–59], то какова роль сторон?

Пример универсальной унификации по поводу императивных норм в международном частном праве содержится в разработке Гаагской конференции по международному частному праву «Принципы, касающиеся выбора права в международных коммерческих договорах». В ст. 11 данного документа предусмотрено: «Настоящие Принципы не препятствуют применению судом императивных норм права государства суда, которые имеют преимущественную силу и которые применяются независимо от выбранного сторонами права. 2. На основании норм права государства суда определяются условия, при которых суд может или должен применять или учитывать императивные нормы другого права, имеющие преимущественную силу» [12]. Как видно из текста, основные вопросы оставлены на усмотрение государств, что означает довольно значительные разногласия по данному вопросу, а унификационный стандарт, который удалось согласовать, состоит лишь в том, государственные суды и международные коммерческие арбитражи могут применять механизм императивных норм.

В Законе Китая «О применении права к гражданским правоотношениям, осложненным иностранным элементом» содержится пример довольно сдержанного подхода к механизму «императивные нормы в международном частном праве» [13]. В ст. 4 и 5 данного закона закреплены основы для разрешения коллизий между китайским и иностранным правом, обеспечивая защиту интересов государства и общества. В ст. 4 установлен приоритет императивных норм китайского права, регулирующих гражданские отношения с иностранным элементом. Это означает, что если существует обязательное требование, установленное законодательством КНР, оно должно быть непосредственно

применено, независимо от того, какое право могло бы регулировать эти отношения в соответствии с коллизионными нормами. Такой подход направлен на обеспечение соблюдения основополагающих принципов китайского права в ситуациях, когда затрагиваются интересы КНР. В ст. 5 Закона Китая «О применении права к гражданским правоотношениям, осложненным иностранным элементом» в довольно жесткой форме закреплена оговорка о публичном порядке: «Иностранное право не применяется, если это может нанести ущерб социальному и общественному интересу КНР». Рассматриваемый закон четко указывает, что установление границ экстерриториального действия иностранных законов и приоритет национального права – внутреннее дело КНР и ярко иллюстрирует, что национальное законодательство о международном частном праве, в первую очередь, несет на себе отпечаток специфики отечественной правовой системы и его не целесообразно рассматривать в приближении к неким общемировым стандартам.

В контексте проблемы императивных норм в международном частном праве обращает внимание общая тенденция для Франции и Китая. Упор сделан не на то, что есть некие специфические по своему характеру нормы («сверхимперативные нормы «непосредственного применения») в разных юрисдикциях, их должно или можно обнаружить и применить, поскольку их правовая природа такова, что они должны быть учтены. На первый план выходит международное частноправовое отношение. Императивные нормы важны, поскольку они направлены на регулирование отношения именно международного характера (отношения с иностранным элементом), либо отношение с ними тесно связано, например оно возникло на основе определенных норм и не может быть реализовано без учета императивных предписаний.

Такой подход прослеживается и в п. 2 ст. 1100 Гражданского кодекса Республики Беларусь, где указано на «императивные нормы права, имеющие тесную связь с рассматриваемым отношением», и в этой части необходимо сохранить преемственность при совершенствовании белорусского законодательства о международном частном праве.

Заключение

Каждое государство решает, зачем, каким образом, в каких пределах обеспечивать соблюдение императивных предписаний, которые не составляют публичный порядок, но необходимы в целях обеспечения защиты политической, экономической и социальной организации государства. Для учета рисков, связанных с применением механизма императивных норм в международном частном праве, полагаем необходимым закрепить в возможном кодифицированном акте – Кодексе международного частного права Республики Беларусь, положения, которые четко указывают на цель и задачи регулирования международных частноправовых отношений, а также предоставить суду и сторонам достаточно широкую свободу выбора при решении коллизионных вопросов.

Для этого в проект Кодекса международного частного права Республики Беларусь введены следующие статьи, предусматривающие новую модель регулирования международных частноправовых отношений и решения проблемы императивных норм в международном частном праве:

Статья 3. Принципы регулирования международных частноправовых отношений

1. Определение применимого права, рассмотрение и разрешение споров, осуществление процедур и решение любых других вопросов, связанных с международными частноправовыми отношениями, основывается на следующих принципах:

1) обеспечение права стороны и сторон на автономию воли (право свободно реализовывать международные частноправовые отношения в той или иной юрисдикции, включая право на выбор применимого права и порядок урегулирования споров);

2) содействие сохранению в силе международных частноправовых отношений;

3) защита государственных интересов и национальной безопасности, прав и свобод лиц, находящихся под юрисдикцией Республики Беларусь.

2. Принципы, указанные в п. 1 настоящей статьи, должны применяться в совокупности, ни один из них не имеет преимущественного значения.

Статья 15. Применение императивных норм нескольких стран

1. Наряду с применением императивных норм применимого права суд по своему усмотрению или по просьбе стороны может рассмотреть вопрос о применении к международному частноправовому отношению императивных норм права Республики Беларусь и права страны, с которой данное отношение тесно связано.

2. Принимая решение о необходимости применения императивных норм права Республики Беларусь и права страны, с которой данное отношение тесно связано, суд принимает во внимание назначение и характер таких норм, а также последствия их применения и неприменения.

3. Применяя императивные нормы нескольких правопорядков, суд должен стремиться:

1) сохранить в силе международное частноправовое отношение;

2) применять императивные нормы гармонично, с достижением целей, преследуемых каждым правопорядком.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 декабря 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобрен Советом Республики 19 ноября 1998 г. // ЭТАЛОН : информационно-поисковая система (дата обращения: 29.11.2025).

2. *Гетьман-Павлова, И. В.* Международное частное право : учебник для вузов : в 3 т. Т. 1. Общая часть / И. В. Гетьман-Павлова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2023. – 320 с.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья : [федер. закон от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ] // КонсультантПлюс : [справочная правовая система]. – URL: www.consultant.ru (дата обращения: 29.11.2025).

4. *Канашевский, В. А.* Международное частное право : учебник / В. А. Канашевский. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Международные отношения, 2024. – 1184 с.

5. *Корочкин, А. Ю.* Применение норм международного частного права в хозяйственном судопроизводстве: отдельные аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Корочкин Алексей Юрьевич; Белорусский государственный университет. – URL: [https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/98220/1/2012_\(дата обращения: 29.11.2025\).](https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/98220/1/2012_(дата обращения: 29.11.2025).)

6. Международное частное право. Общая часть : учеб. пособие / Е. В. Бабкина [и др.] ; под общ. ред. Е. В. Бабиной. – Мн. : БГУ, 2019. – 359 с.

7. Consultation sur le projet de code de droit international privé / Projet de code de droit international privé. – URL: https://www.justice.gouv.fr/sites/default/files/migrations/textes/art_pix/projet_code_droit_international_privé.pdf (дата обращения: 29.11.2025).

8. Римская конвенция от 19 июня 1980 г. о праве, применимом к договорным обязательствам. – URL: [https://docs.cntd.ru/document/901889343_\(дата обращения: 29.11.2025\).](https://docs.cntd.ru/document/901889343_(дата обращения: 29.11.2025).)

9. Регламент (ЕС) № 593/2008 («Рим I»). – URL: <https://base.garant.ru/2567328/> (дата обращения: 29.11.2025).

10. Регламент (ЕС) № 864/2007 («Рим II»). – URL: <https://base.garant.ru/2567031/> (дата обращения: 29.11.2025).

11. *Салей, Е. А.* Императивные нормы права Республики Беларусь как ограничение применения иностранного права / Е. А. Салей // Юстиция Беларуси. – 2008. – № 2. С. – 58–60.

12. Принципы, касающиеся выбора права в международных коммерческих договорах. – URL: <https://assets.hchc.net/docs/eb2202fd-47c9-4e73-ab0f-cbf2b4057d8f.pdf> (дата обращения: 29.11.2025).

13. О применении права к гражданским правоотношениям, осложненным иностранным элементом : Закон Китайской Народной Республики : принят 28.10.2010 : вст. в силу 01.04.2011 – URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/8423> (дата обращения: 29.11.2025).

Поступила в редакцию 12.12.2025 г.

Контакты: leanovich@bsu.by (Леанович Елена Борисовна)

Leanovich E. B. MANDATORY NORMS IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW: FROM STATEMENT OF THE PROBLEM TO NORMATIVE REGULATION

The article analyzes one of the most controversial mechanisms in private international law, which limits the reference to the applicable law based on conflict-of-laws rules or party autonomy. It examines the current state of doctrine and regulatory frameworks in international and national legal sources. Conclusions are drawn regarding the purpose, terminology, and optimal provisions for the mechanism of «mandatory norms in private international law» for improving the legislation of the Republic of Belarus regulating private international law relations.

Keywords: private international law, mandatory norms, conflict of laws, party autonomy, codification of private international law, draft Code of Private International Law of the Republic of Belarus.

УДК 346.7

ВИДЫ И СПОСОБЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИЙ В ПРОМЫШЛЕННОСТЬ КАК ФАКТОРЫ ДОСТИЖЕНИЯ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Н. В. Пантелеева

кандидат юридических наук, доцент
Белорусский государственный университет

Исследование посвящено анализу правового регулирования инвестиций в промышленности Республики Беларусь как стратегически важному ресурсу, направленному на модернизацию, создание новых отраслей, достижения высокотехнологического уровня и иным направлениям развития промышленности.

В этой связи рассмотрены отдельные нормативные правовые акты, на основе которых выработан ряд выводов об эффективности инвестирования в промышленность. В статье проанализированы основные аспекты правового регулирования осуществления инвестиций в промышленность, критерии деления инвестирования на виды и предпосылки к формированию способов инвестирования в промышленность.

Ключевые слова: промышленность, инвесторы, осуществление инвестиций, инвестиции, институциональная единица, производство.

Введение

Актуальность исследования вызвана тем, что эффективность правового регулирования инвестиций в промышленность представляет собой механизм, ориентированный на результат, удаленный во времени, и за счет этого аспекта неочевидный на момент его формирования. На характер и содержание правового регулирования инвестирования в промышленности влияет динамичная трансформация социально-экономических отношений, а также стремительная глобализация мировой экономики.

Поскольку вложения в области промышленности имеют непосредственное значение для ее развития и эффективности, то особого внимания заслуживает взаимообусловленность инвестирования как фактор прогресса промышленного производства и механизма осуществления инвестиций, который также подлежит соответствующей правовой регламентации, требующей постоянного развития с учетом трансформации социально-экономических отношений страны.

Так, с целью:

- активизации процесса привлечения иностранных инвестиций в Республику Беларусь;
- расширения информированности мирового сообщества об инвестиционном климате в Беларуси;
- более широкого и эффективного использования промышленного и научного потенциала Республики Беларусь в соответствии с положениями Постановления Совета Министров Республики Беларусь «Об участии Республики Беларусь в проекте «Программа содействия инвестициям для Беларуси» от 11 июня 1997 года, № 681 Организации Объединенных Наций (далее – ООН) по промышленному развитию и при содействии Министерства предпринимательства и инвестиций, участвует в проекте «Программа содействия инвестициям для Беларуси» ООН по промышленному развитию (далее – ЮНИДО).

ЮНИДО представляет собой специализированное учреждение ООН, уполномоченное содействовать промышленному развитию и международному промышленному сотрудничеству [1].

В свою очередь, услуги ЮНИДО направлены на управление промышленностью и учет статистики; содействие инвестированию и передаче технологий; повышение конкурентоспособности промышленности и развитие торговли; расширение частного сектора; развитие агропромышленного потенциала и устойчивой энергетики. Инвестиции и осуществление инвестиций в данные сферы является частью промышленной политики и имеет стратегическое значение для развития национальной экономической политики [1].

Инвестиционное законодательство Республики Беларусь представлено рядом нормативных правовых актов, ключевым из которых является Закон Республики Беларусь «Об инвестициях» от 12 июля 2013 года, № 350-З, определяющим инвестиции как имущество и иные объекты гражданских прав, принадлежащие инвестору на праве собственности, ином законном основании, позволяющем ему распоряжаться ими, вкладываемые инвестором на территории Республики Беларусь в целях получения прибыли и достижения иного значимого социально-экономического результата.

На этой основе инвестиции в промышленность – это осуществление вложения в сферу, которую представители научной школы хозяйственного права Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич определяют как «совокупность производителей и осуществляемых ими видов хозяйственной деятельности, осуществляющих производство материальных и нематериальных благ, основным видом которых являются товары в виде вещей (предназначенные для личного потребления и осуществления натурального и расширенного (товарного) производства), связанное с добычей полезных ископаемых и иных природных ресурсов, сбором вторичных ресурсов, переработкой и обработкой таких ресурсов, восстановлением и очисткой природных объектов» [2]. Данная концепция соответствует общегосударственному классификатору Республики Беларусь ОКРБ 005-2011 «Виды экономической деятельности», согласно которому промышленность охватывает следующие виды экономической деятельности: горнодобывающая промышленность; обрабатывающая промышленность; снабжение электроэнергией, газом, паром, горячей водой и кондиционированным воздухом [3].

Следует отметить, что по данным официального интернет-портала Президента Республики Беларусь основными направлениями промышленности, предпочтительными для инвестирования являются машиностроительный комплекс, производство продуктов питания, напитков и табачных изделий, производство нефтепродуктов, химическая и фармацевтическая отрасли, производство электроэнергии, производство резиновых, пластмассовых изделий и строительных материалов, деревообработка, легкая промышленность [4].

На этой основе структуру инвестиций в сфере промышленности можно разделить по технологическим критериям и источникам инвестирования. К структуре инвестиций в основной капитал относятся строительно-монтажные работы; машины, оборудование, транспортные средства; прочие работы и затраты [5]. В структуру инвестиций в основной капитал в зависимости от источника инвестирования входит финансирование из: собственных средств инвестора; средств консолидированного бюджета (кредиты, займы банков); иностранных инвестиций (без кредитов (займов) иностранных банков); иных источников (портфельные инвестиции; инвестиции в ценные бумаги) [5].

Основная часть

Рентабельность инвестиций и сама специфика сферы промышленности обуславливают необходимость в большом объеме вложений инвестиций в производство. Дан-

ный фактор устанавливает определенный фискальный барьер для инвестирования в промышленность, так как инвестор должен обладать достаточно крупным объемом ресурсов. Отсюда возникает дифференциация субъекта инвестирования и необходимость в поиске методики и правовых инструментов для осуществления инвестирования при недостаточности ресурсов у одного инвестора. Решением в этой ситуации может стать объединение ресурса нескольких инвесторов или использование заемных средств банков. Инвестирование группой инвесторов представляет собой один из видов инвестирования в промышленность – коллективное инвестирование. Поскольку в рамках коллективного инвестирования каждый инвестор вносит свою долю, его также можно обозначить как доленое.

Согласно п. 290.103 Постановления Совета Министров Республики Беларусь «О введении в действие на территории Республики Беларусь международных стандартов аудиторской деятельности» от 25 мая 2020 года № 308 финансовые интересы могут быть проведены через посредника, в частности, при владении активом через коллективный механизм инвестирования. Также Постановление Совета Министров Республики Беларусь и Национального Банка Республики Беларусь «О Стратегии повышения доверия к национальной валюте до 2035 года» от 3 января 2020 года № 1/1 предусматривает, что в формировании долгосрочных источников финансирования в белорусских рублях ключевая роль отводится альтернативным формам аккумулированных средств, в том числе институту коллективного инвестирования. При этом одним из стимулов развития сферы коллективного инвестирования является предоставление стимулирующего режима налогообложения (на период не менее 5 лет) в отношении доходов по инвестиционным операциям инвестиционных фондов, а также доходов инвесторов, получаемых от участия в таких фондах. Таким образом, коллективное инвестирование является одним из элементов, составляющих государственную фискальную политику.

Представляется, что такая же концепция, применяемая к национальным инвесторам, была бы эффективной и для коллективного инвестирования группой иностранных инвесторов, в том числе в промышленность.

Полагаем, что стимулирующий и преференциальный правовые режимы в отношении коллективного инвестирования иностранными инвесторами, как и создание урегулированного нормами права механизма двойного инвестирования, состоящего из национальных и внешних инвестиционных источников, может выступать одним из эффективных способов реализации инвестиционной политики в промышленности.

В рамках индивидуального инвестирования, в отличие от коллективного в целый проект, вкладывает средства только один инвестор, либо в качестве единого инвестора выступает хозяйствующий субъект – институциональная единица в статусе юридического лица.

В свою очередь, коллективные инвестиции делятся на прямые и косвенные. Различие в методике их реализации заключается в том, что прямые инвестиции осуществляются инвестором в объект промышленности непосредственно. А косвенные – при помощи промежуточных звеньев. Косвенные инвестиции в промышленность могут быть осуществлены через посредничество, как вложение в ценные бумаги, через паевой инвестиционный фонд, биржевой инвестиционный фонд, финансирование проектов малого и среднего бизнеса при помощи интернет-платформы.

Так, к отдельной категории способов инвестирования можно отнести вложение ресурсов посредством организаций, деятельность которых связана с предоставлением услуг интернет-платформ в качестве инструмента взаимодействия потребителей и производителей товаров и услуг, инвесторов и соискателей инвестиций: краудфандинг, краудлендинг, краудинвестинг. В частности, правовое регулирование краудфандинга определено Указом Президента Республики Беларусь «О сервисах онлайн-заимствования».

ния и лизинговой деятельности» от 25 мая 2021 года, № 196. В Указе заложены основы для определения правовой природы краудфандинга, деятельности операторов краудфандинговых площадок и оформления краудфандинговых отношений [6].

Однако в силу того, что такие организации относятся банком к клиентам, работа с которыми при оценке вектора «Риск по профилю клиента» сопряжена с факторами, повышающими степень риска, осуществление инвестиций посредством таких способов в соответствии с Постановлением Правления Национального Банка Республики Беларусь «О внутреннем контроле при осуществлении банковских операций» от 24 декабря 2014 года № 818 реализуется под особым контролем на предмет безопасности привлечения инвестиций. Полагаем, что обеспечение безопасности осуществления инвестиций является одним из значимых принципов осуществления инвестиций в промышленности.

Помимо упомянутых выше к объектам инвестирования в промышленность следует отнести вложение в уставной капитал; формат лизинга; приобретение целого имущественного комплекса; строительство нового имущественного комплекса, вложения в стартап.

Поскольку в сфере промышленности высокая концентрация стратегически значимых объектов, то к отдельному способу инвестирования можно отнести инвестирование в рамках специального инвестиционного договора. Статья 25 Закона Республики Беларусь «Об инвестициях» от 12 июля 2013 года № 350-3 к обязательным условиям специального инвестиционного договора относит наименование, характеристики и ассортимент продукции, производство которой организуется. С учетом данных условий имеет значение:

- объем инвестиций в основной капитал, который планируется осуществить при организации производства продукции;

- предельный объем продукции каждого наименования, который может реализовываться посредством закупки из одного источника.

В рамках инвестиционного проекта могут быть включены требования к технологии производства продукции.

В содержание специального инвестиционного договора в промышленности к условиям непосредственного производства продукции могут быть отнесены:

- срок организации производства продукции, определяемый как период с даты вступления в силу специального инвестиционного договора по дату завершения реализации инвестиционного проекта;

- объем продукции, который будет произведен;

- порядок подтверждения качества и соответствия продукции критериям отнесения к продукции собственного производства, требованиям, предъявляемым к промышленной продукции в целях ее отнесения к продукции, произведенной на территории Республики Беларусь;

- условия о возможности и порядке привлечения для реализации инвестиционного проекта субъектов малого и среднего предпринимательства, что обусловлено процессами потребительской кооперации и осваиванием новых производств, в том числе направленных на решение задач импортозамещения.

Заключение

Осуществление инвестиций в промышленность имеет свою структуру, способы и виды с учетом специфики рассматриваемой области, определяющий состояние и направления развития инвестиционного и промышленного законодательства. Таким образом, на основе исследования правового регулирования инвестиций в промышленность

ность, их понятия, способов и видов, можно прийти к выводу, что эффективность инвестиций в промышленность обусловлена:

- их оперативной конвертацией в прибыль после их реализации. От скорости оборота капитала зависит период поступления эквивалента от вложенных средств;

- вариативностью инвестиций в промышленность, вызванной большим спектром промышленных предприятий и промышленных объектов, соответственно инвестору предоставлен широкий выбор для осуществления инвестиционной деятельности в промышленности;

- высокой рентабельностью инвестиций. Вложения в промышленность имеют высокую доходность инвестиций относительно иных сфер экономики. Более того, вложения в промышленность с перспективой высокой прибыли способствует вторичному эффекту – вложениям в социальную сферу и как результат – повышение благосостояния граждан и достижение цели устойчивого развития в сфере экономики. Соответственно инвестиции в промышленность являются экономически и социально значимыми.

Однако инвестиционный климат для вложений в промышленность непосредственно зависит от нескольких факторов:

- трансформации социально-экономических отношений страны и возможные риски вследствие изменения условий инвестирования из-за смены правового регулирования и правового режима осуществления инвестиций. Это в свою очередь требует надлежащего правового урегулирования процессов защиты инвестиций и гарантий инвесторам с учетом специфики сферы промышленности;

- состояния конкуренции и правового регулирования профилактики монополистической деятельности в выбранной отрасли промышленности, правового режима налогообложения; направлений государственной поддержки и аспектов осуществления промышленного субсидирования, уровень спроса и предложения и др.

Таким образом, инвестиции в промышленность – это осуществление вложения в отрасли промышленности, промышленное производство, иные объекты инфраструктуры промышленности, а также в деятельность производителей для создания материальных и нематериальных благ с целью получения прибыли и достижения экономического и социального эффекта.

Для эффективности инвестиции в промышленность необходимо обеспечение согласованности правового регулирования инвестиционной и промышленной политики республиканского и регионального уровней с учетом промышленной и инвестиционной ориентации субъекта промышленного производства. Достижение высокотехнологичного уровня промышленности, модернизация производства, усовершенствование продукции и иных направлений ее развития непосредственно зависит от объема и способов вложений в основной капитал.

Согласно Директиве Президента Республики Беларусь «О приоритетных направлениях экономической безопасности государства» от 14 июня 2007 года № 3 в современном мире развитие высокотехнологичных секторов экономики является необходимым, поскольку высокие технологии позволяют повышать и формировать новые конкурентные преимущества не только выпускаемой продукции, но и конкретного государства как носителя современных технологий. Назревшей необходимостью является переход к VI технологическому укладу, который будет определять конкурентоспособность товаров на мировых рынках через 10–15 лет и способствовать увеличению концентрации национальных интеллектуальных ресурсов в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских (опытно-технологических) работ, интеграции в мировые технологические переделы, росту инвестиционных потоков и валового внутреннего продукта страны.

В целом регулирование инвестиций в промышленность является сложной и многогранной системой, направленной на обеспечение национальной безопасности, стимулирование инвестиций и защиту от недобросовестной конкуренции. Эффективность сферы промышленности и в частности промышленного производства взаимообусловлена следующими процессами, связанными с осуществлением инвестиций:

- развитием отраслей промышленности непосредственно зависит от правового регулирования объемов, видов, способов и систематизации направления инвестирования;

- стремлением к расширению отраслей инвестирования в сфере промышленности с дифференциацией инвестирования в отдельные отрасли промышленности, имеющие наиболее доминирующее и, как следствие, стратегическое значение для всех отраслей промышленности;

- соблюдением равнозначной территориальной ориентации с целью минимизации территориальной неравномерности инвестирования в промышленность регионов. В этой связи целесообразно активизировать региональное участие в определении и реализации аспектов промышленной политики в сочетании с разработкой и реализацией инвестиционных проектов в промышленности;

- использованием производственных инвестиций с целью модернизации, репрофилирования, реконструкции, расширения и технического переоснащения промышленных предприятий в стадии банкротства;

- развитием правового регулирования процессов инвестирования в промышленность, направленных на реализацию мер по цифровой трансформации промышленности и ее отдельных отраслей в целях повышения оперативности и объемов производства с целью развития высокотехнологического сектора. В этой связи Постановлением Межпарламентской Ассамблеи Государств – участников Содружества Независимых Государств от 14 апреля 2023 г. № 55-9 г. Санкт-Петербург “О модельном законе «О цифровой трансформации отраслей промышленности государств – участников СНГ»” определены правовые, методологические и организационные основы цифровой трансформации отраслей промышленности государства и механизм апробирования цифровых технологий с целью существенного повышения конкурентоспособности отраслей промышленности;

- инвестированием в поступательное обновление и изменение структуры промышленного производства во всех отраслях промышленности;

- ориентированием на долгосрочные инвестиционные вложения с целью обеспечения импортозамещения и развития промышленной кооперации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Организация Объединенных Наций по промышленному развитию. – URL: [https://www.un.org/ru/ecosoc/unido/#:~:text=%D0%](https://www.un.org/ru/ecosoc/unido/#:~:text=%D0%24) (дата обращения: 01.07.2025).

2. Хозяйственное право : электронный учебно-методический комплекс для специальностей: 1-25 01 02 «Экономика», 1-96 01 02 «Экономическая безопасность» / Н. Л. Бондаренко [и др.]. – URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/310314> (дата обращения: 01.07.2025).

3. Промышленность Республики Беларусь. – URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/a9e/avze1tb6fnffyv6j3gyc6w4rs0c0q700.pdf> (дата обращения: 01.07.2025).

4. Промышленность. – URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/economics/osnovnye-otrasli/promyshlennost> (дата обращения: 01.07.2025).

5. Инвестиции в производство: виды, стратегии и способы. – URL: <https://etlend.ru/academy/investitsii-v-proizvodstvo-vidy-strategii-i-sposoby/> (дата обращения: 01.07.2025).

6. Шимкович, М. Н. Правовые основы краудфандинга в Республике Беларусь / М. Н. Шимкович. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u02300942b&q_id=2910287 (дата обращения: 01.07.2025).

Поступила в редакцию 09.07.2025 г.

Контакты: natalivik@tut.by (Пантелеева Наталья Викторовна)

Panteleeva N. V. TYPES AND METHODS OF INVESTMENT IN INDUSTRY AS FACTORS IN ACHIEVING ITS EFFECTIVENESS

The study is devoted to the analysis of the legal regulation of investment in the industry of the Republic of Belarus as a strategically important resource aimed at modernization, the creation of new industries, the achievement of a high-tech level, and other areas of industrial development. In this regard, specific regulatory legal acts have been considered, providing the basis for conclusions on the effectiveness of investment in industry. The article analyzes the main aspects of the legal regulation of industrial investment, the criteria for classifying investments, and the prerequisites for the formation of investment modalities in industry.

Keywords: industry, investors, investment implementation, investments, institutional unit, production

УДК 342.7

ГОСУДАРСТВЕННО–ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ: СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Т. Н. Кузьменкова

старший преподаватель

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

аспирант

Белорусский государственный университет

Статья посвящена анализу государственных мер противодействия угрозам, возникающим при взаимодействии личности с информационной средой, вектору их оптимизации в контексте функционирования целостного государственно-правового механизма обеспечения информационной безопасности личности. В ходе исследования сформулировано понятие и определена структура предлагаемого механизма, отражены основные направления совершенствования национального законодательства.

Ключевые слова: государственно-правовой механизм, информационная безопасность личности, кибербезопасность, национальная безопасность, права человека, правовой статус личности.

Введение

Развитие общества сопровождается появлением новых сфер, нуждающихся в правовом регулировании. Формирование наиболее оптимальных моделей такого регулирования долгий процесс, на который оказывает влияние множество факторов. Нельзя не согласиться с С. Г. Дробязко, что регулирование не может осуществляться в произвольном порядке. «Регулировать – значит упорядочивать в соответствии с объективно обусловленными потребностями» [1, с. 442]. С учетом тотальной информатизации общества на современном этапе одной из таких сфер выступает защита личности от угроз и вызовов в информационном пространстве. Она требует именно государственно-правовой регламентации, что вытекает из конституционной обязанности власти создавать гарантии реализации прав и свобод человека, а также необходимости отражения интересов государства в области производства, хранения и распространения информации в рамках обеспечения национальной безопасности.

Цель настоящего исследования – проанализировать принимаемые меры, направленные на обеспечение информационной безопасности личности, наметить вектор их развития в контексте функционирования целостного государственно-правового механизма.

Основная часть

Характер существующих угроз личности в информационном пространстве предопределяет существующие средства и методы защиты от их воздействия, ключевую роль среди которых играет государственно-правовое регулирование. основополагающее значение имеют стратегические документы: Конституция Республики Беларусь; Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, Концепция информационной безопасности Республики Беларусь, Концепция обеспечения суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития до 2030 года.

11 июля 2025 года вступила в силу Директива Президента Республики Беларусь от 9 апреля 2025 г. № 12 «О реализации основ идеологии белорусского государства», которой сформирована конкретная ценностно-мировоззренческая модель, именуемая идейной основой, состоящая из культурно-исторического, политического, экономического и социального компонентов, пронизывающих все сферы государственной и общественной жизни, в том числе область обращения информации. Применительно к сфере обеспечения информационной безопасности личности в аспекте фильтрации подаваемого контента Директива №12 предписывает субъектам реализации идеологии белорусского государства обеспечить «оценку художественной продукции, рекламы, информационного, публицистического и развлекательного контента на предмет соответствия основам идеологии белорусского государства» [2].

Более предметное регулирование обеспечения безопасности личности при ее взаимодействии с информационной средой содержится в нормативных правовых актах, непосредственно затрагивающих вопросы обращения информации: Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-3 «Об информации, информатизации и защите информации», Закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-3 «О средствах массовой информации», Закон Республики Беларусь 7 мая 2021г. №99-3 «О защите персональных данных», Закон Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-3 «О рекламе», Положение о порядке и сроках реагирования на общественно значимую информацию, утвержденное Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 30 декабря 2024 г. № 1039 и других актах законодательства. Ответственность за нарушение законодательства, направленного на обеспечение информационной безопасности личности, отражена в нормах Уголовного Кодекса Республики Беларусь и Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях путем закрепления соответствующих составов правонарушений.

В целях реализации принятых в государстве норм созданы институциональные гарантии – совокупность соответствующих органов, учреждений, организаций, в том числе Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь (далее ОАЦ), аттестованные центры кибербезопасности, Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь, Министерство связи и информатизации Республики Беларусь, Министерство информации Республики Беларусь.

Вместе с тем несмотря на принятые в государстве меры, направленные на обеспечение информационной безопасности, отсутствует общая стратегия обеспечения именно безопасности личности в информационном пространстве, эти вопросы во многом урегулированы фрагментарно. «В настоящее время четко не определено, какой государственный орган и каким образом реализует функции государственного регулирования в области обеспечения информационной безопасности личности [3, с. 27].

Подобное положение вещей порождает ряд непроработанных либо проблемных с точки зрения правового регулирования моментов:

- установление четких критериев определения вредоносного (деструктивного) характера подаваемого контента, сложности в механизме реализации уже существующих норм, особенно в глобальном информационном пространстве;
- регламентация способов распространения информации, препятствующая скрытому (манипулятивному) информационному воздействию;
- сопровождение взаимодействия личности с киберпространством и искусственным интеллектом;
- появление новых схем совершения правонарушений в цифровом пространстве и отставание законодательства в контексте фиксации соответствующих запретов;
- вычленение отдельных компонентов в правовом статусе личности, нуждающихся в защите в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий (далее

ИКТ). Так, в отдельных странах уже принимаются меры, направленные на регулирование использования цифровых имитаций личности гражданина (дипфейков), созданных с помощью искусственного интеллекта [4].

Таким образом исследуемая сфера нуждается в дальнейшем развитии и совершенствовании с точки зрения государственно-правовой регламентации. При этом следует принимать во внимание следующие нюансы: информационная безопасность личности неразрывно связана с информационной безопасностью государства как компонента национальной безопасности; совершенствование должно протекать с учетом преломления сферы информационной безопасности сквозь призму правового статуса личности; многовекторность существующих угроз предопределяет и необходимость многовекторности средств, а также направлений противодействия, кроме того, принимаемые меры должны отражать и специфику отдельных субъектов защиты (например, несовершеннолетние); область обращения информации на современном этапе постоянно развивается и меняется, зависит от уровня техники и технологий, поэтому правовое регулирование взаимодействия личности с информационным пространством должно соответствовать этим изменениям и быть достаточно гибким. Наибольшую эффективность принимаемые меры будут иметь в условиях функционирования целостного государственно-правового механизма обеспечения информационной безопасности личности.

«Понятие «механизм» широко используется в теоретическом правоведении, где ему придается юридическое значение («правовой механизм»), а его содержание раскрывается как «комплекс юридических средств, последовательно организованных и действующих поэтапно по определенной нормативно заданной схеме». При этом «все элементы правового механизма находятся в логической взаимосвязи». Понятие механизма связывается также с функционированием и взаимодействием государственных институтов – «государственный механизм» [5, с. 99]. Базируясь на теоретических представлениях о сущности государственно-правового механизма в целом, можно сформулировать определение государственно-правового механизма обеспечения информационной безопасности личности. Дефиницией и последующей структурой механизма следует охватить ряд аспектов: объекты защиты, субъекты обеспечения; вызовы и угрозы, средства и способы защиты.

В юридической науке представлены различные концепции механизма обеспечения информационной безопасности в целом либо применительно к интересам личности. «А. А. Тамодлин государственно-правовой механизм обеспечения информационной безопасности личности трактует как систему нормативных, организационных элементов и процедур, гарантирующих состояние защищенности человека в информационной сфере и предоставляющих личности фактическую возможность реализовать свои информационные права и свободы» [6, с. 50].

Ю. И. Литвинова, С. В. Кисс рассматривают «механизм обеспечения информационной безопасности как регламентированную законодательством деятельность уполномоченных субъектов, направленную на охрану и защиту информационной сферы личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз и совершенствования мер информационного противодействия» [6, с. 52].

С учетом данного автором в ходе предыдущих исследований определения информационной безопасности личности, а также уже закрепленного в законодательстве определения обеспечения информационной безопасности как «системы мер правового, организационно-технического и организационно-экономического характера по выявлению угроз информационной безопасности, предотвращению их реализации, пресечению и ликвидации последствий реализации таких угроз» [7] предлагаем следующее определение государственно-правового механизма обеспечения информационной

безопасности личности: система элементов, отражающих деятельность государственных и негосударственных субъектов, последовательно организованных и функционирующих на основе официальных идеологических и нормативных правовых установок, достигнутого уровня развития ИКТ, гарантирующих состояние защищенности личности в информационной сфере.

Механизм обеспечения информационной безопасности личности сложное многокомпонентное понятие. Его составляющие представлены в большинстве теоретических исследований как комплекс организационных, правовых, технических, мер. Полагаем, что структура механизма обеспечения информационной безопасности личности должна включать следующие компоненты: теоретико-идеологический, технический, нормативный, институционально-организационный. Данная комбинация элементов позволит в наибольшей степени гарантировать предупреждение, выявление, пресечение и устранение негативных воздействий на личность в процессе ее взаимодействия с информационной средой.

Так, основу последующего нормативного правового регулирования должна составлять **теоретическая проработка** исследуемой категории. «От правильного теоретического понимания всего того, что регулируется правом и тех условий, в которых осуществляется правовая упорядоченность поведения людей во всех областях их жизни и деятельности, непосредственно зависит эффективность правового воздействия, то есть степень его социально полезной результативности, а значит и продвижение общества по пути прогресса» [1, с. 440–441].

Поскольку теоретическая составляющая предполагает исследование отражения в праве иных социальных регуляторов (морали, религии, нравственности), взаимосвязи права с экономикой, политикой и, соответственно, поиск существующих в обществе ценностей и приоритетов развития, что нашло свое отражение в Основах идеологии белорусского государства, ее можно охарактеризовать как теоретико-идеологическую. Она является базовой в предлагаемом механизме правового регулирования, эффективность принимаемых мер будет зависеть в целом от теоретической проработки категории – информационная безопасность личности – и ее преломления сквозь призму интересов отдельных социальных групп. В рамках теоретической характеристики необходимо: обоснование информационной безопасности применительно к интересам личности, определение ее места в общей системе обеспечения национальной безопасности, а также структуре правового статуса личности; выработка определения, составляющих компонентов информационной безопасности личности, понятия и критериев деструктивного информационного воздействия. Все это ляжет в основу последующей формулировки нормативного определения информационной безопасности личности, которое, по мнению В. А. Шаршуна, «может стать той отправной точкой, от которой будет в дальнейшем происходить формирование соответствующей государственной политики» [3, с. 27].

Автором в ходе ранее проведенных исследований проанализированы обозначенные выше аспекты, сформулировано определение информационной безопасности личности, выделены составляющие данной категории, определены проявления в правовом статусе личности (право личности на безопасность в информационной сфере). Особое внимание уделено ценностно-мировоззренческой основе правового регулирования общественных отношений в области обеспечения информационной безопасности личности. Полагаем, что защита личности от угроз и вызовов в информационном пространстве, как и большинство сфер, связанных с правовым статусом личности, с учетом уже принятых учредительных и стратегических документов должна базироваться на национальной (региональной) модели прав человека.

Техническая составляющая предполагает использование физических, аппаратных, программных и математических средств, обеспечивающих безопасность человека при его взаимодействии с цифровой средой. Уровень развития технической составляющей во многом предопределяет необходимость иных средств и методов защиты, в том числе нормативных запретов и ограничений.

Анализируя национальный уровень развития технического компонента в области обеспечения информационной безопасности в целом, следует обратить внимание на недостаточную цифровую зрелость страны, что проявляется в «высокой степени использования организациями импортных аппаратных и программно-аппаратных средств, импортного ПО в цифровой инфраструктуре, нелегального ПО, отсутствии понимания всех преимуществ и недостатков при переходе на свободное ПО» [8].

В мировой практике актуальным по-прежнему остается развитие в векторе усиления национального контроля за технической составляющей распространения информации в цифровой среде: Великий китайский файрвол (система контроля за интернетом), многофункциональный сервис обмена информацией в Российской Федерации. Для Республики Беларусь в пределах существующих возможностей развитие может идти по следующим направлениям: создание национального мессенджера, совершенствование программных и программно-аппаратных средств защиты, позволяющих не допустить распространение нежелательной информации, развитие национальных устройств для хранения и передачи информации, в том числе производство национального смартфона, отечественные платформы и приложения.

Нормативный компонент механизма обеспечения информационной безопасности личности представляет собой: *во-первых*, нормативно-правовую фиксацию теоретико-идеологической составляющей. По предложению В. А. Шаршуна, «в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь целесообразно закрепить определение термина «информационная безопасность личности, а также определить правовые основы ее обеспечения, которые в последующем должны быть детализированы в иных нормативных правовых актах» [3, с. 29]. Полагаем, что помимо определения информационной безопасности личности подлежит отражению в законодательстве, регулирующем область распространения информации, в последующем – в Информационном кодексе, следующая теоретическая конструкция: право личности на безопасность в информационной сфере и его составляющие: право на защиту от деструктивного информационного воздействия, право на кибербезопасность, право на защиту персональных данных. Также подлежит нормативной фиксации основа правового регулирования общественных отношений в сфере обеспечения безопасности при взаимодействии личности с информационным пространством – национальная модель прав человека. Наиболее приемлемой с учетом уже проходящих в ряде сфер интеграционных процессов, общности исторических, идеологических, религиозных, геополитических факторов, а также с учетом закрепления принадлежности белорусов к восточнославянской цивилизации в Основах идеологии белорусского государства, является разработка Концепции прав человека Союзного государства России и Беларуси. Данный документ должен стать юридическим отражением региональной модели прав человека, как совокупности официальных взглядов на идею прав человека, характеризующих специфику региона с учетом его исторических, ценностно-мировоззренческих, идеологических особенностей, национальных интересов государств-членов, и тем самым определяющих вектор развития сферы прав человека (в том числе права на безопасность в информационной сфере) и его реализацию в законодательстве союзных государств.

Во-вторых, отражение технической составляющей, поскольку правовое регулирование в определенной степени предопределяется техническим развитием и техни-

ческими возможностями по обеспечению безопасности личности в информационном пространстве.

В-третьих, формирование на основе теоретико-идеологического и технического компонентов позитивного регулирования определенных комплексов общественных отношений, а также непосредственных запретов и ограничений. Так, нуждается в совершенствовании правовая регламентация сферы взаимодействия личности с киберпространством. «В действующей нормативной базе отсутствуют четкие определения таких распространенных явлений, как троллинг, кибербуллинг, хэппислепинг, киберсталкинг, преследование в виртуальном пространстве и другие, а также не указаны правовые способы защиты от них» [3, с. 29].

В-четвертых, нормативная составляющая определяет организационно-институциональный компонент с учетом целей и задач разрабатываемого государственно-правового механизма, посредством фиксации правового статуса субъектов обеспечения информационной безопасности личности.

Организационно-институциональный компонент предполагает деятельность прежде всего государственных институтов, для которых соответствующая функция является основной, а также тех, для которых функция обеспечения информационной безопасности реализуется в случае возникновения соответствующих угроз охраняемым интересам личности, и деятельность иных субъектов, что в совокупности должно обеспечивать прогнозирование, выявление внутренних и внешних угроз безопасности личности в информационном пространстве, их нейтрализацию, ослабление фактора угроз, устранение последствий негативного воздействия.

Определение конкретного перечня субъектов, вовлеченных в процесс обеспечения информационной безопасности личности, их функций, задач, определение органа, координирующего их деятельности, выступает актуальным направлением юридической науки, поскольку на сегодняшний день функция обеспечения информационной безопасности рассредоточена по различным структурам. По мнению отдельных исследователей, полномочия государственного регулирования в области обеспечения информационной безопасности личности «могут быть возложены на Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь или Национальный центр защиты персональных данных Республики Беларусь» [3, с. 28].

Если обратиться к опыту зарубежных государств, где сфера информационной безопасности является одной из ключевых в общей системе обеспечения национальной безопасности (например, Китай), следует отметить, что функция обеспечения информационной безопасности также рассредоточена по различным органам, организациям и иным субъектам, однако есть единая координирующая структура (Коммунистическая партия Китая), акцент в общей системе сделан именно на фильтрации контента (в первую очередь в соответствии с политическими установками) [9].

Полагаем, что в Республике Беларусь с учетом принятых в области обеспечения информационной безопасности нормативных правовых актов, основ идеологии белорусского государства, имеющихся теоретических разработок необходимо на уровне отдельного закона закрепить определение информационной безопасности личности, ее проявления в правовом статусе личности, установить более четкие критерии фильтрации контента, допустимости способов распространения информации, закрепить перечень субъектов, осуществляющих деятельность, направленную на обеспечение информационной безопасности личности, и определить структуру (наиболее оптимальным будет ее создание при ОАЦ), координирующую их деятельность. Поэтому до принятия и вступления в силу Информационного кодекса, считаем целесообразным разработку закона «Об информационной безопасности личности», где следует предметно отразить описанные в исследовании аспекты.

Заклучение

Происходящие изменения и усложнения информационных отношений неминуемо сопряжены с появлением новых угроз. С учетом специфики информационной сферы наиболее действенными средствами их нивелирования выступают государственно-правовые средства защиты, а именно государственно-правовой механизм обеспечения информационной безопасности личности.

Его эффективное функционирование предполагает координацию различных правовых и организационных форм деятельности, в связи с чем наиболее оптимальной видится структура, включающая: теоретико-идеологический, технический, нормативный и организационно-институциональный компоненты.

При функционировании механизма должна обеспечиваться оптимизация законодательства под нужды информационного общества, когда с одной стороны обеспечивается право на получение информации, свобода слова и свобода самовыражения, с другой – информационная безопасность личности, общества и государства.

С учетом важности сферы безопасности личности в информационном пространстве в общей системе обеспечения национальной безопасности, она должна быть регламентирована отдельным нормативным правовым актом – законом «Об информационной безопасности личности».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Дробязко, С. Г.* Избранные труды / С. Г. Дробязко. – Мн. : ЮрСпектр, 2022. – 656 с.
2. О реализации основ идеологии белорусского государства : Директива Президента Респ. Беларусь от 9 апр. 2025 г. № 12 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.07.2025).
3. *Шаршун, В. А.* О некоторых вопросах правового регулирования обеспечения информационной безопасности личности / В. А. Шаршун // Информационная безопасность личности и государства в современном международном праве : материалы круглого стола каф. гос.упр. юрид. фак. Белорус. гос. ун-та, Минск, 12 апр. 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. С. Михайловский (гл. ред.), Е. Ф. Довгань, Н. О. Мороз. – Мн. : БГУ, 2022. – 298 с. – С. 23–30.
4. Дания собирается бороться с дипфейками, предоставив гражданам авторские права на собственный образ и голос : источник: Общенациональное телевидение – URL: <https://ont.by/news/daniya-sobiraetsya-borotsya-s-dipfejkami-predostaviv-grazhdanam-avtorskie-prava-na-sobstvennyye-obraz-i-golos> – (дата обращения: 19.07.2025).
5. *Удычак, Ф. Н.* Государственно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности: структурно-функциональный анализ / Ф. Н. Удычак // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2010. – № 3. – С. 96–101. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvenno-pravovoy-mehanizm-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnosti-strukturno-funksionalnyy-analiz/viewer> (дата обращения: 19.06.2025).
6. *Литвинова, Ю. И.* Механизм обеспечения информационной безопасности государства: теоретико-методологические основы / Ю. И. Литвинова, С. В. Кисс // Юристы-Правоведы. – 2020. – № 2 (93). – С. 48–52. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mehanizm-obespecheniya-informatsionnoy-bezopasnosti-gosudarstva-teoretiko-metodologicheskie-osnovy/viewer> (дата обращения: 19.06.2025).
7. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь: Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь от 18.03.2019 № 1 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.06.2025).
8. О Концепции обеспечения суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития до 2030 года: Постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 31 декабря 2024 г. № 1074 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.04.2025).
9. *Ромашина, Н.* Эволюция политики КНР в области информационной безопасности / Н. Ромашкина, В. Задремайлова // Пути к миру и безопасности. – 2020. – № 1 (58). – С. 122–138. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-politiki-kr-v-oblasti-informatsionnoy-bezopasnosti/viewer> (дата обращения: 19.06.2025).

Поступила в редакцию 29.09.2025 г.

Контакты: kuzmenkova@m.msu.by (Кузьменкова Татьяна Николаевна)

Kuzmenkova T. N. STATE-LEGAL MECHANISM FOR ENSURING PERSONAL INFORMATION SECURITY: STATUS AND DIRECTIONS FOR IMPROVEMENT

The article is devoted to the analysis of state measures to counter threats arising from the interaction between the individual and the information environment, as well as the vector of their optimization in the context of the functioning of a holistic state-legal mechanism for ensuring the information security of the individual. The study formulates the concept and defines the structure of the proposed mechanism, reflecting the main directions for improving national legislation.

Keywords: state-legal mechanism, personal information security, cybersecurity, national security, human rights, legal status of the individual.

УДК 347.615

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТНОШЕНИЙ СУПРУГОВ И БЫВШИХ СУПРУГОВ ПО МАТЕРИАЛЬНОМУ СОДЕРЖАНИЮ В БЕЛАРУСИ И СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

С. Н. Ховратова

старший преподаватель

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Правоотношения супругов и бывших супругов по материальному содержанию является одной из ключевых проблем современного семейного права. Статья посвящена правовому регулированию алиментных обязательств данных субъектов семейных правоотношений. В ней определена правовая природа материальной поддержки супругов. В рамках данного исследования раскрыты проблемы предоставления алиментов супругам и бывшим супругам на территории Республики Беларусь и в странах ближнего зарубежья.

Ключевые слова: алименты, материальная поддержка, право на содержание, предоставление содержания, супруги и бывшие супруги.

Введение

Супружеские отношения имеют существенное и определяющее значение не только для каждой конкретной семьи, но и для общества в целом, поэтому одной из основных задач государства является обеспечение правового регулирования указанных отношений.

Разница между семейными и другими отношениями заключается в том, что их невозможно полностью регулировать с помощью права. Такое регулирование осуществляется только частично. В своей обыденной жизнедеятельности члены семьи помимо норм права, часто руководствуются нормами морали. Их поведение, прежде всего, обусловлено воспитанием, мировоззрением, нравственным и духовным развитием [1, с. 263].

Одной из сфер, в которой возможно правовое регулирование в полном объеме, являются алиментные обязательства супругов и бывших супругов. Эти правоотношения регулируются законом и направлены на обеспечение материальной поддержки в случаях, когда одна из сторон оказывается нуждающейся.

Круг лиц, имеющих право на алименты, а также лица, которые обязаны их уплачивать, сроки выплаты алиментов, размер алиментов и другие отношения, связанные с установлением и исполнением алиментных обязательств, регулируются нормами действующего международного права и национального законодательства.

Актуальность исследования обусловлена значимостью института семьи в современном обществе и необходимостью совершенствования сферы правовой регламентации и создания условий, необходимых для ощущения стабильности брака и семьи, благополучия ее нетрудоспособных членов и лиц, занятых уходом за малолетними детьми и детьми-инвалидами.

С учетом указанного целью настоящего исследования является проведение сравнительно-правового анализа правовой регламентации алиментного обязательства супругов и бывших супругов в Беларуси и странах ближнего зарубежья.

Основная часть

В современном мире увеличивается количество смешанных браков, заключенных между гражданами разных государств, что, в свою очередь, создает условия для применения норм как внутригосударственного, так и международного характера.

Согласно данным Национального статистического комитета Республики Беларусь в 2022–2025 годах на территории государства гражданами Беларуси были заключены браки с женщинами и мужчинами из Российской Федерации, Украины, Литвы, Латвии, Казахстана, Израиля, Турции и других стран.

Следует отметить, что наличие иностранного элемента в частном правоотношении супругов является неотъемлемым основанием для постановки вопроса о юридической коллизии: какой конкретный правопорядок будет применяться к личным неимущественным и имущественным правоотношениям супругов. Таким образом, смешанный брак требует особого регулирования, что касается и вопросов предоставления содержания супругам.

Важность данной проблемы подтверждается существованием достаточного количества международных актов, регулирующих семейные отношения, в том числе и алиментные обязательства.

Так, 23 ноября 2007 года в рамках Гаагской конференции по международному частному праву была принята Гаагская конвенция о международном порядке взыскания алиментов на детей и других форм семейного содержания (далее – Конвенция 2007 года). Главной причиной принятия Конвенции 2007 года стала необходимость модернизации международных норм, которые регулировали алиментные обязательства. Конечным результатом принятия стала замена устаревших конвенций, действовавших ранее в этой области: Гаагской конвенции 1973 года и Конвенции ООН 1956 года о признании и приведении в исполнение решений, касающихся алиментных обязательств по содержанию детей. Конвенция 2007 года регулирует вопросы, касающиеся порядка взыскания алиментов на территории различных государств посредством применения механизмов организационного межгосударственного взаимодействия.

Статьей 2 Конвенции 2007 года определены следующие цели: «обеспечение эффективного международного порядка взыскания алиментов на детей и других форм содержания семьи, в частности путем: создания универсальной системы взаимодействия между национальными органами договаривающихся государств; обеспечения доступности заявлений о принятии решений по алиментам; обеспечения признания и исполнения решений по алиментам; определения эффективных мер по немедленному исполнению решений по алиментам» [2].

Конвенция 2007 года применяется к алиментным обязательствам, возникающим между родителями и детьми старше 21 года, а также между супругами (ст. 2). Кроме того, данный документ обязывает государства-участники принимать меры, направленные на обеспечение выполнения решений, таких как арест банковских счетов, удержание заработной платы, залог, принудительная продажа имущества и другие меры (ст. 34).

Однако не все страны ближнего зарубежья поддержали данную Конвенцию 2007 года. В частности, она была ратифицирована Республикой Беларусь, Казахстаном, Кыргызстаном, Республикой Украина. Это позволяет им решать ряд практических проблем, связанных с взысканием алиментов с граждан, находящихся за пределами территорий, вышеуказанных государств. В то же время Российская Федерация данную конвенцию не подписала.

Еще одним актом, регулирующим в том числе и алиментные отношения, является Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. Данный международный документ подписан 22 января 1993 года в г. Минске и ратифицирован всеми государствами-участниками СНГ. В Конвенции уста-

новлено, что решения судов государств-участников Договора признаются в остальных государствах, подписавших договор, и рассматриваются в целях обеспечения их исполнения (ст. 54).

Как уже отмечалось, алиментные обязательства регулируются не только нормами международных актов, но и законами отдельных взятых государств. В Республике Беларусь основы семейного строительства и отношений супругов закреплены в ст. 32 Конституции Республики Беларусь, которая определяет, что брак как союз женщины и мужчины, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства [3].

В последующем конституционные принципы получили развитие в иных нормативных правовых актах. «Сердцем» регламентации отношений между супругами (как личных неимущественных, так и имущественных) является Кодекс о браке и семье Республики Беларусь от 9 июля 1999 года (далее – КоБС). Глава 14 КоБС предусматривает основания возникновения алиментных обязательств супругов и бывших супругов. А в главе 17 рассматривается порядок уплаты и взыскания алиментов.

Согласно ст. 29 КоБС требовать от другого супруга предоставления алиментов в судебном порядке имеют право лица, нуждающиеся в материальной помощи:

- жена в период беременности;
- супруг, осуществляющий уход за общим ребенком до достижения им трех лет, общим ребенком-инвалидом до достижения им восемнадцати лет, общим нетрудоспособным совершеннолетним ребенком;
- нетрудоспособный супруг [4].

Помимо предоставления содержания в период брака, белорусский законодатель предусматривает возможность материальной поддержки бывших супругов после расторжения брака в случаях, предусмотренных ст. 30 КоБС:

- супруги состояли длительное время (не менее десяти лет) в браке и супруг достиг пенсионного возраста не позднее пяти лет со дня расторжения брака;
- до достижения общим ребенком трех лет, если он (она) осуществляет уход за этим ребенком;
- до достижения общим ребенком-инвалидом восемнадцати лет, если он (она) осуществляет уход за этим ребенком;
- на время осуществления ухода за общим нетрудоспособным совершеннолетним ребенком;
- в период беременности, если беременность наступила до расторжения брака.

Также КоБС позволяет супругам и бывшим супругам предусмотреть договорное регулирование отношений по предоставлению содержания в брачном договоре. Общие нормы о регулировании договорных отношений будут исходить из Гражданского кодекса Республики Беларусь.

Не менее важным источником информации по вопросам правовой регламентации алиментных отношений являются Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, в частности, Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» от 22 декабря 2022 г. № 7 (далее – Постановление № 7).

В п. 8 Постановления № 7 внимание судов обращается на то, что при рассмотрении дел о расторжении брака суд обязан разрешить спор о взыскании средств на содержание другого супруга, если требования об этом заявлены в установленном законом порядке. При наличии таких требований суду следует выяснять, в частности, заключен ли между супругами брачный договор (статья 13 КоБС), и при разрешении соответствующего спора исходить из его условий, если они не нарушают права и законные интересы других лиц и не противоречат требованиям законодательства [5].

Здесь следует отметить, что КоБС не предусматривает нормы, определяющие размер содержания в брачном договоре. Считаю, необходимо конкретизировать минимальный размер такого содержания, что впоследствии даст возможность супругам отступить от законного порядка. Целесообразно было бы дополнить ч. 1 ст. 31 КоБС словами «но не менее двух базовых величин, установленных на момент выплаты».

Помимо судебного разрешения споров, возникающих в связи с вопросом предоставления материального содержания супругу (бывшему супругу), законодательством Республики Беларусь также предусмотрена возможность применения медиации в семейных отношениях. Такой подход позволяет, не обостряя отношения между конфликтующими лицами и в кратчайшие сроки без лишних издержек разрешить возникшую проблемную ситуацию.

Правовые отношения по материальному содержанию супругов (бывших супругов) регулируются в Казахстане Кодексом Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье от 26 декабря 2011 года как в период брака, так и после расторжения брака [6].

Интересным представляется регулирование правоотношений по предоставлению содержания в Украине. В отличие от Республики Беларусь, Российской Федерации, в Украине законодателем закреплено право на содержание женщины и мужчины, проживающих одной семьей без регистрации брака.

Согласно части 2 ст. 21 Семейного кодекса Украины (далее – СК Украины), проживание одной семьей женщины и мужчины без регистрации брака не является основанием для возникновения у них прав и обязанностей супругов [7]. В то же время в ст. 91 СК Украины установлено, что, если женщина и мужчина не состояли в браке между собой, однако длительное время проживали одной семьей, то тот из них, кто стал нетрудоспособным во время совместного проживания, имеет право на содержание, в том числе в случае проживания с ней (с ним) их общего ребенка.

В Российской Федерации основания возникновения алиментных обязательств нашли нормативное закрепление в ст. ст. 80, 85–90, 93–97 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК Российской Федерации), предусматривающих обязанности (в том числе супругов) по взаимному содержанию [8].

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 года № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» даны разъяснения о необходимости установить наличие оснований, по которым один из супругов обязан содержать другого при расторжении брака [9].

В современной научной литературе представляет интерес мнение О. Низамиевой, которая считает, что брачный договор дает возможность самим супругам решить вопрос об основах взаимного содержания и не ставить его в зависимость от оснований, предусмотренных семейным законом для алиментирования супругов и бывших супругов (например, при нетрудоспособности) [10, с. 18].

Следует также помнить о том, что прекращение алиментных обязательств не всегда свидетельствует о том, что право на получение содержания утрачено. Существует высокая вероятность возникновения новых алиментных обязательств, в том числе между теми же гражданами. К примеру, окончание срока действия алиментного соглашения, равно как и прекращение обязательства по основаниям, предусмотренным таким соглашением, далеко не во всех случаях подразумевает прекращение права на получение содержания. При определенных обстоятельствах может быть предоставлено содержание и в отсутствие алиментного обязательства: при заключении нового соглашения о выплате алиментов или их взыскание будет осуществлено на основании судебного решения [11, с. 31].

Обобщая вышесказанное, стоит подчеркнуть, что алиментные обязательства играют важную роль в обеспечении социальной защиты супругов, а их правовое регули-

рование является необходимым элементом семейного права. Однако, несмотря на активное стремление к совершенствованию, законодатель никогда не сможет «поставить точку» в разрешении проблем правового регулирования отношений супругов и бывших супругов по предоставлению материального содержания. Данный вывод обусловлен тем, что сами эти отношения постоянно развиваются, следовательно, появляются новые проблемы и предлагаются пути их решения. Потому дискуссии здесь будут продолжаться, что само по себе не свидетельствует об отсутствии преемственности в регулировании данных правоотношений.

Заключение

Подводя итог, необходимо обратить внимание и на дуализм природы алиментного обязательства: с одной стороны, оно является сугубо имущественным – то есть обуславливает обязанность предоставления имущества конкретному лицу, однако, с другой – характеризуется личным характером правоотношений и тесной связью с морально-нравственными нормами, принятыми в конкретном обществе. В качестве причины частых противоречий моральных и правовых норм может рассматриваться некая формальная стандартизация права, которая не всегда позволяет распространять его на многие жизненные обстоятельства, хотя с точки зрения морали является необходимым. Бывает и обратная ситуация, право регулирует общественное отношение, не требующее регуляции в понимании моральных ценностей.

Следует также отметить, что в настоящее время существует теоретическая проблема целесообразности использования термина «обязательство» применительно к алиментным правоотношениям. В результате предпринятого теоретического анализа можно заключить, что несмотря на наличие у алиментных правоотношений целого ряда особенностей, которые отличают их от гражданских обязательств, представляется вполне оправданным употребление вышеуказанного определения в сфере данных правоотношений. Понятие «обязательство» ориентирует ученых, практиков, органы правопорядка на использование конкретной юридической модели, являющейся пригодной для правоприменительной деятельности. Более того, в отличие от понятия «обязанность», применение термина «обязательство» предоставляет возможность учитывать, что субъективной алиментной обязанности одного гражданина корреспондирует соответствующее субъективное право другого – право истребовать от обязанного субъекта предоставления средств на содержание.

В семейном законодательстве Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины, как и в других законодательных актах, отсутствует легальная дефиниция алиментного обязательства. Полагаем, что для разрешения указанной проблемы требуется закрепление понятия «алиментное обязательство» в национальном законодательстве.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Андрияшко, М. В.* Институт семьи как основа государственной семейной политики Республики Беларусь / М. В. Андрияшко // Актуальные проблемы государства и права. – 2022. – № 23. – С. 261–268.
2. Конвенция о международном порядке взыскания алиментов на детей и иных форм содержания семьи : принята в г. Гааге 23 нояб. 2007 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения 07.10.2025).
3. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. – Мн. : Нац. центр законодательства и правовой информ. Респ. Беларусь, 2025. – 77 с.
4. Кодекс о браке и семье Республики Беларусь : 09 июля 1999 г. № 278-3 : принят Палатой представителей 03 июня 1999 г.: одобрен Советом Республики 24 июня 1999 г. : в ред. Закон Республики Беларусь от 8 июля 2024 г. № 26-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения 07.10.2025).

5. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака : Постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь от 22 дек. 2022 г. № 7 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 07.10.2025).

6. Кодекс Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье : 26 дек. 2011, № 518-IV : в ред. Закона Республики Казахстане от 17.07.2025 г., № 213-VIII. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1100000518>. (дата обращения: 07.10.2025).

7. Семейный кодекс Украины : 10 янв. 2002, № 2947-III : в ред. Закона Украины от 21.08.2025 г., № 4574-IX. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30418309&pos=6;-106#pos=6;-106. (дата обращения: 07.10.2025).

8. Семейный кодекс Российской Федерации : 29 дек. 1995 № 223-ФЗ : принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г. : одобр. Советом Федерации 29 дек. 1995 г. : в ред. Федер. закона от 23 нояб. 2024 г. № 405-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 01.10.2025).

9. О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, 05 нояб. 1998 г., № 15 : с изм. и доп. Постановления Пленума Верхов. Суда Российской Федерации от 06 фев. 2006 г. № 6 // КонсультантПлюс. Россия : справ. правовая система (дата обращения: 07.10.2025).

10. **Низамиева, О. Н.** Договорное регулирование имущественных отношений супругов : автореф. дис... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Низамиева Ольга Николаевна ; Казанский гос. ун-т. – Казань, 1999. – 24 с.

11. **Данилян, М. А.** Понятие, структура и содержание алиментного обязательства по законодательству Российской Федерации в сравнении с законодательством некоторых зарубежных стран / М. А. Данилян // Современное право. – 2012. – № 7. – С. 31–35.

Поступила в редакцию 09.01.2026 г.

Контакты: hovratova@m.msu.by (Ховратова Светлана Николаевна)

Khovratova S. N. LEGAL REGULATION OF SPOUSAL AND FORMER SPOUSAL MAINTENANCE RELATIONS IN BELARUS AND NEIGHBORING COUNTRIES

The legal relationship between spouses and former spouses regarding financial maintenance is one of the key issues in modern family law. The article is devoted to the legal regulation of the alimony obligations of these subjects of family relations. It defines the legal nature of material support for spouses. Within the framework of this study, the problems of providing alimony to spouses and former spouses in the Republic of Belarus and in neighboring countries are examined.

Keywords: alimony, financial support, right to maintenance, provision of maintenance, spouses and former spouses.

УДК 347.9

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПАРТИСИПАТИВНОЙ ПРОЦЕДУРЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

А. А. Маслакова

преподаватель кафедры правовых дисциплин факультета повышения квалификации и переподготовки кадров

Могилевский институт МВД Республики Беларусь

В статье рассматривается зарубежный опыт использования такого альтернативного метода урегулирования юридических конфликтов как партисипативная процедура. В Республике Беларусь отсутствуют научные труды ученых-процессуалистов, исследующих особенности применения института партисипативной процедуры в гражданском процессе. В статье анализируется опыт применения в гражданском процессе партисипативной процедуры в таких странах, как Франция и Казахстан. Изучение опыта этих стран позволит разрешить проблемные аспекты в связи с внедрением партисипативной процедуры в нашей стране.

Ключевые слова: альтернативное урегулирование спора, партисипативная процедура, правовой конфликт, переговоры сторон, адвокаты, примирительная процедура, представительство.

Введение

В настоящее время во всем мире все больше внимания со стороны как ученых, так и практикующих юристов уделяется альтернативным методам урегулирования юридических конфликтов (на Западе зачастую используется аббревиатура ADR – Alternative Dispute Resolution). Благодаря альтернативным способам урегулирования юридических споров можно успешно разрешать конфликты, вытекающие из различных сфер гражданских правоотношений: экономических, семейных, трудовых и др. Широкому распространению такого рода примирительных процедур способствует:

- конфиденциальность процедуры;
- снижение затрат, связанных с производством по делу;
- больший контроль над процедурой примирения со стороны заинтересованных лиц.

С 2026 года в Беларуси начнет действовать Кодекс гражданского судопроизводства, одной из новаций которого является закрепление на законодательном уровне новой для Республики Беларусь примирительной процедуры – переговоров сторон при содействии их адвокатов (партисипативная процедура). Таким образом, расширяется видовое разнообразие допустимых в отечественном судопроизводстве форм примирения сторон по делу. Одной из причин включения данной процедуры в законодательство Республики Беларусь является чрезмерная нагрузка на судей в нашей стране (так, по данным на первый квартал 2024 года, на одного судью по гражданским делам в Могилевской области приходится 68 гражданских дел [1]), а также успешным опытом применения партисипативной процедуры за рубежом. Адвокат как профессиональный представитель стороны по делу обладает достаточным объемом навыков, знаний и квалификации, необходимыми для успешного рассмотрения дела в суде. Фактически, внедрение в законодательство института переговоров сторон при содействии их адвокатов позволит рассматривать гражданские дела без непосредственного вмешательства суда как органа государственной власти, но при этом быстро, качественно и профессио-

нально. Отметим, что в порядке партисипативной процедуры могут рассматриваться любые дела, кроме дел, возникающих из публично-правовых отношений, при этом ходатайство об урегулировании спора в порядке партисипативной процедуры может быть рассмотрено на любой стадии процесса вплоть до удаления судьи в совещательную комнату [2].

Особенностью партисипативной процедуры является то, что ключевая роль при ее проведении принадлежит адвокатам. Именно от их профессионализма, навыков организации процесса переговоров зависит успех всей партисипативной процедуры. Деятельность адвоката по участию в партисипативной процедуре в качестве представителя заключается в ведении переговоров от имени доверителя, консультировании доверителя по возникающим в процессе переговоров правовым вопросам, составлении или рассмотрении проекта партисипативного соглашения.

Вместе с тем множество вопросов о проведении переговоров сторон при содействии их адвокатов в нашей стране еще требуют нормативного регулирования. В частности, в Республике Беларусь не разработаны методические рекомендации по проведению такого рода примирительной процедуры, нет определения понятия «партисипативное соглашение», не закреплены права и обязанности сторон партисипативной процедуры, не определены размер вознаграждения адвоката как примирителя, существенные условия договора о проведении переговоров сторон при содействии их адвокатов и много других вопросов, которые требуют четкого ответа и закрепления в законодательстве. В связи с этим возникает необходимость обращения к зарубежному опыту использования партисипативной процедуры, что позволит успешно интегрировать ее в гражданское процессуальное законодательство.

Основная часть

Разрешение актуальных проблем теории и практики применения партисипативной процедуры в судопроизводстве Республики Беларусь возможно путем анализа опыта зарубежных стран. В рамках статьи детально остановимся на порядке использования партисипативной процедуры во Французской Республике и в Республике Казахстан. Изучение опыта данных стран даст возможность выявить особенности, которые могут быть реализованы в нашем государстве.

Впервые институт партисипативной процедуры нашел свое отражение в законодательстве Французской Республики. В этой стране урегулирование гражданского спора может быть реализовано не только посредством судебных разбирательств, но и при помощи ADR. Альтернативные процедуры разрешения споров признаны как согласованные средства урегулирования конфликтов по большинству вопросов (за исключением трудовых споров). Важно отметить, во французском гражданском процессуальном законодательстве примирительным процедурам отводится особое место. Так, среди основополагающих принципов процессуального права Французской Республики выделяется принцип, устанавливающий то, что содействие примирению сторон является обязанностью суда [3, с. 108]. Это положение закреплено в статье 21 ч. 1 «Предварительные положения» кн. 1 «Положения, общие для всех судов» Гражданского процессуального кодекса Французской Республики.

Партисипативная процедура («participative») переводится с французского языка как «участвующий, могущий участвовать») как вид примирительной процедуры используется во Франции с 2011 года. Правовому регулированию данной процедуры посвящены статьи 2062–2068 Гражданского кодекса Французской Республики (далее – ГК ФР), а также часть II книги V ГК ФР. Статья 2062 ГК ФР дает следующее определение понятия «партисипативная процедура»: «Это соглашение, по которому стороны в споре

обязуются совместно и добросовестно работать над мирным разрешением своего спора или досудебным урегулированием своего спора» [4]. Суть процедуры заключается в проведении сторонами переговоров без участия третьих лиц, но при содействии их адвокатов. Конечной целью таких переговоров является мирное урегулирование конфликта без участия суда как органа государственной власти. По сути, партисипативное соглашение является обязывающим, в соответствии с ним стороны возлагают на себя обязанность по приложению всех возможных усилий для достижения урегулирования спора мирным путем. В период действия партисипативного соглашения стороны обязуются не обращаться в суд за разрешением дела в судебном порядке. Согласно статье 2065 ГК ФР при заключении такого соглашения роль судьи сводится к обеспечению надлежащего исполнения соглашения, утверждению договора, если этого хотят стороны и вмешательство в ситуации, требующих срочности [4].

Французское законодательство выделяет существенные условия соглашения о проведении партисипативной процедуры (статья 2063 ГК ФР):

- 1) условие о сроке проведения;
- 2) предмет спора;
- 3) документы и информация, необходимые для разрешения спора или досудебного урегулирования спора, и условия их обмена [4].

В соглашении также может указываться решение вопроса о распределении расходов, возникающих при рассмотрении спорного правоотношения. Если этот момент не прописывается в договоре, то расходы распределяются пополам между сторонами спорного правоотношения [4].

Партисипативная процедура во Франции условно делится на 2 этапа:

1. Конвенционная процедура (ст. 1544-1551-1 ГК ФР). На этом этапе стороны сами определяют наиболее приемлемый для себя способ урегулирования спора и заключают соглашение о проведении процедуры. При этом происходит приостановление срока исковой давности. В ходе процедуры судебного разбирательства, принимая во внимание достигнутые в ходе конвенционной процедуры результаты, стороны могут:

- направить в суд на утверждение достигнутое между сторонами соглашение по урегулированию спора (положительный результат);
- при недостижении соглашения обратиться за разрешением спора к суду [5].

2. Судебное разбирательство (статьи 1558-1564 ГК ФР). Применяется, когда стороны не смогли договориться о приемлемом для обеих сторон решении конфликта. Они передают дело в суд и тот выносит обязательное для сторон решение. При этом допускается не соблюдение правила предварительного (досудебного) примирения (ст. 2066) [5]. Французские юристы отмечают, что конвенционную стадию допустимо рассматривать как подготовку дела к гражданскому разбирательству в суде, позволяющую впоследствии ускорить рассмотрение дела судом. Следует отметить, что обратиться к партисипативной процедуре возможно только до передачи дела на рассмотрение суда [5].

В Гражданском процессуальном кодексе Французской Республики большое внимание уделяется вопросу назначения специалиста по делу (его привлекают в тех случаях, когда стороны договорятся о необходимости его участия в деле). Специалист выполняет свою работу в соответствии с принципами добросовестности, беспристрастности, состязательности (ст. 1549) [5]. Все его действия имеют юридическое значение. По окончании работы составляется отчет, который затем передается сторонам для ознакомления. Такой отчет может быть представлен в суде [5].

Партисипативная процедура заканчивается в следующих случаях:

- 1) досрочное расторжение соглашения;
- 2) истек срок действия соглашения;

3) достигнуто соглашение о прекращении спора;

4) стороны не смогли договориться по существу спора и далее рассматривать дело будет суд [6, с. 72].

Таким образом, во французском процессуальном законодательстве прослеживается концепция разрешения юридических конфликтов на основе взаимного сотрудничества, а применение внесудебных примирительных процедур, в т. ч. партисипативной процедуры, позволяет сократить сроки рассмотрения дел судами и, как следствие, уменьшить расходы на судебную систему. Французское законодательство закрепляет основные правила проведения процедуры, четко прописывает процессуальное положение специалиста, дает ответ на вопрос о возмещении сторонами расходов по делу.

Обратимся к опыту применения партисипативной процедуры в Республике Казахстан. Обновленный Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – ГПК РК) вступил в силу 1 января 2016 года, в нем отдельная глава посвящена именно примирительным процедурам. Был создан новый правовой институт – партисипативная процедура, представляющая собой альтернативный метод разрешения споров и конфликтов с участием адвокатов сторон или юридических консультантов, без участия судьи.

Одно из существенных отличий в применении и проведении партисипативной процедуры во Франции и Казахстане исходит из непосредственно правового сознания граждан этих стран. Так, во Французской Республике граждане сами стремятся обратиться к внесудебным способам защиты своих прав и обязанностей, там альтернативные способы урегулирования в большей степени востребованы и зачастую без соблюдения досудебной процедуры примирения невозможно обратиться за рассмотрением дела в суд. Если говорить о Казахстане и в целом о постсоветских республиках, то граждане указанных государств при возникновении конфликта или спора непременно прибегают к судебному разрешению возникших споров. Это объясняется тем, что постсоветские государства еще не полностью отошли от модели советского правового регулирования, где обращение в суд являлось единственным возможным способом разрешения конфликта. Именно это не позволяет расширить использование альтернативного урегулирования конфликтов как в Казахстане, так и в Республике Беларусь.

Основы правового регулирования партисипативной процедуры Республики Казахстан содержатся в 17 главе ГПК РК. Если во Франции обратиться к партисипативной процедуре можно только до обращения в суд, то в Казахстане проведение данной примирительной процедуры возможно на всех стадиях гражданского процесса: в суде первой, апелляционной и кассационной инстанций, а также в период исполнительного производства (ст. 179 ГПК РК) [7].

Особенностью партисипативной процедуры в законодательстве Казахстана является то, что судья при принятии искового заявления обязуется приостановить или отложить начало гражданского производства на 10 дней для проведения примирительных процедур (это возможно сделать в судах любой инстанции за исключением кассационной). При этом судья в соответствии с ГПК РК (ст. 165) на начальной стадии рассмотрения гражданского дела уточняет у сторон по делу о наличии желания о проведении примирительных процедур [7].

Необходимым условием участия в переговорах сторон при содействии их адвокатов является добровольное выражение воли сторон, содержащееся в письменном заявлении стороны в адрес суда, в производстве которого рассматривается спор. При этом стороны партисипативной процедуры имеют право на любом этапе переговоров отказаться от участия в процедуре, предварительно в письменной форме уведолив об этом суд. В ходе переговоров стороны вправе распоряжаться своими материальными и процессуальными правами по своему усмотрению: увеличить или уменьшить размер требований,

отказаться от спора (за исключением изменения предмета и основания исковых требований, заявленных в суде). Ключевой фигурой переговоров остается адвокат. Он может самостоятельно выбирать средства и методы переговоров, допустимость которых определяется Законом Республики Казахстан от 5 июля 2018 года № 176-VI «Об адвокатской деятельности», Кодексом этики адвокатов и Регламентом проведения партисипативных процедур, который утверждается Республиканской коллегией адвокатов.

Основанием проведения партисипативной процедуры является заключенное в письменной форме в соответствии с законодательством соглашение. В Казахстане к партисипативному соглашению применяются следующие требования:

- соглашение должно соответствовать принципу законности и обоснованности;
- соглашение не должно затрагивать интересы третьих лиц;
- соглашение не должно нарушать права сторон по делу [7].

Для проведения партисипативной процедуры сторонам в целях оказания квалифицированной юридической помощи совместно с адвокатом необходимо заключить договор поручения, который должен соответствовать требованиям Закона Республики Казахстан «Об адвокатской деятельности» [8]. После заключения договора стороны могут по своему усмотрению договориться о месте, дате и времени проведения партисипативной процедуры.

Выделяют следующие существенные условия договора поручения об оказании юридической помощи в проведении переговоров в партисипативной процедуре:

- дата, время и место составления договора о проведении партисипативных процедур;
- сведения об адвокатах, участвующих в переговорах;
- наименование сторон спора, фамилии и инициалы, должности их представителей с указанием полномочий;
- предмет спора;
- условия, порядок и размер расходов, связанных с проведением партисипативной процедуры;
- язык, на котором будет проводиться партисипативная процедура;
- обязательство сторон и последствия неисполнения такого обязательства;
- вопрос об ответственности адвоката, участвующего в урегулировании спора в рамках партисипативных процедур;
- реквизиты сторон (данные, удостоверяющие личность, место жительства, контактные телефоны);
- сроки и порядок проведения партисипативных процедур [8].

Иными словами, объем существенных условий значительно шире, чем в законодательстве Франции. Более того, в Казахстане адвокатом Б. А. Раисовой разработаны методические рекомендации по проведению партисипативной процедуры. 11 марта 2016 года данные рекомендации были одобрены президиумом Республиканской коллегии адвокатов Республики Казахстан. Они состоят из 3 глав и 21 параграфа и содержат развернутое правовое описание проведения партисипативной процедуры. Прделана большая работа по систематизации правовых норм в области переговоров сторон при содействии их адвокатов, что в свою очередь может способствовать популяризации использования данной процедуры среди широкого круга лиц и сделать процедуру более четкой и понятной.

Если стороны смогли договориться по результатам переговоров, то заключается соглашение об урегулировании спора, достигнутое сторонами переговоров в рамках партисипативной процедуры. Данное соглашение, заключенное до рассмотрения гражданского дела в суде, представляет собой сделку, направленную на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей сторон.

Заключение

Подводя итог рассмотрению зарубежного опыта использования в гражданском судопроизводстве переговоров сторон при содействии их адвокатов, отметим, в настоящее время в мире сложилось два подхода к проведению партисипативной процедуры. Первый подход нашел свое отражение в законодательстве Франции, второй подход применяется в правовой системе Республики Казахстан.

Опыт применения партисипативной процедуры во французской правовой системе состоит в том, что в ней проведение партисипативной процедуры возможно только до обращения в государственный суд. Во Французской Республике переговоры сторон при содействии их адвокатов, не закончившиеся достижением согласия по делу, могут рассматриваться как подготовка дела к гражданскому разбирательству в суде. Это позволяет впоследствии ускорить рассмотрение дела судом, экономя при этом материальные и временные затраты суда. Включение данных положений в белорусское законодательство позволит увеличить количество споров, разрешенных в досудебном порядке, что в свою очередь снизит нагрузку на судебную систему.

Вторая модель применения переговоров сторон при содействии их адвокатов сложилась в Республике Казахстан. Схожесть правового сознания граждан обоих государств позволяет сделать вывод о том, что казахстанский опыт внедрения партисипативной процедуры будет более результативным. Вознаграждение труда адвоката, существенные условия договора о проведении партисипативной процедуры, опыт проведения самой процедуры переговоров в Казахстане – все эти аспекты могут лечь в основу белорусской модели проведения партисипативной процедуры, дав основу для развития института переговоров сторон при содействии адвокатов в нашей стране.

Обмен опытом возможно осуществлять через онлайн-встречи белорусских и казахстанских юристов, в частности, адвокатов. Такие встречи могут проводиться в форме круглых столов, научных семинаров, международных научно-практических конференций, а также через проведение зарубежных стажировок. Целью организации таких встреч станет развитие юридических навыков наших адвокатов и усовершенствование системы альтернативного правосудия нашей страны.

Изучение зарубежного опыта позволит избежать проблемных вопросов при внедрении в гражданское судопроизводство Республики Беларусь партисипативной процедуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Основные статистические показатели работы судов Могилевской области за 1-е полугодие 2024 года // Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь. – Минск. – URL: <https://court.gov.by/ru/mogilevskij/oblastnoj/sud/statisticheskie/dannie/0e84ebf1c8a94866.html> (дата обращения: 27.04.2025).
2. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь : 11 марта 2024 г. № 359-3 : принят Палатой представителей 31 янв. 2024 г. : одобр. Советом Респ. 19 фев. 2024 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 23.04.2025).
3. *Соловьев, А. А.* Об институте судебного примирителя во французском гражданском процессе / А. А. Соловьев // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. – 2017. – № 3. – С. 107–113.
4. Code civil de la République Française // Le droit accessible pour tous. – URL: <https://codes.droit.org/PDF/Code%20civil.pdf> (дата обращения: 24.04.2025).
5. Code de procédure civile de la République Française // Le droit accessible pour tous. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/section_lc/LEGITEXT000006070716/LEGISCTA000025181536/#LEGISCTA000034747263 (дата обращения: 24.04.2025).
6. *Бухарова, И. В.* Зарубежный опыт использования примирительных процедур в арбитражном процессе: перспективы применения в России / И. В. Бухарова // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2023. – № 2. – С. 68–74.

7. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 окт. 2015 года № 377-V ЗРК : в ред. Закона Респ. Казахстан от 3 дек. 2024 г. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34329053&doc_id2=34329053#activate_doc=2&pos=208;-128&pos2=2762;-96 (дата обращения: 27.12.2024).

8. Методические рекомендации по проведению партисипативной процедуры адвокатами // Республиканская коллегия адвокатов Республики Казахстан. – URL: <https://advokatura.kz/ru/intervu/metodiceskie-rekomendacii-po-provedeniu-partisipativnoj-procedury-advokatami> (дата обращения: 24.12.2024).

Поступила в редакцию 21.07.2025 г.

Контакты: annamaslakova95@gmail.com (Маслакова Анна Андреевна)

Maslakova A. A. FOREIGN EXPERIENCE OF APPLYING PARTICIPATORY PROCEDURE IN CIVIL PROCEEDINGS

The article examines foreign experience in the use of such an alternative method of resolving legal conflicts as the participatory procedure. In the Republic of Belarus, no scientific works by procedural scholars investigating the specifics of the participatory procedure in civil proceedings have been identified. The article analyzes the experience of using the participatory procedure in civil proceedings in such countries as France and Kazakhstan. Studying the experience of these countries will allow for the resolution of problematic aspects related to the introduction of the participatory procedure in Belarus.

Keywords: alternative dispute resolution, participatory procedure, legal conflict, party negotiations, lawyers, conciliation procedure, representation.

УДК 342.951

О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СОСТАВОВ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

А. А. Бань

аспирант юридического факультета

Белорусский государственный университет

В статье на основании объекта правонарушения осуществляется исследование родовой группы административных деликтов в области охраны окружающей среды с предложением видовой классификации противоправных деяний, базирующейся на нормах специального законодательства. Помимо этого вычленяются несвойственные составы с одновременной инициативой их включения в иные главы законодательного акта, устанавливающего административную ответственность.

Ключевые слова: состав правонарушения, объект правонарушения, административная ответственность, классификация деликтов, специальное законодательство, охрана окружающей среды.

Введение

Актуальным остается вопрос установления составов правонарушений, влекущих административную ответственность в области охраны окружающей среды, поскольку от правильной квалификации деяний зависит справедливость вынесенных решений по рассматриваемой категории дел, и как итог – реализация достижения основополагающей цели – санкции предотвращения совершения новых деликтов.

Целью настоящего исследования является проведение анализа составов административных правонарушений экологической направленности, исходя из объектного элемента, для установления критериев дифференциации деликтов и определение на этом основании видовых групп.

Основная часть

Как ключевой аспект административной ответственности состав правонарушения в целом в административно-деликтном праве достаточно хорошо проработан.

А. И. Сухаркова и А. А. Постникова исходят из того, что состав административного проступка – это научно-логическая конструкция, вытекающая из содержания норм права об административных правонарушениях [1, с. 101].

Аналогичной точки зрения придерживается Ю. Н. Стариков, говоря, что «состав проступка – логическая конструкция, закрепленная в праве; правовое понятие о нем, отражающее свойства, существенные признаки реальных явлений, т. е. определенных антиобщественных действий» [2, с. 532].

По А. Н. Крамнику, состав правонарушения – «внутренне присущая система установленных в КоАП признаков» [3, с. 80].

Про единство установленных объективных и субъективных признаков, характеризующих конкретное общественно опасное деяние как административное правонарушение, отмечают также Ю. И. Мигачев, Л. Л. Попов и С. В. Тихомиров [4, с. 197].

Родственную формулировку используют Г. А. Василевич, С. Г. Василевич и С. В. Добрянян, подразумевая под составом правонарушения совокупность объективных и субъективных признаков, которые характеризуют деяние как административное правонарушение [5, с. 50].

Кроме того, схожесть в дефиниции состава правонарушения как совокупности определенных существенных признаков прослеживается в трудах Л. М. Рябцева и О. И. Чуприс [6, с. 20], И. Д. Фиалковской [7, с. 30], В. П. Сальникова [8, с. 232].

Вышеприведенное позволяет констатировать тот факт, что теория права исходит из парадигмы состава правонарушения как совокупности специфических признаков, указывающих о противоправности совершенного деяния.

Говоря об объекте административных правонарушений экологической направленности, рациональным видится высказывание О. Л. Дубовик о том, что «именно объект посягательства выступает основным идентификационным признаком нарушений законодательства в области охраны окружающей среды» [9, с. 104].

Также согласимся с суждением В. Г. Абрамова на счет того, что объект правонарушения «играет ведущую роль в процессе дифференциации разнообразных форм противоправного поведения» [10, с. 44].

При этом узкими специалистами выражаются различные подходы к определению непосредственно объекта правонарушений в области охраны окружающей среды.

Например, В. В. Петров под объектом правонарушений видит природные объекты и комплексы, окружающую среду в целом, которая находится под защитой закона [11, с. 272], А. С. Шестерюк говорит об объекте как о качестве окружающей среды [12, с. 108], С. Н. Кравченко ведет речь о совокупности норм природоохранительной и природоресурсовой отраслей права [13, с. 75].

Кроме того, Ю. С. Шемшученко дифференцирует объекты правонарушений на общие и специальные, где под общим понимает – установленный в государстве экологический правопорядок, а в качестве специального объекта выделяет группы однородных общественных отношений [14, с. 112].

Д. Ю. Литвинчук говорит о дополнительном объекте правонарушений в сфере природопользования [15, с. 42].

Наиболее близкой нам и соответствующей нормам белорусского права представляется дефиниция объекта правонарушений в области охраны окружающей среды как сложного целостного комплекса общественных отношений экологического характера [16, с. 20].

Поддержим мнение А. В. Жильцова и Е. А. Димитровой на тот счет, что «правильное определение объекта административного правонарушения имеет, кроме сугубо теоретического, важное практическое значение для правильного применения ряда норм КоАП» [17, с. 55].

Исходя из названия главы 16 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), можно сделать вывод, что рассматриваемая родовая группа общественных отношений объединяет такие видовые правоотношения, как экологическая безопасность, окружающая среда и порядок природопользования.

Кроме того, восприятие исследуемых правонарушений для гражданина изначально ставит вопрос о дефиниции терминов: экологическая безопасность, окружающая среда и порядок природопользования, ответ на который требует изучения специальных норм права, дающих сущностную характеристику установленных деликтов, которая является важным звеном в определении связи между видовыми объектами и непосредственным объектом антиобщественного поведения.

Одними из первых вопрос о разделении административных правонарушений главы 16 КоАП по видовому принципу раскрыли Л. М. Рябцев и О. И. Чуприс [18, с. 176], Г. А. Василевич, С. Г. Василевич и С. В. Добрян [5, с. 390]. Это можно определить в качестве отправного этапа правового осмысления данной проблематики в отечественной доктрине административно-деликтного права.

Также С. А. Балашенко и Д. М. Демичев разделяют все экологические правонарушения на два вида: нарушения права собственности на землю и другие природные объекты и ресурсы, и правонарушения, оказывающие отрицательные воздействия на окружающую среду и ее компоненты [19, с. 264].

Кроме того, Л. М. Рябцев и соавторы говорят о составах общих экологических правонарушений и специальных составах [20, с. 130].

Согласно пунктам 23, 33 и 42 статьи 1 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» экологическая безопасность – состояние защищенности окружающей среды, жизни и здоровья физических лиц от возможного вредного воздействия на окружающую среду, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера; окружающая среда – совокупность компонентов природной среды, природных, природно-антропогенных и антропогенных объектов; природопользование – хозяйственная и иная деятельность, при осуществлении которой используются природные ресурсы и (или) оказывается воздействие на окружающую среду.

Иными словами, окружающая среда является собирательным термином, охватывающим поименованные объекты, под экологической безопасностью понимается дискретное состояние окружающей среды, а порядок природопользования выражается в динамическом потреблении, имеющихся в окружающей среде (а равно в антропогенном воздействии на нее) свободных (неэкономических) благ.

Таким образом, основываясь на легально закрепленных юридических терминах и их определении, законодательном регулировании общественных отношений, дадим собственную видовую классификацию административных правонарушений главы 16 КоАП.

К группе административных правонарушений против экологической безопасности относятся следующие 8 составов: статьи – 16.2, 16.3, 16.21, 16.40, 16.41, 16.42.

К группе административных правонарушений против окружающей среды относятся следующие 11 составов: статьи – 16.1, 16.9, 16.31, 16.32, 16.33, 16.43, 16.44.

К группе административных правонарушений против порядка природопользования относятся 56 составов: статьи – 16.8, 16.10 – 16.20, 16.22 – 16.27, 16.34, 16.35 (за исключением части 4), 16.36.

Отсюда следует, что административные правонарушения главы 16 КоАП достаточно объемны и объединяют порядка 75 составов, из которых 75% приходятся на деликты в сфере природопользования.

Приведенное ранжирование составов показывает, что такие статьи, как 16.4, 16.5, 16.6, 16.7, 16.28, 16.29, 16.30, части 4 статьи 16.35, 16.39 и 16.45 КоАП направлены на защиту правоотношений, не входящих в сферу экологической безопасности, охраны окружающей среды и порядка природопользования по следующим основаниям.

О биологической и экологической безопасности как о самостоятельных видах защищенности, отмечается в Концепции национальной системы обеспечения биологической безопасности, утвержденной постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 марта 2022 г. № 161, и в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5.

В соответствии с пунктом 19 статьи 1 Закона Республики Беларусь от 18 июня 2019 г. № 198-З «О радиационной безопасности» радиационная безопасность – состояние защищенности населения, персонала и окружающей среды от вредного воздействия ионизирующего излучения.

Следовательно, действующее белорусское законодательство устанавливает отличные виды безопасности: экологической, биологической и радиационной [21, с. 4].

Указанное правовое основание позволяет утверждать, что административные статьи 16.4, 16.5 и 16.6 охраняют общественные отношения, складывающиеся в сфере радиационной безопасности, а составы статей 16.7 и 16.39 призваны защищать правоотношения в области биологической безопасности, поскольку урегулированы специальными нормами законодательных актов.

Административные правонарушения, предусмотренные статьями 16.28 и 16.45, направлены на безопасность в части ветеринарной деятельности и сельского хозяйства, которая предусматривается в соответствующих отраслевых нормах и правилах.

При этом составы правонарушений статей 16.29 и 16.30 КоАП стоят на страже правоотношений по поводу соблюдения правил содержания и обращения с животными, а административный состав части 4 статьи 16.35 направлен на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

Наглядный анализ позволяет подытожить о включении в настоящий момент в главу 16 КоАП административных правонарушений, не свойственных ей, что говорит о необходимости пересмотра количественного показателя статей и переноса в иные родовые группы.

Так, например, статьи 16.4 – 16.7, часть 4 статьи 16.35 и статью 16.39 предлагается перенести в главу 17 КоАП, устанавливающую административную ответственность в сфере охраны здоровья населения, обусловленной наличием в ней правонарушений, складывающихся в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности и радиационного контроля, а также незаконного посева и выращивания растений с содержанием запрещенных химических веществ, что непосредственно связано с защитой здоровья человека как составной частью биологической безопасности.

Также предлагается передвинуть административные составы статей 16.28 и 16.29 в главу 19 КоАП, регламентирующую деликты против общественного порядка и общественной нравственности ввиду однотипности объекта правонарушений.

Для решения вопроса о правомерности нахождения административных правонарушений в сфере ветеринарии и сельского хозяйства в главе 16 КоАП обратимся к опыту иных постсоветских стран. Как говорил советский правовед Н. Д. Сергеевский, «научное исследование не может ограничиваться положительным правом одного какого-либо народа (правом отечественным). В качестве необходимого материала должны быть привлекаемы определения права других государств» [22, с. 2].

Так, КоАП РФ выделяет отдельную главу 10 в особенной части, поименованную как «Административные правонарушения в сельском хозяйстве, ветеринарии и мелиорации земель», где сосредоточены отмеченные составы, а также статьи, охраняющие правопорядок в сфере незаконного посева и выращивания растений с содержанием запрещенных химических веществ, которые в КоАП нашей страны, как отмечалось выше, включены в главу 17.

Схожесть в обособлении глав, предусматривающих административную ответственность за нарушения в сельском хозяйстве, ветеринарно-санитарных правил прослеживается в Кодексе об административных правонарушениях Азербайджанской Республики (глава 27), Республики Узбекистан (глава 10), Республики Казахстан (глава 22), Кыргызской Республики (глава 24), Республики Армения (глава 9).

Интересным воспринимается опыт Кыргызской Республики, где административно-деликтный закон объединяет административные правонарушения против порядка управления в сфере обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, ветеринарной и фитосанитарной безопасности.

Таким образом, для белорусского законодателя также усматривается правомочие сформировать дополнительный блок в виде главы родовых административных правонарушений, посягающих на нормы и правила, регулирующих ветеринарную деятель-

ность в сельском хозяйстве, однако, по мнению исследователя, данная возможность усложнит структуру кодекса, приведет к очередной перестройке в нумерациях статей и глав в целом и нецелесообразна ввиду незначительности количественного показателя деликтов.

В связи с чем с правоприменительной точки зрения прагматичнее использовать имеющийся потенциал, разместив составы правонарушений в области сельского хозяйства и ветеринарной деятельности, в малочисленной главе 17, одновременно изменив ее название.

В дополнение статьи 16.37 и 16.38 КоАП, на первый взгляд, можно отнести к исследуемой нами главе, однако при детальном анализе составов отмечается альтернативное заключение.

Объективная сторона административных правонарушений по части 1 статьи 16.37 КоАП выражается в нарушении инструкций по эксплуатации водохозяйственных систем и отдельно расположенных гидротехнических сооружений и устройств, мелиоративных систем.

Состав части 2 отмеченной статьи является квалифицирующим, декларирующим повторность совершенного деликта в течение одного года после наложения административного взыскания за аналогичное нарушение.

По части 1 статьи 16.38 КоАП объективная сторона проявляется в повреждении водохозяйственных систем, гидротехнических сооружений и устройств, которые повлекли загрязнение или засорение вод.

Правовой основой для дефиниции используемой терминологии является Водный кодекс Республики Беларусь, а также Закон Республики Беларусь от 23 июля 2008 г. № 423-З «О мелиорации земель».

Следовательно, объектом правонарушения приведенных трех частей являются общественные отношения, направленные на защиту водохозяйственных и мелиоративных систем, а также гидротехнических сооружений и устройств (в том числе отдельно расположенных).

При этом из «общей картины» выбивается часть 2 статьи 16.38 КоАП, где законом охраняются правоотношения в сфере системы питьевого водоснабжения и канализации, а деликтом является нарушение, выраженное в самовольном подключении к ним, в связи с чем, учитывая специфику объекта правонарушений, несвойственную нашему предмету внимания, и в силу положений пункта 14 статьи 2 Водного кодекса Республики Беларусь, предлагается исследуемому составу придать самостоятельность и разместить в главе 24 КоАП, предусматривающей деликты против порядка управления.

Одновременно, принимая во внимание типичность объекта и объективной стороны, закрепленных в статье 16.37 и части 1 статьи 16.38 КоАП, напрямую не соотносимых с экологической безопасностью, окружающей средой и порядком природопользования, предлагается их объединить в одну статью, перенести в главу 17, где будут сосредоточены составы правонарушений против здоровья населения, а также в области сельского хозяйства и ветеринарной деятельности.

Заключение

Проведенный анализ административных правонарушений экологической направленности раскрывает объект деликта как ключевой элемент, разграничивая родовую группу антиобщественных поведений на три видовых блока, а предметное регулирование исследуемых общественных отношений, установленное в специальных нормативных правовых актах, позволяет вычленив несвойственные ей 15 составов противоправных деяний, которые подлежат включению в иные главы КоАП, исходя из ти-

пичности объекта. Из дифференцированных 75 составов правонарушений в области охраны окружающей среды вытекает факт преобладания антиобщественных отношений в части природопользования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Административное право Республики Беларусь / А. И. Сухаркова, А. А. Постникова. – Мн. : Общественное объединение «Молодежное научное общество», 2001. – 169 с.
2. **Старилов, Ю. Н.** Общее административное право : учебник / Ю. Н. Старилов. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2007. – 848 с.
3. **Крамник, А. Н.** Административно-деликтное право. Общая часть : пособие для студентов вузов / А. Н. Крамник. – Мн. : Тесей, 2004. – 288 с.
4. Административное право Российской Федерации : учебник для академического бакалавриата / Ю. И. Мигачев, Л. Л. Попов, С. В. Тихомиров ; под ред. Л. Л. Попова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2015. – 519 с.
5. **Василевич, Г. А.** Административно-деликтное право : учеб. пособие / Г. А. Василевич, С. Г. Василевич, С. В. Добрян. – Мн. : Адукацыя і выхаванне, 2013. – 648 с.
6. Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право : в 2 ч. Ч. 2. Процессуально-исполнительное право : учеб. пособие / Л. М. Рябцев [и др.] ; под общей редакцией Л. М. Рябцева, О. И. Чуприс. – Мн. : Вышэйшая школа, 2017. – 239 с.
7. **Фиалковская, И. Д.** Состав административного правонарушения: первичные и вторичные признаки / И. Д. Фиалковская // Законность и правопорядок. – 2018. – № 3(19). – С. 29–33.
8. **Мазурин, С. Ф.** Административное право : учеб. пособие / С. Ф. Мазурин, К. Г. Прокофьев ; под общ. ред. В. П. Сальникова. – СПб. : Фонд «Университет», 2019. – 312 с.
9. **Дубовик, О. Л.** Механизм действия права в охране окружающей среды / О. Л. Дубовик. – М. : Наука, 1984. – 168 с.
10. **Абрамов, В. Г.** Объект экологического правонарушения: понятие и особенности социального содержания / В. Г. Абрамов // Вестник Мордовского университета. Сер. Юридические науки. – 2006. – № 1. – С. 44–51.
11. **Петров, В. В.** Экологическое право России : учебник для вузов / В. В. Петров. – М. : БЕК, 1995. – 557 с.
12. **Шестерюк, А. С.** Вопросы кодификации законодательства об охране окружающей среды / А. С. Шестерюк. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 120 с.
13. **Кравченко, С. Н.** Имущественная ответственность за нарушение природоохранительного законодательства / С. Н. Кравченко. – Львов : Вища школа, Изд-во при Львов. ун-те, 1979. – 183 с.
14. **Шемшученко, Ю. С.** Правовые проблемы экологии / Ю. С. Шемшученко. – Киев : Наук. думка, 1989. – 153 с.
15. **Литвинчук, Д. Ю.** Признаки состава административных правонарушений в сфере охраны и использования вод / Д. Ю. Литвинчук // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 4, Правазнаўства. – 2023. – Т. 13. – № 1. – С. 37–45.
16. **Колбасов, О. С.** Эффективность юридической ответственности в охране окружающей среды / О. С. Колбасов, Н. И. Краснов. – М. : Наука, 1985. – 225 с.
17. **Жильцов, А. В.** К вопросу об объекте и предмете административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях / А. В. Жильцов, Е. А. Димитрова // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2016. – № 4(25). – С. 55–62.
18. Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право : учеб. пособие : в 2 ч. Ч. 1. Административно-деликтное право / Л. М. Рябцев [и др.] ; под ред. Л. М. Рябцева, О. И. Чуприс. – Мн. : Вышэйшая школа, 2017. – 327 с.
19. **Балашенко, С. А.** Экологическое право : учеб. пособие / С. А. Балашенко, Д. М. Демичев. – 2-е изд. – Мн. : Ураджай, 2000. – 398 с.
20. Административно-деликтное и процессуально-исполнительное право : учебник / Л. М. Рябцев [и др.] ; под ред. Л. М. Рябцева, О. И. Чуприс. – Мн. : Вышэйшая школа, 2022. – 463 с.
21. **Бань, А. А.** Право на благоприятную окружающую среду как источник биологической и экологической безопасности Республики Беларусь / А. А. Бань // 75 лет Всеобщей декларации прав человека [Электронный ресурс] : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 8 дек. 2023 г. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: П. В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. – Мн. : Академия МВД, 2024. – С. 3–5.

22. *Сергеевский, Н. Д.* Русское уголовное право. Часть общая : пособие к лекциям / Н. Д. Сергеевский. – Санкт-Петербург, 1896. – VIII, 378 с.

Поступила в редакцию 5.01.2026 г.

Контакты: law.ban@mail.ru (Бань Анастасия Александровна)

Ban A. A. ON THE DIFFERENTIATION OF ELEMENTS OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION

Based on the object of the offense, the article examines a generic group of administrative offenses in the field of environmental protection, proposing a specific classification of offenses by type based on the provisions of specialized legislation. Furthermore, it identifies the inappropriate elements of these offenses and simultaneously proposes their inclusion in other chapters of the legislative act establishing administrative liability.

Keywords: elements of the offense, object of the offense, administrative liability, classification of offenses, specialized legislation, environmental protection.

ДЛЯ ЗАЎВАГ

Пераклад тэкстаў рэфератаў артыкулаў
на англійскую мову
Я. В. Рубанава

Тэхнічны рэдактар *А. Р. Роскач*
Камп'ютарны набор і вёрстка *М. Г. Алешка*
Карэктар *І. Г. Каржова*

Падпісана да друку 14.04.2026 г. г.
Фармат 70x108¹/₁₆. Папера афсетная. Гарнітура Times New Roman.
Ум.-друк. арк. 8,36. Ул.-выд. арк. 9,6 Тыраж 30 экз. Заказ № 1515.

Установа адукацыі “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А. А. Куляшова”, 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.
Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/131 ад 03.01.2014 г.

Унітарнае паліграфічнае камунальнае прадпрыемства
“Магілёўская абласная ўзбуйненая друкарня імя С. Собаля”
ЛП № 02330/23 ад 30.12.2013 г.
вул. Першамайская, 70, 212030, г. Магілёў